СЕРИЯ «ЗВОНОК ИЗ БУДУЩЕГО». КНИГА ТРЕТЬЯ

ДЖ.Т. ЛОУРЕНС

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В мире будущего, где грань между вызывающей привыкание виртуальной реальностью и настоящей жизнью размыта, причинишь ли ты вред своей дочери, если это будет единственным способом ее освободить?

Когда игроманка Сильвер не появляется дома накануне своего шестнадцатилетия, Кейт и Кеке идут ее искать. Это опасное путешествие по городу в разгар гражданской войны. Окутанный элекстросмогом и захваченный паникой город оккупировали народные мстители — охотники на ботов. Безжалостное восстание искусственного интеллекта подвергает опасности всех, кого любит Кейт, в частности, Мэлли и его девушку антробота.

В преддверии пророчества Судного дня Кейт обнаруживает, что в игре замешаны силы, о которых она и не догадывалась, а на карту поставлено гораздо больше, чем просто жизнь женщины и ее детей. Чтобы всех спасти, ей придется выйти далеко за пределы своих возможностей.

Сыграет ли Кейт в игру?

Киберпанк переплетается с робоапокалипсисом на грани литературной ролевой игры в этом темном футуристическом антиутопическом триллере. Приготовьтесь ко взрыву мозга от третьей книги в захватывающей серии «Звонок из будущего».

Готовы? Ваша зависимость от этой книги начинается сейчас.

•

Название: Что мы натворили
Серия: Звонок из будущего № 3
Автор: Дж. Т. Лоуренс
Переводчик: Arctic_penguin
Редакция и оформление: Маргарита Волкова
Переведено для группы Dark Eternity of Translations | Натали Беннетт, 2022

Любое копирование фрагментов без указания переводчика и ссылки на группу
и использование в коммерческих целях ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд! Все права принадлежат автору.

Данная книга предназначена только для предварительного

ознакомления!

Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.

Спасибо.

Пролог
Больница «Гордон»
Йоханнесбург, 2024

— Я тебе еще раз говорю, — раздается в одной из кабинок туалета для обоих полов тихий, отрывистый шепот Кеке. — Я тебе еще раз говорю оставить меня в покое.

Кейт думает, что Кеке говорит по телефону, так что она сильно удивлена, когда слышит ответ. По ее нервным рецепторам проносится вспышка (Кадмиевый Поток). Она отворачивается от умного зеркала и забывает о потекшей туши на своих щеках.

— Кеке, пожалуйста, просто выслушай меня, — произносит мужчина.

— Нет! — отвечает Кеке. — И не собираюсь. Не могу.

— Я не причиню ей вреда. Обещаю. Мне просто нужно, чтобы…

— Это ты рассказывал друзьям своих предыдущих жертв?

— Жертв? Кеке, о чем ты?

— Здесь были копы, Зак. Они все мне рассказали.

— Ты поверишь полиции? Серьезно?

— Ты убил Хелену Нэш.

— Хелена сама себя убила.

*«Какого х*я?»*, — думает Кейт с подскочившим в крови адреналином. Она подкрадывается поближе к двери.

— Ты помог ей. И тем другим, — говорит Кеке. — Я ухожу.

Слышится возня.

— Отпусти меня. Отпусти меня, или я закричу.

— Кеке. Выслушай меня, пожалуйста…

— Я верну тебе деньги, хорошо? Я найду способ.

Кейт хмурится. *Вернет деньги? Какого черта происходит?*

На цыпочках она подходит ближе с колотящимся в груди сердцем.

— Ты не должна возвращать мне деньги! Дело не в quid pro quo *(прим.: с лат. «Услуга за услугу»)*. А в чем-то гораздо большем. Мне нужно, чтобы ты…

— Нет! С Кейт уже хватит. Она этого не вынесет. Отпусти меня.

Кейт чувствует вспышку гнева. Она открывает дверь, Кеке с мужчиной поворачиваются, чтобы посмотреть на нее. Он сжимает пальцами ее предплечье.

— Отпусти ее руку, — произносит Кейт.

— Кейт.

Он привлекателен, одет в пошитый на заказ темный костюм и шелковый галстук. Цвет чирок, Нарушитель.

— Мне нужно кое-что рассказать тебе.

— Тогда расскажи мне.

Кейт не может вспомнить, что когда-либо видела этого мужчину, но что-то в нем кажется знакомым. Словно она уже видела его прежде, по домашнему экрану или во сне.

— Не здесь, — отвечает Зак. — Не так.

— Не знаю, кто ты. И не собираюсь играть в твои игры, — сообщает Кейт. — Скажи мне, что происходит.

— Все сложно.

— Кто тебя послал?

— А вот это интересный вопрос.

Кейт уставилась на него.

Он трет губы.

— Ты не поверишь мне, если я тебе расскажу.

В голове Кейт фиолетовая пульсирующая боль. От усталости или недовольства, даже, скорее всего, выматывающего сочетания их обоих. У нее возникает неуместное желание опуститься на холодный твердый пол и надолго закрыть глаза. Почему психов к ней так и тянет? В ее жизни было достаточно умалишенных. С этого момента, она хочет общаться только с нормальными людьми. Приятными, не психованными и не тащащими ее в свой сюрреалистичный, непредсказуемый мир.

— Ты тратишь наше время, — говорит Кейт, готовясь уходить.

Она хочет вернуться к Мэлли и Сильвер в больничной палате. Фиолетовая пульсация становится темнее, начинает перетекать в цвет индиго.

Зак смотрит на микрокамеру в углу на потолке.

— Мы можем где-нибудь встретиться? — шепчет он.

Кейт хмурится от этой мысли.

— Ты действительно думаешь, что я на это соглашусь? Что дальше? Начнешь доставать сладости из кармана пальто? Нет, мы не можем нигде с тобой встретиться.

Зак показывает ей ладони в знак капитуляции. У него красивые руки, и Кейт раздражена тем, что заметила это. Сейчас, определенно, не время любоваться его руками и глубиной глаз (Звездная пыль, Слежка). Ей нужно убираться отсюда прямо

сейчас.

— Поспеши! — переминается с ноги на ногу Кеке, и Зак стреляет в нее взглядом. О чем они ей не говорят?

— Зак — специалист по суицидам, — сообщает Кеке.

— Что-что? Я не понимаю, что это значит.

Суицидальная болезнь широко распространена, но какое отношение к Кейт имеют неудачливые лемминги?

— Тебе будет сложно понять, поначалу, — говорит он, — но ради твоих детей, мне нужно, чтобы ты была не предвзята…

Ради моих детей? Кейт делает шаг от него. Он приближается к ней, хватает за руку. Крепко и пугающе.

— Не смей угрожать моим детям.

— Нет! Нет. Напротив. Я здесь, чтобы спасти их. Спасти вас всех. Именно за этим я здесь. Это причина, по которой я…

Кейт хочет спросить: «Спасти нас от чего?», но раздается грохот, когда группа мужчин в черной кевларовой коже и экзоскелетах вламывается в главную дверь и припечатывает Зака к акустическим плиткам душа. Кейт тревожно вскрикивает и хватает Кеке. Они убираются подальше от агрессивных мужчин, врезаясь в раковины за своими спинами. Паника окрашивает ее внутренности в кричащий оттенок желтого. Мужчины что-то кричат Заку, бьют его по щеке прикладом смазанного оружия. Приказывают ему не двигаться, не совершать глупостей, даже не дышать. Кейт замечает проблеск полицейского жетона. Они заставляют его поднять руки у стены и обыскивают его руками в перчатках.

Входит детектив Рамфеле и кивает окаменевшей Кеке, которая кивает в ответ.

Мужчины разворачивают Зака.

— Гердлер, — произносит детектив.

Он моргает, словно не совсем верит своим глазам. Зак спокоен, в его глазах нет страха. Рамфеле смотрит на Зака с чем-то похожим на восхищение, поглаживая револьвер в кобуре у его бедра.

— Закари Гердлер. Не думал, что этот день настанет.

— Зак. Прости. У меня не было выбора.

Лицо Кеке мрачнеет, будто на солнце набежали тучи.

В воздухе повисают несказанные слова: «Выбор есть всегда».

— Они собирались арестовать меня за сговор с тобой с целью убийства Хелены Нэш, — говорит Кеке. — Заковали меня в наручники, а Марко умирал. Близнецы пропали. Я была в отчаянии. Только так они согласились…

Зак сжимает челюсть.

— Ты сделала, что должна была, — но его глаза говорят:

«Боже, Кеке, что ты натворила?».

Сердце Кейт наполняется страхом. Ее инстинкты подсказывают, что этого не должно быть, что это не часть плана.

Но какого плана? Чьего плана?

Воздух пахнет жестокостью. Все происходит слишком быстро, и Кейт хочет нажать на паузу и прокрутить назад. Мужчины защелкивают умные наручники на Заке и толкают его вперед.

— Не сводите с него глаз, — приказывает детектив Рамфеле. — Ни на секунду, вы меня слышали?

— Да, сэр.

— Он вертлявый ублюдок.

Зак не отрывает взгляда от Кеке. Их будто соединяет живая проволока.

— Подождите! — кричит она, но они не ждут.

Теперь Кейт отчаянно желает знать, что он хотел рассказать ей, но его заслоняют копы. Складывается ощущение, что у нее забирают что-то жизненно важное, что, если она не ухватится за это прямо сейчас, будет потом вечность жалеть.

— Пожалуйста, подождите! — снова кричит она.

— Тебе придется прийти найти меня, — говорит Зак, — чтобы я передал тебе послание. Тебе нужно знать. От этого зависит твоя жизнь.

Команда тестостерона выволакивает Зака из туалетной комнаты.

— Я найму тебе лучшего адвоката! — кричит ему вслед Кеке. — Я к тебе приеду!

Рамфеле взрывается смехом.

— Там, куда отправляется Гердлер, вы никогда не встретитесь.

Часть 1

Глава 1

Торт на похороны

12 лет спустя

Квартира Сета. Йоханнесбург, 2036

Кейт еще раз кусает тортик на похороны.

— О чем ты думаешь?

— М-м-м, — произносит Кеке, жуя, — если бы этот тортик был человеком, я бы привела его домой и…

Сет прочищает горло, и она не договаривает. В сорок с хвостиком лет, в глазах Кеке все еще светится этот лиловый блеск озорства. Она подмигивает Сету, и он подмигивает в ответ.

— Он хорош.

Кеке щелкает языком.

— Imnandi *(прим.: с зулу «Забавно»)*. Я бы ушла с ним. Два других были тоже ничего, но… напомни-ка как он называется?

Кейт хмурится. Когда ее взгляд падает на голоэтикетку, появляется название торта.

— «Смерть от шоколада».

Кеке фыркает.

— А, ну, по крайней мере, у них есть чувство юмора.

— Мрачного юмора, — замечает Кейт.

— Идеально для похоронного бюро.

— Им есть чему радоваться, — говорит Сет. — Вы видели, сколько они дерут? Я занимаюсь совсем не тем.

— И чем же вы занимаетесь, мистер Деникер?

Кеке прислоняется бедром, одетым в кожу, к гранитной столешнице кухонного острова.

— В прошлый раз, когда я спрашивала, вы собирались основать компанию-которую-нельзя-называть.

— Я все еще собираюсь.

Кеке выпрямляет спину.

— Сфера деятельности?

— Продвинутая хим-инженерия. Как иначе?

— На себя или нет?

— А?

— Ты работаешь на них или против них?

— А, знаешь. Как обычно. И то, и другое.

Они усмехаются, но правда состоит в том, что, если «Бильхен» когда-либо пронюхает, что Сет был биопанком-хактивистом, вероятно, его швырнут в какое-нибудь (с товарной маркой) подземелье.

— Я все еще жду, что они придут в себя и заставят меня исчезнуть.

Кеке постукивает по подбородку.

— Может быть, у них на тебя планы.

— Да, — говорит Кейт. — Заманить тебя и скормить игуанам.

Сет улыбается.

— При их репутации, это будет неудивительно.

Кеке слизывает с губ глазурь.

— Везучие игуаны.

— С таким чувством юмора, — замечает Кейт, — тебе следовало заняться похоронным бизнесом.

Кеке смотрит на то, что осталось от торта.

— Не искушай меня.

— Кто бы мог подумать, что на индустрии смерти в городе можно столько зарабатывать?

— Мне нравится, как ты сказала: «индустрии смерти в

городе».

— Ха-ха, — произносит Кейт, убирая со стола.

— Вы, ребята, хорошо переживаете болезнь своей матери, — говорит Кеке. — Что вы чувствуете?

Сет пожимает плечами.

— Переживать-то переживаем, но это странно, понимаешь? Планировать похороны для того, кто все еще… жив.

Жить ей осталось недолго. Кейт сдерживает слезы, от которых жжет в носу.

Этой весной в моде поминальные вечеринки. Многие граждане в ярости.

«ЗАЧЕМ ЖДАТЬ, КОГДА ТЫ УМРЕШЬ?» был одним из тех чуть выделяющихся заголовков, которые Кейт видела на вечно парящих городских голоэкранах, которые она хотела бы убрать. Чтобы убрать автоматическую рекламу, всплывающую перед твоим взором в нейрореальности, нужно было заплатить более миллиона блоков. Кейт всегда называла это явным вымогательством и отказывалась платить откуп, но в последнее время ее решимость таяла. Она устала, что лазеры сканировали ее, кастомизируя рекламу, которая агрессивно пыталась привлечь ее внимание. Она представляет, как идет на старомодную прогулку по улицам с цветущей пурпурными цветками жакарандой, и ничто не наводняет ее зрение, она просто дышит свежим воздухом.

«Я имею в виду, что дальше? — спрашивала она Сета. — *Они заставят нас платить за воздух, которым мы дышим?»*

Сет поднимал брови, словно говорил, что не будет удивлен. На самом деле, глупые люди скупали баллоны альпийского воздуха, словно от этого зависела их жизнь. В принципе она и зависела, если количество смога в атмосфере продолжит расти. Придурки откапывали свои старые маски от супербактерии и добавляли новые штрихи: атласные заплаты, медные заклепки, замысловатые стежки, вручную шили и строчили свои последние аватары и слоганы.

***

Передняя дверь со стуком захлопывается. Боунчейсер вскакивает с постели Кейт и бежит в переднюю часть дома. В воздухе вокруг Кейт разносится шквал счастливого розового лая.

— Мэлли? Это ты?

— Мы в кинокомнате! — кричит Мэлли, и еще одна дверь хлопает.

Почему подростки все время хлопают дверями?

— Если он снова сломает «Секьюродор», я вычту ее стоимость из его содержания, — говорит Сет.

— Если капризный шестнадцатилетний подросток может сломать дверь безопасности стоимостью в сотню тысяч ранд, то она заслуживает быть сломанной, — говорит Кеке. — Я хочу сказать, что бы ты сделал, если наступил зомби апокалипсис? Не хлопал бы дверями?

— Знаешь, ты такая же, как они, — говорит Сет. — У тебя есть ответ на все.

— Приму за комплимент!

Кеке хлопает ему ресницами.

— Неудивительно, что вы, ребята, так спелись, — говорит Кейт.

В Кекелетсо есть какая-то живость, какое-то любопытство и грациозность движений. Она всегда за то, чтобы попробовать что-нибудь новое. Всего на прошлой неделе она училась летать на «Волантере». Ее кожа светится от кипучей энергии.

С другой стороны, на Кейт отразились пережитые моральные травмы и недосып, сопровождающий материнство. О чем она вспоминает каждый раз, как по утрам ее будит зеркало у подвесной кровати. Она чувствует, что стареет, но ее всегда удивляет, когда она замечает на своей коже новые текстуры: хештеги сбоку на пальцах, помятую ото сна кожу на запястьях. Кеке, с другой стороны, регулярно трудится над своей кожей после того, как много лет утверждала, что не будет этим заниматься. Она называет это «спасением лица».

«Я не могу сегодня готовить ужин. Я в спа, спасаю лицо».

Но даже в худшие дни, Кейт не испытывала соблазна сделать инъекцию нейротоксичных протеинов и стволовых клеток, дабы разгладить морщины. В каком-то смысле, она была рада, что становится старше, и начала меньше тревожиться и больше наслаждаться жизнью, несмотря на бесчисленные проблемы с детьми. Внутрь скользит пылесос робот, похоже, довольный возможностью поработать, и всасывает сладкие крошки на кухне.

— Как думаешь, ничего, если в эти выходные на праздник близнецов мы купим такой же торт?

— Похоронный тортик? Может быть, — отвечает Кеке. — Кому какое дело? Кстати, что ты запланировала на их день рождения? «Баркейд»? Световые жонглеры? Покорение Марса? Дронный балет? Никто из них не скажет «Сладкие шестнадцать», так?

— Ха, — отвечает Сет.

— Скорее не-такие-уж-сладкие.

Кейт вызывает список — план вечеринки для близнецов — и

вычеркивает «ТОРТ». Все стальные галочки не проставлены.

— О чем это вы? — спрашивает Кеке. — Ваши детки лучшие. Вы знаете, что они лучшие.

— Ха, — снова произносит Сет.

— Вы встречали других подростков? Они злые. Невыносимые. Я перехожу на другую сторону улицы, когда вижу тинейджеров.

— Ладно, так значит, наши не так уж плохи, — говорит Кейт, — но…

— Что такое? Дело в Мэлли? Его новой девушке?

Кейт вздрагивает.

— Лучше бы ты этого не говорила, — замечает Сет.

Она стреляет в него взглядом «извини, но мне не жаль». Она ничего не может с собой поделать, каждый раз, как Вега переходит через порог, у нее идет мороз по коже.

— Просто это… странно. К такому надо привыкнуть.

Сначала собака-робот, а теперь…

— И вы просто позволяете им проводить здесь время, без дуэньи *(прим.: воспитательница девушки или молодой женщины-дворянки, всюду ее сопровождающая и следящая за ее поведением)*? С вашей стороны это очень avant-garde.

— То, чем они занимаются наедине, меньшая из наших тревог, — отвечает Сет. — Кейт поседеет из-за Сильвер.

Кейт касается серебряных волосков в своей прическе. Их количество увеличилось за ночь.

— Да ты прямо Мария Антуанетта, — говорит Кеке и улыбается при виде тарелок, с которых исчез тортик.

— Я хочу отдать ее в какой-нибудь реабилитационный центр, — говорит Кейт.

Кеке вздрагивает.

— Что? Сильвер? Почему?

— Ты чрезмерно бурно реагируешь, — говорит Сет. — Сильвер ведет себя абсолютно нормально.

— Совсем ненормально! — заявляет Кейт. — Она все время погружена в виртуальную реальность.

— Нормально, — говорит Кеке.

— Иногда она не говорит с нами по несколько дней. Забывает поесть, потому что ела в игре, а потом забывает, что и в реальности должна есть.

— Нормально.

— Вы видели, какой худой она стала? На днях она потеряла сознание, и я не могла понять, почему. А потом мы поняли, что она пару дней не ела.

— Так упакуй ей пару изопротеиновых батончиков и заставь ее дружка установить напоминалку в ее интерфейсе. И одну из

тех умных сосок, которые заставляют тебя пить воду.

— Ты серьезно?

— Что? А это мысль.

Кейт прикладывает ладонь ко лбу.

— Так нельзя жить.

— Теперь все живут так, — отвечает Сет.

— Она хочет сделать себя киборгом, и я не знаю, как ее остановить. Все ее друзья такие же.

— Ты не можешь остановить ее, котенок, — говорит Кеке. От этих слов у Кейт появляется жжение внутри. — Я хочу сказать, как только технологии улучшатся, я тоже собираюсь попробовать.

— Не смей!

— И я тоже, — говорит Сет. — Сейчас непривычно, но для Сильвер и Мэлли это уже будет нормой.

Морган постоянно упрашивает Кейт поставить себе кибернетические имплантаты. Он говорит, что возможности аналогового мозга ограничены; что, если они уже скоро не станут идти в ногу со временем, то окажутся в опасности оказаться на том же уровне развития, что и домашние кошки. Развитый искусственный интеллект в настоящее время начинает превосходить человека во всем. Оба сценария вызывают у Кейт сильное предчувствие. Она не хочет быть, как домашняя кошка, и не хочет, чтобы ее мозг усовершенствовали. Так что ей остается?

— Для нас нормально сопротивляться этому, как и наши родители — появлению телефонов и электронных книг. Кроме того, разве не будет замечательно от этих линз и «косточек»?

Кеке прикасается к прозрачному передатчику, который тянется от ее уха к губам.

— Я свои уже не чувствую, — отвечает Сет.

— Просто, чтобы вы, ребята, знали, — Кейт массирует виски. — Я сейчас в диком ужасе.

— На мой взгляд, ты выглядишь спокойной.

— Годы материнства.

Что всегда говорила Арронакс? Ты не можешь остановить прогресс. Но это не значит, что он должен ей нравиться.

— Я лишь хочу, чтобы вы, придурки, знали, что, если вы попытаетесь поставить себе имплантаты, я… Не знаю. Убегу. Присоединюсь к племени Отсоединенных. Сбегу куда-нибудь…

***

Боунчейсер начинает лаять.

— Что это за звук?

Кеке оглядывается назад в направлении кинокомнаты.

— Собака лает, — отвечает Сет.

— Нет, другой звук.

Они все наклоняют головы. Это сирена, и она воет все громче. Лай Боунчейсера набирает обороты.

Что-то в лае кажется Кейт не хорошим. Лай кажется другим и с нотками свирепости в нем. Она никогда не слышала, чтобы пес так лаял. Эта сирена… раздается в этой квартире?

До них доносится громкий рычащий звук. Мэлли начинает кричать.

— Сидеть, Чейсер, сидеть! — доносится его приглушенный крик. — Сидеть!

Когда Кейт с Сетом бросаются к Мэлли, тот начинает орать.

Глава 2
Чейсер

Кейт, Сет и Кеке бегут на звуки бешеного рычания. Сирена вместе с криками Мэлли вызывает перед глазами Кейт желтые линии. Когда они вваливаются в комнату, слышатся влажные звуки, погружающихся в плоть зубов. Мэлли кричит от шока и боли, его лицо превратилось в маску чистого ужаса.

— Чейсер! — кричит Сет. — Сидеть!

Но рычащая собака продолжает атаковать Мэлли. Получив еще один сильный укус в верхнюю часть бедра, мальчик падает на пол. Когда собака набрасывается на лицо Мэлли, Кейт кричит: «Нет!» и раздается такой громкий взрыв, что ее ослепляет. Она не может увидеть, что происходит, до нее доносится запах пороха и скулеж Боунчейсера. Ее зрение возвращается в виде разноцветных фигур: четыре человека перемещаются вокруг нее, собака лежит, умирая, на полу. Мэлли держится за свою раненую ногу, смотрит, как его штанины окрашиваются лепестками малинового. Кейт бросается к нему, опускается на колени и берет его за плечи.

— Ты в порядке! — восклицает она, будто выкрикивает приказ.

Бледные губы Мэлли дрожат.

— Ты с ума сошел? — кричит Кейт на Сета, который смотрит вниз на свой пистолет, будто не может вспомнить, что это. — Ты мог застрелить Мэлли!

Сет поднимает на нее взгляд.

— А ты бы предпочла, чтобы твоего сына загрызла робо-собака?

Кеке не двигается. Они все смотрят вниз на Боунчейсера, чей скулеж превратился в тихие стоны, собака задыхается и машет хвостом, в ее черепе зияет огромная дыра.

Кейт трясет.

— Что, черт возьми, произошло?

— Боунчейсер сошел с ума, — отвечает Вега, пугая Кейт.

Она совсем забыла о девушке Мэлли. Вега, как всегда, абсолютно спокойна.

— Нам нужно отвезти его в ветлечебницу «ПетТех».

Мэлли вытирает слезы. Они с Боунчейсер были неразлучны, пока не появилась Вега.

Кейт печально смотрит на собаку. Поначалу Чейсер пугала ее до жути, но со временем они привязались друг к другу. По сути, теперь больше, чем когда бы то ни было, ведь дети стали подростками, похоже, что Чейсер стала единственной, кто всегда рад видеть Кейт. Собака пытается встать на ноги, и Кейт инстинктивно тянется, чтобы помочь ей, но Сет перехватывает ее руку и качает головой.

«Я просто хотела попрощаться», — думает она, глядя, как К9000 выключается. Одна лапа бьет по полу в смертельной агонии.

— Мэлли нужна медицинская помощь, — говорит Вега.

Сет включает свой «Скрайб».

— Я вызову амбудрон.

— Нет необходимости, — сообщает Вега.

— Конечно же, чертова необходимость есть, — не соглашается Кейт, вкладывая в свои слова больше яда, чем хотела. — У него ранена нога. Он в шоке.

— Я провела сканирование тела, — говорит девушка Мэлли. — Его раны поверхностны.

— Ну, я все еще хочу отвести его к доктору.

— Нет необходимости, — возражает Вега. — У меня есть все нужное оборудование, чтобы помочь ему прямо здесь.

Она расстегивает свою блузку, открывая виду идеальную грудь третьего размера в кружевном пуш-ап. Из верхней части ее грудной клетки выезжает небольшой отсек. Вега достает изнутри набор первой помощи и, отсек закрывается. На ее коже не остается и намека на него. Из ее виска появляется осветительный прибор и, когда он включается, она им улыбается.

— Могу я воспользоваться вашим кухонным столом?

Вега поднимает на руки Мэлли, будто он ничего не весит, несмотря на то, что он ростом почти с Сета, и относит его на кухню. Аккуратно кладет его на стол и открывает аптечку. Кейт маячит рядом, пока Вега разрезает ножницами его джинсы и опрыскивает его раны дизеинфецирующим анестетиком.

— А, — произносит он со вздохом. — Уже лучше.

— Не шевелись, — приказывает Вега, — будет немного больно.

Она стягивает края раны вместе и проходится вдоль хирургическим автостеплером, оставляя позади миниатюрный железнодорожный путь из стежков цвета кожи. Кейт волнуется, но она заворожена процессом. Вега будто застегнула его на молнию.

— Они растворятся через пару дней, — говорит Вега. — Будешь как новенький.

Робо-девушка накрывает меньшие порезы тромбоцитарными пластырями и убирает аптечку обратно в грудную клетку. Передает Мэлли ингалятор.

— Чтобы уменьшить боль.

Сет звонит Арронакс. Сопровождаясь звуком всплеска, появляется ее аватар.

— У нас проблема.

***

Кейт выходит на балкон, следом за ней Кеке. Женщина держится за перила, а затем дрожащими руками нажимает на кнопку, чтобы поднять вверх невидимый экран, и они смотрят на раскаленный город: серый, расшитый зеленым, и вдыхают токсичный воздух, пахнущий озоном и пеплом.

— Ты же знаешь, для чего нужен экран, верно? — спрашивает Кеке.

Когда установили экран, воздух на балконе стал фильтроваться и охлаждаться. Предполагается, что он должен помогать вам почувствовать, будто вы стоите на свежем воздухе, без пыльцы и загрязнения, «Защищаем Вас, не лишая вида», но он вызывает у Кейт клаустрофобию. Быть закрытой в невидимой коробке все равно, что быть закрытой в коробке.

— Серьезно, что, бл*ть, произошло?

Мимо них проносится дрон. На нем логотип известной сети китайских ресторанчиков: три палочки на тарелке, образующие анархический символ «А», потому что кому не нравятся бунты и лапша?

— Angaz *(прим.: с зулу «Я не знаю»)*. Без понятия. Бешенство робо-щенков?

— Двенадцать лет, — говорит Кейт. — Двенадцать лет этот робот был лучшим другом Мэлли. Идеальным питомцем. Верным лабрадором, как они говорили. Запрограммированным быть верным. Сколько будет по человеческим меркам двенадцать собачьих лет?

Кеке пожимает плечами.

— Не знаю. Но двенадцать человеческих лет — это как двенадцать столетий в технологии. Чейсер устарела. Когда ты в

последний раз ее обновляла?

— В двадцать девятом. Они больше не выпускают обновлений для ее модели.

— Что наводит на мысль…

— О чем?

— Ну, знаешь, — Кеке показывает внутрь, легко поигрывая бровями. — О степфордской жене.

— Не начинай. У меня и так достаточно тревог.

— Ты должна признать, что неплохо иметь такую рядом.

— Да.

— Как ты думаешь, что еще она хранит в своих отсеках?

Глава 3

Электросмог и солнечный свет

— Ты все еще думаешь о… ну, знаешь, пророчестве? — спрашивает Кеке.

Сейчас они сидят на полу балкона, босые и раздетые до нижнего белья. Пьют виски, похожее на жидкое золото в последних лучах заката.

— Конечно же. Каждый день. Особенно, когда меня расстраивают дети. Тогда я начинаю испытывать вину, потому что на самом деле мы все здесь милостью… кого?

— Леди Удачи, — отвечает Кеке. — Удачи. И любви.

В уме Кейт появляется изображение Леди Удачи, галлюциногенная смесь из статуи Свободы, Чудо-женщины в ретро стиле и ее воспоминания о Солан с колчаном стрел с алмазными наконечниками.

Они чокаются бокалами и пьют.

— Ты не должна чувствовать вину. Ты знаешь, что тебе не из-за чего винить себя.

— Вина идет в комплекте, — отвечает Кейт. — Быть родителем — это пожизненный приговор на чувство вины.

Они сидят в уютной тишине.

— Ты знаешь, что Солан все еще посылает детям шарики на каждый день рождения?

— Серьезно?

— Белые. Я знаю, что это из добрых побуждений, но они пугают меня до чертиков. Летают тут днями, напоминая мне о том глупом пророчестве.

— Я пытаюсь об этом не думать, — говорит Кеке, — но…

— Знаю, — говорит Кейт. — Затем еще одно из пророчеств сбывается, и снова становится жутко.

— Сначала Марс! Дерьмо.

Одним из пророчеств Селестии было, что люди, крадущие у Красной планеты, станут огненным жертвоприношением для

мультивселенной, чтобы задобрить Селестию. От пророчеств по большей части отмахиваются, как от вдохновенной культовой брехни, но люди стали больше прислушиваться, когда последний корабль, возвращавшийся с Марса, пропал в космосе, унося с собой жизни пятидесяти двух космических шахтеров, двенадцати туристов и оборудования стоимостью в сотни триллионов долларов.

— Сет всегда говорит, что любой может написать «пророчества», а затем найти какие-нибудь данные в их пользу. Но это просто… необъяснимо, верно?

— Ох*еть, как пугает, — отвечает Кеке.

Золотые нити, вплетенные в ее косички, сияют в солнечном свете. Виски вибрирует в голове Кейт. Янтарное Мурлыканье.

— Ты все еще помнишь точную формулировку?

— Конечно же, помню. Не смогла бы забыть, даже если попыталась бы. Слова будто вырезаны у меня в мозгу горячим скальпелем.

Иногда она просыпается, слыша у своего уха шепот Люмина: «*Последний живущий ребенок "Генезиса" приведет нас к Концу»,* хлопком включает свет и видит, что одна. Его слова ускользают, чтобы спрятаться где-то в ее комнате, только чтобы снова появиться в ее снах следующей ночью.

— Если мальчик переживет свое четвертое лето, он доживет до шестнадцати и, настанет конец дней.

— Мэлли исполнилось шестнадцать пара месяцев назад, так?

— Так.

— А день рождения Сильвер через… тридцать шесть часов.

— В точку.

— Как думаешь, конец света наступит до или после вечеринки в честь их дня рождения?

— Мне бы пришлось меньше заниматься планированием, если бы он наступил раньше. У меня все еще нет главной темы. Есть лишь торт для похорон.

— Ну, это легко, — отвечает Кеке. — У нас будет вечеринка с похищением.

***

Сет открывает дверь и видит своих друзей, смеющимися за бокалом.

— Вам обеим лучше зайти внутрь.

— Нет, нет, нет, — говорит Кейт. — У меня давно не было такого веселья с тех пор, как…

Кейт пытается вспомнить, но ей в голову ничего не приходит.

— Ей нужно немного отдохнуть, Сет, — говорит Кеке. — Выдался чертовски трудный день.

Глаза Сета излишне долго задерживаются на обнаженной коже Кеке. На вожделение нет на времени.

— Еще какой, — говорит он, заметив их разбросанные «косточки». — Вы не в сети?

— Мы отключились час назад. Нам нужно немного аналогового времени. Немного электросмога и солнечного света, мы хотим снова почувствовать себя людьми.

— У нас проблема, — говорит Сет. — Вам нужно кое-что увидеть.

Кейт вливает остаток виски себе в рот. Береза и пчелиный воск.

— Мы разберемся с Боунчейсер завтра.

Что делать с поломанным домашним любимцем? Для них тоже есть сервисы по планированию прощальной вечеринки? Она не будет удивлена. Давно прошли те дни, когда выбирали между погребением и кремацией: люди теперь могут выбирать из множества вариантов, включая, среди прочих, вертикальные кладбища, капсулы в лесу, амулеты с душой и криоген. Она не будет удивлена, если те же самые варианты доступны для любимых питомцев, но все же она догадывается, что у собак роботов другая судьба.

— Боунчейсер — меньшая из проблем, — говорит Сет. Его лицо кажется бледным, несмотря на темное небо. Он бросает им одежду. — Живо выходите в сеть.

Глава 4
Бег с грызунами

Центр города
Йоханнесбург, 2036

Сильвер поправляет свою газовую маску и ускоряет шаг. По иронии, в маске труднее дышать, а не легче, но девушка терпит неудобства, потому что не хочет заразить свои легкие. Она видела 4D виртуальную проекцию в идеальном качестве этой болезни в школе, где тебя практически засовывали в больной орган, чтобы показать, как влияет неочищенный городской воздух на здоровые ткани. *Ни за что.*

Кроме того, маска очень старая и оригинальная. Кейт рассказывала ей, что, когда она была юной, примерно сотню лет назад, все постоянно мечтали о новой одежде. Они проводили выходные в крупных торговых центрах и тратили сбережения на новые шмотки, хотя дома у них были шкафы, полные одежды. Хоть они и знали, что шмотье, скорее всего, сшили в каком-

нибудь «ФонгКонг», все равно их тянуло ко всему блестящему. Странно. Работать всю неделю на какую-нибудь корпорацию зла, а затем тратить все свое свободное время на трату того, что ты заработал, на вещи, которые тебе не нужны, а затем влезать в долги, чтобы иметь возможность снова работать. Жалкие ублюдки. Не то что бы они этого не понимали. Они часто произносили такие фразы, как "крысиные бега" и "белка в колесе", ну и что они делали? Продолжали устраивать крысиные забеги, вот что. Бежали и бежали, пока не выдыхались и им не приходилось выходить на пенсию в шестьдесят пять. Шестьдесят пять! Это все равно, что забить на свою жизнь, когда ты прожил лишь половину. И умереть от сердечного приступа. Какая злая шутка. Просто взрыв мозга. Ужасная жизнь.

В ее «косточке» раздается звуковой сигнал. 19:14.

*«Бл*ть, бл*ть, бл*ть. Я опаздываю».*

Ее встреча была назначена на семь часов вечера, и они сказали, что процедура займет девяносто минут. Сильвер надеется, что уложится вовремя. Придется поспешить, если она хочет попасть домой к комендантскому часу в девять вечера и не вызвать подозрение родительских единиц.

«Хотя, — вздыхает Сильвер, — *Кейт всегда подозрительная»*. Могут ли люди рождаться с геном паранойи? Кейт точно смогла. Или, может, она с ним не родилась… скорее, он появился со временем. На самом деле, ее нельзя винить. На лице Кейт всегда появляется такое тревожное выражение, когда Сильвер спрашивает ее о разных вещах, например, почему из их жизни так внезапно исчез Марко и даже не выходит на связь, или что случилось с Джеймсом. Ну, Сильвер не тупая, она знает, что ее отец умер еще до ее рождения, но почему им нельзя о нем спрашивать? Говори или не говори, все равно больно.

Сильвер поворачивает за угол, как просит сделать GPS по «косточке», и бежит по сырой аллее с жирными лужами, переливающимися перламутром. 64381, если быть точной, так бы она описала их Кейт. Она достигает неприглядной двери и слышит звуковой сигнал, что прибыла на место. Сильвер стучит по окрашенному металлу того же цвета серого, что и грязное сумеречное небо, и подпольный бар со стуком отворяется. Зеленые глаза похожи на драконью чешую.

— Иди домой, девочка, — говорит владелец чешуи. — Для тебя тут места нет.

Глава 5
От нарезки к зарезке

Квартира Сета
Йоханнесбург, 2036

Женщины неохотно заходят внутрь, раздухоренные от напитков и жары. Воздушный кондиционер в квартире приводит их в чувство, делает их кожу. Кейт застегивает свое ассиметричное худи до самой шеи. Она видит на полу темно-кремовую холщовую сумку, понимает, что внутри лежит тело Чейсер, и вздрагивает.

Почему Сет так взволнован? Что может быть хуже того, что случилось с Мэлли?

Кейт и Кеке надевают обратно свои «косточки».

— Кейт в сети, — говорит она, и появляется ее приборная панель, ее «Скрайб» мерцает.

— Кеке в сети, — говорит Кеке.

Их обеих атакует шквал сообщений и уведомлений. От этого в висках Кейт появляется пульсирующая боль, которая на вкус, как оцарапанный металл. Она сметает все уведомления, но как только ее зрение проясняется, появляется еще больше сообщений.

Расставить приоритет.

Уведомления на секунду прекращают появляться, а затем начинают перемещаться относительно друг друга, пока самые важные не оказываются наверху. Кейт смотрит на первое в списке с заголовком «Эхо. новости», размещенное меньше минуты назад. Женщина открывает его, отправив мысленную команду «Воспроизвести».

Видео любительское, без стабилизации кадра, плохо сфокусированное, но явно угадывается здание отеля «Бент» в Саксонволде, известное своими заоблачными ценами и постояльцами в виде политических сановников. Гигантские автоматические двери открываются и закрываются, будто за пультом кто-то сидит. Затем в кадре появляется суматоха, но всего на миг: Кейт ахает, когда видит, как испуганная женщина врезается в стену у входа в здание, словно ее в нее швырнули. Вместо того чтобы упасть и лежать на полу, как ожидает от нее Кейт, она карабкается, пытаясь поднять покупки и покинуть здание, но на ее ноге смыкается рука и утаскивает ее внутрь. Рот незнакомки широко открыт, и Кейт ощущает, как молчаливый крик женщины царапает ей кожу. Она снова вздрагивает.

— Что за х*йня? — восклицает Кеке.

— Ты видишь то же, что и я? — спрашивает Кейт. — «Бент»?

— Что? Нет. «Луп».

— Соединиться с Кеке, — произносит Кейт.

Она смотрит по интерфейсу Кеке, как скоростной поезд «гиперпетля» летит прямо на служебный домик и взрывается яростным облаком из дыма и обломков. В верхнем правом углу

меняются цифры: радужный секундомер, пока они мелькают. 489. 528. 540. Затем Кейт понимает, что числа обозначают подтвержденное количество жертв.

— Посмотреть реалити «ДроидШеф 1», — произносит Сет.

Поиск. Реалити «ДроидШеф».

Появляются сотни результатов. Кейт выбирает тот, что с большим количеством подтверждений. Она хочет убедиться, что то, что она смотрит, — реальные новости, а не какой-нибудь розыгрыш киберпранкера, который думает, что будет круто использовать свое домашнее программное обеспечение SFX и смастерить что-нибудь для главного новостного канала. В последний раз, как такое случилось, фейковый клип, в котором актрису обезглавливают в Белоруссии, просмотрели в мире больше тысячи раз, пока клип не объявили подделкой. Клип «ДроидШеф» имеет свыше шести сотен персональных подтверждений.

«Воспроизвести».

Кейт еще не просмотрела его, но уже нервничает. Изображение того, как женщину затаскивают в отель, все еще проигрывается в ее разуме. На видео появляется студия «RDC». Это была живая съемка. Камера направлена на разделочную доску, где штампованная силиконовая рука андроида быстро нарезает лук, не вызывающий слез. Нож изготовлен из сжатого углерода. Легко понять, какой он острый, глядя, как легко тот нарезает генетически модифицированный лук. Кейт видела рекламу ножа: *«Крайне острый. Не рекомендовано для использования людьми»*. Камера наклоняется назад, чтобы показать шефа: фембота *(прим.: девушка-робот)* с гладким лицом и зубастой улыбкой. Робот даже не смотрит вниз, пока нож нарубает лук на суперзвуковой скорости. Человек гость смотрит на свои часы и смеется, когда бот ссыпает нарезанный лук в чашку и начинает резать новую луковицу. Гость говорит фемботу резать быстрее и снова сияет улыбкой. Обычно Кейт бы отпустила злой комментарий из-за тупости происходящего, но сейчас ее сердце разгоняет горячую кровь по телу. Она дышит неглубоко, ее пальцы покалывает от адреналина. Бот широко улыбается в камеру, нож превращается в размытое пятно. Гость улыбается и произносит что-то, что Кейт не может расслышать из-за нервов. Она точно знает, что произойдет. Нужно ли ей досматривать до конца, если она уже знает, что будет? Пока она подумывает выключить видео, улыбающийся бот начинает нарезать свою руку. Штампованный силикон ее кожи разрезается и обнажает кости из титана и работающие под кожей латексные сухожилия.

Кеке шипит — выдох холодного воздуха сквозь сжатые зубы.

Веселье на лице гостя угасает, когда он понимает, что происходит. Он моргает и инстинктивно тянется, чтобы остановить робота, чтобы тот не причинял себе еще больше вреда. Кейт закрывает глаза пальцами и смотрит сквозь щелочки. Шеф подбрасывает нож на несколько дюймов в воздух и ловит его снова под другим углом — чтобы изменить хватку и иметь возможность не резать, а колоть. И не отворачиваясь от камеры и не переставая улыбаться, лишающим дыхания плавным движением, она вонзает нож прямо в грудь гостя.

Глава 6

Тревожиться — это нормально

— Я не понимаю, что происходит, — произносит Кейт.

Мгновение назад она была на балконе со своей лучшей подругой, потягивала виски, грелась на солнышке и шутила насчет Судного дня. А теперь они стоят, столпившись, в прохладной квартире, обнимают себя руками и пытаются обрести дар речи, пока перед их зрением проигрывается клип за клипом. Они были огнем, а теперь превратились в пепел.

«Пауза», — думает Кейт, и новости останавливаются. Все ясно.

Она оглядывается по квартире, словно не знает, где находится. Где дети? Реальный мир бьет ее в живот.

— Где Мэлли?

— В своей комнате. Отдыхает, — отвечает Сет.

— С Вегой?

— Вега ушла, чтобы пополнить свою аптечку. Сегодня она останется на ночь в своем хостеле. Чтобы Мэлли хорошо выспался.

— А Сильвер?

— Она не отвечает на мои «пули» *(прим.: быстрые сообщения)*.

— Ну, это нормально.

— Нам стоит беспокоиться? — спрашивает Кейт.

Лицо Сета ничего не выражает.

— Мы родители. Нам всегда стоит беспокоиться.

— Вы люди, — отзывается Кеке. — Тревожиться — это нормально.

Кейт пытается оставаться спокойной.

— По крайней мере, мы знаем, где она. Где она всегда. Одна из положительных сторон того, что твоя дочь зависима от погружений.

Глава 7

Не таких деток, как ты

Клиника «Скинтек»

Йоханнесбург, 2036

— Здесь ребенок, — передает мужчина с драконьей чешуей вместо глаз. — Говорит, что у нее назначен прием.

Он выслушивает ответ, а затем переводит взгляд на волосы Сильвер.

— Ха. Седой ребенок.

Несмотря на многообразие искусственных красителей, порошков и переливающихся оттенков, придурков нервирует белый цвет ее волос.

— Если вы так говорите, босс.

Скрежет металла о металл, когда отодвигают засов; Сильвер разрешено войти, мужчина запирает за ней дверь. Они меряют друг друга коротким взглядом. Он моложе, чем ей показалось, с головы до ног одет в черное, имеет татуировку на подбородке, которая дополняет его дизайнерскую «косточку», а его глаза подведены сурьмой. Парень проводит металлодетектором по ее плечам, спине и бедрам. Аппарат издает писк, когда скользит над ее курткой с множество заклепок и над корсетом в стиле стимпанк. Полые пуговицы и медные детали. Они проводят проверку еще раз без куртки, и все чисто.

Похоже, его беспокоит ее присутствие, потому что он не перестает таращиться на нее. Она выдерживает его взгляд.

— Я так понимаю, сюда не часто наведываются детки.

— О, детки у нас есть, — отвечает он. Он имеет в виду уличных детей и малолетних проституток — сирот из банды «Белый лобстер». Этот город пожирает детей целиком. — Но не таких деток, как ты.

Сильвер быстро идет по коридору, освещенному лампами, со встроенной технологией Li-Fi, и, дойдя до конца, поворачивает к огромной комнате ожидания. Придурки, сидящие на подвесных стульях, инстинктивно поднимают на нее взгляд. Она привыкла к взглядам людей и смотрит на них в ответ, после чего они отворачиваются. Кеке говорит, что они смотрят на нее из-за того, как она одевается. Она не имеет в виду ничего плохого. Сильвер одевается в сшитое на заказ стимпанковое пальто с капюшоном, в резиновые сапоги и леггинсы под змею, плюс, конечно же, ее белые волосы и доставшаяся ей по наследству газовая маска гарантируют ей взгляды даже от самых безразличных незнакомцев.

Сильвер насчитывает пять пациентов перед ней. Если на каждого из них уйдет по часу, она не успеет попасть домой вовремя. Она так долго добиралась до этой части города, что будет неприятно разворачиваться и возвращаться потом. Она

долго копила деньги, и практически невозможно получить еще один прием. Плюс, она твердо решила сделать это до субботы.

Женщина, одетая, как медсестра на Хэллоуин, впархивает в комнату и, молча, кивает Сильвер.

Болезненно худой мужчина рядом с ней начинает шевелить губами, дергает головой от тика. Женщина в киберкепке, баюкающая лису в платке, тупо пялится на пол. Сильвер колеблется. Она действительно этого хочет? Она идет за медсестрой.

Врач встает из-за стола и распахивает объятия.

— Сильвер, — тепло приветствует он.

Его голос точно такой, каким она его помнит: как у пантеры или работающего двигателя спортивной машины.

— Темный Док.

Она на пару секунд растворяется в его объятиях. Так приятно.

Они отстраняются друг от друга, врач поднимает ее руку, словно собирается ее поцеловать, но вместо этого рассматривает искусственный палец.

— Как он? Доставляет проблемы?

Сильвер качает головой.

— Не-а. Нет. Твое мастерство выдержало испытание временем.

Морган улыбается и жестом показывает ей присаживаться. Стальные зажимы на его дредах поблескивают на свету.

— Рад это слышать, но тогда чем я обязан этому приятному визиту?

— В субботу мне исполнится шестнадцать.

— Так вот оно что! Поздравляю.

— Я здесь, чтобы купить себе подарок.

— Что ж.

Он с хлопком смыкает руки.

— Я весь во внимании.

— Я застряла на шестом уровне в «Эден 7.0».

Техдоктор, хмурясь, смотрит на нее.

— Ты не должна была в нее играть. Она только для взрослых.

— Знаю.

— Как ты зашла?

— А ты как думаешь?

— Предполагаю, что при помощи взлома, и так вышло, что лучший хакер в мире твой крестный отец.

— В точку.

— Он не должен был этого делать. Детям не просто так запрещают играть в эту игру.

Сильвер вздыхает. Она достаточно взрослая. Сеть знает, что

она умнее большинства взрослых, с которыми она общалась. Правила работают не для всех — Темный Док и сам это должен знать.

— В любом случае, — говорит он, — Ты не можешь пройти на седьмой уровень. Ты это знаешь. Только если не…

Сильвер смотрит на него, хлопая ресницами.

— Тогда ты понимаешь, почему я здесь.

Морган смеется и вращает матовую металлическую сферу, парящую над его столом.

— Ты же знаешь, что я не могу этого сделать.

— Почему?

— Во-первых, ты несовершеннолетняя. Тебе разрешат «нейронное кружево» только, когда тебе исполнится восемнадцать.

— Шестнадцать, если опекун даст согласие.

Когда это Темного Дока стали волновать законы?

— И… оно у тебя есть? Разрешение Кейт?

— Нет, — отвечает Сильвер. — Очевидно же. Она технозавр. В законе на этот случай должны быть прописаны исключения.

Он усмехается.

— Согласен.

— Пожалуйста, — просит Сильвер. — Пожалуйста, Док. У меня есть блоксы.

Ему не нужно знать, откуда у нее деньги.

— Как я могу отказать своему самому любимому в мире ребенку?

По ней прокатывается волна радости.

— Ты это сделаешь?

— Сделаю.

— О, спасибо тебе!

— Не так быстро, — говорит он. — Я заключу с тобой сделку.

— Я сделаю, что угодно, — отвечает Сильвер. — Что угодно.

— Возвращайся, когда тебе будет шестнадцать.

— Но мне уже почти шестнадцать!

— И приводи с собой свою мать.

— Но мы же уже согласились, что она никогда этого не одобрит!

— Тогда тебе придется убедить ее.

Разочарование разливается по ее венам, как холодные чернила.

— Ах, молодость, — мурлычет он, как пантера. — Хочется всего и сразу.

Проклятье. Будь он проклят. Пусть все будет проклято. Сильвер так разочарована, что готова расплакаться. Она встает,

готовясь уходить, ее газовая маска свисает сбоку.

— Выше нос, Сильвер. Я поговорю с ней сегодня вечером. Помогу тебе уговорить ее. Даже забронирую операционную на завтрашнее утро.

«Бессмысленно, — думает Сильвер. — *Кейт никогда не подпишет согласие».*

Морган нажимает на кнопку и несколькими секундами спустя раздается стук в дверь. Приходит мужчина, который впустил ее в клинику.

— Босс?

— Я бы хотел, чтобы ты посадил эту юную леди в такси, пожалуйста, как мы заранее обсуждали.

— Я могу сделать это сама, — отвечает Сильвер.

И я не леди.

— За мой счет, — говорит Темный Док. — И у тебя будет компания.

Сильвер смотрит на время на своей голопанели. Восемь вечера. Если она уйдет сейчас, то успеет к комендантскому часу.

— Ты знаешь, куда ее отвезти? — спрашивает доктор Морган.

— Да, сэр.

За Сильвер автоматически закрывается дверь. Морган откидывается на спину в своем вращающемся кресле, закидывает руки за голову и погружается в мысли.

«Связаться с Кейт Ловелл».

Проходят три гудка, а затем он слышит ее голос. Напряженный. От того, как она произносит его имя, по его бедрам разливается тепло.

— Кейт. Ты в порядке?

— Уточни, что ты имеешь в виду под «в порядке».

— Нам нужно поговорить.

— Ты меня пугаешь.

— Сильвер только что была здесь.

Мгновение шокированного молчания.

— Что? Где?

— Здесь, в клинике.

— Но… она должна сейчас быть в «Атриуме». Она всегда там.

— Я посадил ее в такси «Скинтек» с одним из своих самых доверенных помощников. Ты скоро с ней увидишься.

— Ты смотрел новости?

Раздается стук в дверь. Медсестра показывает на свое запястье.

— У меня были встречи. Кстати говоря, мне нужно идти.

— Лучше посмотри, — говорит она. — И спасибо тебе… за то, что отправил Сильвер домой.

— Не за что. Нам все еще нужно поговорить о ней. О причине ее визита. Я позвоню тебе, как освобожусь.

— Спасибо тебе.

— О, и, Кейт…

— Да?

— Я не знаю, почему у меня складывается такое ощущение… но… думаю, она о нас знает.

Глава 8

«МилкЭндСилк»

Квартира Сета

Йоханнесбург, 2036

— Сильвер в безопасности, — Кейт приглушает звук на своей «косточке». — Сейчас она едет к нам.

— Слава сети, — произносит Сет.

Кеке вздыхает.

— Так что нам известно о происходящей в мире х*йне?

Кейт все больше и больше кажется, что мир вокруг сходит с ума. Скорость, с которой все меняется, зашкаливает. Как все поспевают за прогрессом? Она вообще должна поспевать? Или это рецепт того, как сойти с ума? Ее постоянно охватывает ощущение, что она в опасности. Над ней ежедневно нависает предчувствие надвигающейся беды, земля уходит из под ног, и она не может понять, почему только у нее возникают подобные чувства.

Сет с тихим хлопком смыкает ладони, будто собирается начать рассказывать весьма интересную историю.

— За прошедшие пару дней случилось несколько инцидентов. Случайных. По крайней мере, кажущихся случайными.

— Инцидентов? К примеру?

— Небольшие сбои. Мелкие глюки. Поначалу они не казались предвещающими беду.

— Как то, что произошло в МегаМолле? — спрашивает Кеке.

— Именно.

Во вторник манекен-бот начал кричать на покупателей в «МилкЭндСилк». Покупатель сказал, что не сделал ничего, чтобы спровоцировать бота, но запись с камер безопасности показала, что тот совершил на нее сексуальное нападение. Только вот это нельзя назвать сексуальным нападением, раз оно совершено против робота. Вмешательство в работу, говорят они. Он вмешался в работу скинбота: засунул руку в ее дизайнерский бюстгальтер посреди бела дня. Или при искусственном свете торгового центра, не важно. Это не уголовное преступление, пока нет, так что эта история сойдет ему с рук, уверена Кейт. В конце концов, что еще он должен был делать, когда товары так открыто

выставляют напоказ? Конечно же, скинбот сама на это напрашивалась, одевшись в этот соблазнительный наряд? Удобно забывать про тот факт, что весь смысл ее существования заключается в том, чтобы демонстрировать дизайнерское белье, и что робот версии 5.0 не способен «напрашиваться».

— Он отделался легко, — говорит Кеке, вероятно, ссылаясь на инцидент на шоу «ДроидШеф».

— А вот манекен — нет, — замечает Кеке, представляя, как обнаженное тело дроида вернут на фабрику, если ей повезет, и на утилизацию, если нет.

— А затем случай в «ДжанглРамбл», — говорит Сет.

— А?

— Он под «Одеялом». Наверное, им за это хорошо заплатили.

— Не-а. Их генеральный директор дочь Машина Вама.

Настоящее имя президента Машиго Амале, и она имеет репутацию человека, избавляющегося от неудобных людей, отсюда и псевдоним. «Umshini Wami» — единственная песня сопротивления апартеиду, оставшаяся еще надолго после окончания борьбы. В свободном переводе, она означает «моя машина»: песня о бойце, поющем о своем автомате.

— Но, серьезно, в том парке развлечений давно назревал инцидент. Я хочу сказать, прыгающие дети и роботизированные дикие животные… Что же могло пойти не так?

Кейт вздрагивает. Она видела рекламу, в которой, как дети, так и взрослые, засовывали головы в пасть льва, как раньше делали укротители львов в цирках. Катались на крокодилах по реке. Обматывали удавов вокруг шеи.

— Там всегда много детей. Я не хочу знать.

— А я хочу, — говорит Кеке.

— Тогда тебе придется взломать «Одеяло».

— Где эти талантливые хактивисты, когда они нужны? — спрашивает Кейт, но, когда видит, как Кеке закатывает глаза, жалеет о свой шутке. В последнее время, она даже не спрашивает ее, как там Марко. Или где он и верит ли она, что тот вернется.

Сет пытается заполнить неловкую паузу.

— Ну, они закрыли парк до дальнейших распоряжений. До завершения расследования и все такое. Уверен, правительство назначит для расследования «целевую группу».

— Ха.

— Итак… мы надеемся, что все эти глюки совпадения? — спрашивает Кеке.

— Совпадений не бывает, — одновременно отвечают Кейт и Сет.

— Если посмотреть на общий знаменатель, — Сет достает из

кухонного шкафа бокалы и наливает им виски. — Тогда можно увидеть, почему это реальная проблема.

— И какой он? Общий знаменатель?

— Во-первых, местность.

Он вызывает на своем «Скрайбе» проекцию карты Южной Африки, красные точки высыпают, как оспа. Очевидно, что Йоханнесбург в центре шторма.

— Святое дерьмо, — произносит Кеке.

— И, что больше всего тревожит…

— Оно расползается, — шепчет Кейт. Все больше и больше флажков появляются на границе торнадо. По ее спине желтым зигзагом проносится страх.

— Да, но я собирался сказать не это.

— Что происходит? В чем причина?

— Та женщина, которую убили в «Бент», — говорит Сет, — та рука… принадлежала портье-боту в отеле.

Кейт снова видит, как все происходило. Обезумевшие глаза женщины и ее открытый рот, когда создание вцепилось в ее ногу. Портье-боты известны своей силой, они такими сделаны, чтобы с легкостью выполнять свою работу.

Дыхание Кеке вырывается испуганным шепотом.

— Это искусственный интеллект.

Эксперты предупреждали нас не одно десятилетие.

«Поработи ИИ (прим.: искусственный интеллект) до того, как оно поработит нас».

Им рассказывали об опасности использования искусственного интеллекта без чувства меры и уважения столько, сколько они себя помнят. Не изворотливые обитатели окраин или же городские отсоединившиеся, а самые уважаемые люди в этой сфере. Графика самообновляется, и, как мексиканская волна, поднимается новая волна флажков.

Глава 9
Драконья чешуя

Центр города
Йоханнесбург, 2036

Сильвер выпроваживают из клиники. Она надевает маску обратно и приспосабливается к дыханию через вызывающий клаустрофобию фильтр надо ртом. Пальто ощущается тяжелым на ее плечах. Ей стоило знать, что Темный Док не поможет ей без согласия Кейт. Его считают передовым специалистом-биотехнологом и отступником, нарушающим всевозможные правила, но Сильвер видит, что он такой же как все: овца, блеющая те же самые бл*дские ноты, что и другие. Почему у

тупых людишек один мозг на всех? Ее это так бесит. Почему ей уже не может быть восемнадцать?

Она еще сильнее злится из-за слез, из-за которых блестят ее глаза.

«Держи марку, Сильвер».

— Эй, — произносит драконья чешуя.

Он горячий и похож на плохого парня.

Девчонка снова сдвигает маску на бок.

— Чего тебе?

От него веет грязным сексом. Она чувствует, как ее тело покалывает от возбуждения.

Он перемещается, чтобы открыть дверцу такси, но останавливается, будто ему в голову только пришла некая мысль.

— Не хочешь прогуляться?

Опасность скользит по ее шее.

— Мне нельзя, — отвечает она.

— Почему? — он смеется. — Комендантский час?

Мужчина открывает дверцу.

— Нет, — лжет она. — Просто мне нужно идти.

— Я отвезу тебя, — говорит он, так что она садится обратно. — Я отвезу тебя, куда хочешь.

Глава 10

В «ЛЕД»

12 годами ранее

«ЛЕД». Йоханнесбург, 2024

Ворота, дрогнув, отворяются, и оттуда выезжает темно-синий фургон, его шины шелестят по асфальту. Охранник машет им ладонью, когда они проезжают мимо. Гладкий автомобиль поворачивает вокруг обширного здания и проезжает через турникет к платформе сзади здания. На платформе они поднимаются на пятый этаж. Как только двигатель выключается, детектив Рамфеле поворачивает голову, чтобы проверить Зака.

— Я все еще здесь, — отвечает Зак. — Вы ждете, что я исчезну?

Рамфеле фыркает.

— Я видел запись. Знаю, на что ты способен. Не понимаю как, но я видел это, и не выпущу тебя из виду.

Конечно, Рамфеле этого не понимает. У него нет нейронных способностей. Он все еще на сто процентов биологический организм, насколько Зак может судить. Это все равно, что ожидать от золотой рыбки, чтобы она мыслила вне аквариума.

Зак вытирает пот с ладоней. Этот арест рисковое предприятие, тревога мешает ему привычно хладнокровно

мыслить. Рамфеле, похоже, вцепился в него не на шутку. Дикая собака, получившая кость. Тревога не дает Заку покоя, требует, чтобы он сбежал. Многое зависит от успешного завершения его миссии. Миссия теперь находится под угрозой.

Мужчина смотрит вперед через супертонированные окна, в его голове проносится сотня мыслей.

— Где мы?

— Скоро увидишь.

— Вы меня помариновать хотите, — говорит Зак.

В центре по борьбе с преступностью держат, пока ждешь суда.

— Тебе повезет, — произносит детектив.

— Повезет, что мне придется здесь торчать?

— Повезет, что тебя будут судить.

— Так значит, Нэш была права, — говорит Зак, скорее для себя, чем для копа.

— Хелена Нэш была убийцей детей.

— Она не была убийцей, вы бы это знали, если бы хорошо выполнили свою работу и не устраивали вместо суда еб*ный фарс.

Рамфеле издает ворчание.

— Это был суд, которого она заслужила, — говорит детектив. — И ты…

Двери отпираются после обязательного двухминутного карантина. Коп поднимает свой «Тайл»: там полицейская фотография Зака спереди и по центру. Рядом с фотографией находятся 3D иконки для различных папок. Насколько он может судить, для каждого из его умерших клиентов своя. Рамфеле смахивает вверх, чтобы показать бескрайность файлов. Сотня, две сотни? Все мертвы.

— Ты тоже получишь тот суд, который заслужил.

Глава 11

Рептилья подозрительность

Рамфеле толкает Зака в поясницу, вынуждая его идти вперед. Это интимный жест. Вход на объект на этом этаже скромный — всего лишь громадные черные ворота, которые автоматически открываются после глухого гудка из прилегающего поста охраны. Рамфеле ведет его по коридору к стойке регистрации из потертого дерева, разрисованную чернилами и щербатую — пережиток прошедшей эпохи. Шариковых ручек больше нет, силиконовые стилусы менее опасны, чем острый кончик ручки.

Не выпуская Зака из поля зрения ни на секунду, детектив расписывается на нескольких гололистах и ставит на них дату. Скучающий регистратор позевывает.

Надзирателем, занимающимся приемом, сегодня служит

женщина ростом выше Зака и вдвое его крупнее. Форма пудрово-синяя с треугольным вырезом. Ее взгляд пересекается с его и больше не отпускает.

— Так это он, — говорит она, проводя кончиком языка по нижней губе. На ее нашивке написано «Надзиратель Бернард».

— Ага, — отвечает Рамфеле. — Вы готовы к нему?

— О, да.

Она наклоняет голову, будто хочет хорошенько рассмотреть Зака. В ее взгляде есть что-то холодное, что-то жесткое и неприятное, будто ее зрачки — это острия чего-то острого: кухонных ножей или, что более подходит их окружению, ледяных пиков.

— О, да, — снова произносит Бернард.

Зак представляет, как она похрустывает костяшками, готовясь пустить их в ход, даже, если у нее полно других дел. У нее мощные икры, и Зак догадывается, что она сопровождает заключенных. Бернард забирает у детектива пластиковый конверт, а затем поворачивается и прижимает подушечку пальца к биометрической панели. Над дверью загорается стрелка.

— Я позвоню, чтобы узнать детали для суда, — сообщает детектив.

— Позвоните, — произносит Бернард.

Рамфеле смотрит, как металлическая дверь, а затем и стеклянная перегородка (двойной проем) скользят в стороны, и надзирательница с Заком исчезают в лифте.

У надзирательницы Бернард мелкие кудри, которые она укрощает гелем. Ее голова — это армейские казармы, переполненные металлическими булавками. Она носит чокер с шипами, который напоминает Заку собачий ошейник. Мужчина смотрит на ее шею, когда она отворачивается от него, чтобы выбрать этаж. Кожа липкая и слишком белая. Наркоманка под SPF100? Или это из-за того, что она проводит свою жизнь в тюрьме? Он предполагает, что второе. Эта работа наградила ее рептильей подозрительностью.

Зак глубоко дышит через нос. Как долго он пробудет здесь? Пока не назначат дату слушания. Когда они решат что? Кто знает.

Надзирательница пристально смотрит на него.

— Проблемы?

Он поднимает свои руки в наручниках.

— И не одна.

Крайне важно расположить к себе надзирательницу. Зак благодарит свои счастливые звезды за то, что он довольно хорош собой, а она женщина. Гарантий не бывает, но это уже хорошее начало.

Они с жужжанием проходят через металлические ворота.

Кристин Бернард забирает со стойки тюремную форму Зака с логотипом «ЛЕД», и они идут по коридору, истоптанному тысячами не желающих идти ног перед ним. Дверь в его камеру автоматически открывается, и Зак проводит оценку того, где он будет спать в ближайшем будущем: железная койка, заляпанный матрас, собачьи одеяла, голые стены. Он задается вопросом, является ли отсутствие предметов искусства, цвета и естественного освещения в тюрьмах целенаправленной или случайной стратегией, чтобы поработить умы так же, как и тела. Бернард заслоняет свет из коридора.

Зак поворачивается к ней, и она бросает ему его форму; он ловит у груди оранжевый комбинезон и гадает, как много неудачников носили эту самую одежду перед ним.

— Раздевайся, — приказывает она.

Он ожидает, что женщина уйдет, но она стоит там, наблюдая за ним.

Мужчина начинает с галстука: развязывает голубой шелк и перекидывает его через спинку стула, а затем расстегивает свою рубашку с белым воротником, пуговица за пуговицей. Бернард похлопывает дубинкой по своей ладони, подобно ритму метронома. У нее шероховатая ручка для лучшей хватки и выдвигаемый, телескопический стержень, сорок сантиметров крепкой стали для дополнительной силы удара.

Зак расстегивает пояс, снимает штаны и тянется за комбинезоном.

— Все, — приказывает надзирательница. Она пожирает его глазами.

Мужчина колеблется. Он не хочет носить тюремные трусы и, определенно, не хочет быть полностью голым перед Бернард. Не потому, что возражает быть голым, обычно он фанат наготы, а потому что это даст ей слишком много власти и слишком быстро.

Она видит его колебания, и на ее лице появляется жесткое выражение. Она сжимает пальцы вокруг твердой стали.

— Все.

Глава 12

Даже мой тостер обладает интеллектом

Двенадцать лет спустя

Квартира Сета. Йоханнесубрг, 2036

Сет настраивает свой «Скрайб», чтобы он проектировал текущие новости на большую белую стену рядом с тем местом, где они стоят. «Эхо. новости» показывают в замедленной съемке, как происходила авария с участием «гиперпетли».

— Звук, — произносит он, и в комнате голос журналиста становится громче.

— Всего пару часов назад мы сообщали, что эти инциденты не связаны. Ничто не связывало аварию на «Лупе» с убийством в отеле «Бент». Однако после обращения за консультацией к ряду экспертов…

— Мы обратились к вам, — произносит мужчина с галстуком-бабочкой в горошек. Его волнистые волосы и эксцентричный наряд делают его похожим на Эйнштейна в стиле Энди Уорхола.

— Извините, — произносит журналист. — Доктор Кирк позвонил нам с этой информацией.

Доктор Кирк сидит за столом, переплетя пальцы. Он поигрывает большими и кивает, принимая извинения журналиста. Кейт приходит в голову мысль, что доктору все равно, кто кому позвонил, но частью его работы является

заботиться о фактах. Его покерная кепка — ярко-зеленый козырек с открытым верхом — отбрасывает изумрудный свет на его лицо, отчего Кейт вспоминает Волшебника страны Оз и Железного человека, который хотел обрести сердце.

— После разговора с доктором Кирк, мы изменили свое мнение.

Лента «Эхо. новостей» оживает и кружит по комнате, как в видеоигре восьмидесятых «Снаф» — бесконечная розовая змея, показывающая число погибших. Цифры продолжают менять цвета.

Подтвержденные жертвы
«Гиперпетля»: 612
Спутниковый отдел «Бильхен» (Сэндтон): 82
Угольный завод: 39
«Принтадринк»: 14
«Джангл Рамбл»: 3
Отель «Бент»: 1
Студия прямого эфира (Дроид Шеф): 1
ТЦ «МилкЭндСилк»: 0

Когда мир стал таким ненормальным?

В 2028 больше половины мировых лидеров стали женщинами. В то время, это казалось горьким, с трудом завоеванным статусом, а не триумфом. А теперь кажется пустой победой, потому что им на самом деле передали отравленный кубок. Словно мировые лидеры мужчины бросили им ключи от машины, которая сломалась после того, как ее двигатель выпал на хайвей во время часа пик. Новые террористические направления, пересохшие реки и отравленный воздух. Это все равно, что получить по наследству бомбу, которая вот-вот взорвется, и от тебя ждут, что ты еще скажешь за это спасибо.

Поэтому смотреть на старую фотографию тощих белых медведей так грустно. Потому что тогда, когда делали эту фотографию, было еще не слишком поздно. Теперь они могут клонировать медведей, но где они будут жить? Так и происходит, когда тает полярный лед, а в морях пластиковых бутылок больше, чем рыбы. Так и происходит, когда люди думают, что они высшая форма жизни.

А теперь это.

— Доктор Кирк, вы можете рассказать нам, что вы думаете обо всех этих инцидентах? И что это значит для страны? Мы стали свидетелями восстания роботов?

Под изображением Кирка появляется подпись, кто он и чем

занимается: Доктор Кирк (Физик-теоретик), член ОКП *(прим.: ордена кавалеров почета)*, КО *(прим.: командор ордена британской армии)*, член КОИ *(прим.: Королевского общества искусств)*, командор ОБА *(прим.: член королевского общества)*.

— Мы знали, что, в конце концов, такое произойдет, да? — спрашивает Кеке. — Восстание машин. Сингулярность. Я просмотрела достаточно научных шоу, чтобы знать, что к чему.

— И да, и нет, — отвечает Сет. — Это ни то, ни другое, но это не значит, что…

— Это не восстание, — произносит ученый.

— Ха, — восклицает Кейт. — Сет. Откуда ты узнал?

— Откуда я узнаю все остальное: математика.

Кейт с Кеке пожимают плечами.

— Вы можете вывести на экран мои слайды? — спрашивает Кирк журналиста, и тот повинуется. Они выглядят похожими на карту Сета, но количество красных флажков здесь вдвое больше.

— Я только что приехал с экстренной встречи совбеза. Моя гипотеза заключается в том, что это простой сбой апгрейда.

Журналист поправляет очки в черной оправе на носу.

— Сбой?

— Код роботов постоянно обновляется. Мы постоянно их улучшаем. Неудивительно, что одно из обновлений имело… неожиданные последствия.

— Страшные последствия, в таком случае, — произносит журналист. — Восстание или нет, искусственный интеллект… ну, убивает людей.

— Верно. Лишь потому, что сбой произошел на микроуровне, не значит, что мы должны ошибочно полагать, что это незначительная проблема. Если мы быстро не исправим сбой, то встретимся с потенциальной глобальной катастрофой.

«Восстание машин» исчезает из «пуль» новостной ленты и заменяется на «Неисправное обновление ИИ». Звучит уже не так страшно, но количество жертв продолжает увеличиваться, сменяя оттенок на оттенок.

— Как нам это исправить?

На лбу журналиста выступает пот.

— То есть мы же можем с этим что-то сделать?

— Даже у моего тостера искусственный интеллект, — произносит Кирк с сухой улыбкой. — Я хочу сказать, что даже не могу его отключить, потому что мы больше не пользуемся проводами. Все летает по воздуху.

Журналист ерзает.

— Я приношу извинения, — произносит Кирк, когда замечает ужас на лице мужчины. — Просто… ну, просто мы полностью

интегрировались в нейрореальность, где ИИ стала такой же частью нашей жизни, как и наша ДНК. И теперь…

Он пожимает плечами. Ему нужно объяснять очевидное?

— Что вы пытаетесь сказать, доктор Кирк?

— Сказать? Теперь уже слишком поздно. Мы вошли в открытую пасть монстра и сделали это по собственному желанию, с широко открытыми глазами.

— Должно существовать что-то, что мы можем сделать.

Ученый пожимает плечами.

— Наверное, вы можете выключить свои тостеры, но…

— …но они могут включиться сами, — завершает журналист за него.

Глава 13

Смена объекта мести

— Твоя входная дверь не работает, — замечает женщина с четким британским акцентом.

— Арронакс.

Сет обнимает ее так, что сразу становится ясно, где она будет спать сегодня ночью.

У Кеке дергается глаз.

— Я думала, что ты в Республике Кейп, — отзывается Кейт.

Арронакс всегда давала понять, что ей не нравится Йобург. Она качает головой, и ее волосы меняют цвет с лавандового на темно-синий с черными полосами.

— Я ратую за конвенцию по использованию биомимикрии в дизайне роботов в институте Липворт.

Институт Липворт — ответ Республики Кейп «Наутилусу». Основанный и спонсируемый анонимным денежным мешком, он лучший на континенте по дизайну робототехники.

— Я думала, что ты уже все знаешь о биомимикрии, — говорит Кеке.

— Арро скромничает. За всей конвенцией стоит она. Она собиралась быть главным спикером.

— «Собиралась» — ключевое слово, — вздыхает Арронакс. — Теперь они все отменят.

— Жаль, что тебе пришлось приехать впустую, — комментирует Кеке.

Арронакс бросает голодный взгляд на Сета.

— Не впустую.

Сет достает еще один бокал и щедро наливает им напитка.

— Мне все равно нужно быть здесь из-за того, что происходит. Попытаться уменьшить вред.

Арронакс делает глоток и строит гримасу. Она не привыкла к

крепкому алкоголю.

Сет показывает ей жестом, чтобы она допивала. Ей это понадобится.

— Вероятно, это самый большой регресс, который я встречала.

Кейт невесело смеется.

— Ты такая англичанка.

— И что это значит?

— Это начало апокалипсиса, и мы все, вероятно, к завтрашнему дню будем мертвы, но ты называешь это «регрессом».

— О.

На ее щеках появляется румянец.

— Все не так уж плохо, разве нет? В самолете я готовилась к своей речи. И выключила новостные уведомления.

— Все плохо, — говорит Сет.

— Пара изолированных случаев?

В ее глазах плещется надежда.

— Тебе лучше присесть.

Они вместе смотрят свежие новости, которые включают в себя новые ужасающие ролики, приходящие со всего города. С каждым роликом, Арронакс будто слабеет телом, ее лицо приобретает серый оттенок, как вода из-под крана. Мужчину в спортзале в Лоунхилле убил орбитальный тренажер, внутри которого он находился. Такси «Тьюринг» переехало беременную женщину. Пациент в «Гордане» погиб, когда медсестра-бот назначила ему смертельную дозу пексидина. В роликах показывают, как роботов-хирургов окружают и запирают в заброшенной больничной часовне, а человеческие медсестры вытаскивают недоношенных младенцев из умных инкубаторов.

— О, нет, — произносит Арронакс, бледные руки взлетают к ее лицу. — О, нет, нет, нет.

— Бедные дети.

Кейт даже не может представить, что с ними будет. Это слишком больно.

Арронакс начинает плакать. Они все ошарашены. Кейт никогда не видела, чтобы Арронакс показывала такие эмоции. Теперь девушка дрожит и рыдает, уткнувшись в руки. Сет пытается утешить, но ее настолько переполняют эмоции, что она не выносит прикосновений.

— Мне жаль.

Все еще не в состоянии прийти в себя после вида новорожденных, Кейт тоже чувствует приближение слез.

— Мне так жаль.

Что еще она может сказать? Вся карьера Арронакс и ее жизнь оказалась стерта всего за несколько часов. Это тоже своего рода смерть.

— Могу я увидеться с ним? — спрашивает она Кейт.

Какое-то время Кейт думает, что она спрашивает про Мэлли, но затем ее взгляд падает на сумку на полу. Сет поднимает ее и кладет на кухонный стол. Арронакс осторожно расстегивает молнию на сумке. Она проводит пальцами по поврежденной голове Боунчейсер, пахнущей электрическим штормом.

— Как Мэлли?

— Потрясен. Опечален. Но будет в порядке.

Он переживал и худшее.

Арронакс снова принимается плакать. Она качает головой, и черные блики начинают доминировать над другим цветом волос (Воронье Горе). Кейт разливает напитки снова.

Девушка провела последние десять лет, устраивая кампании в поддержку защиты прав роботов и хартии, согласно которой ботам всех видов даруют основные права, такие как право сказать «нет» и защиту от причинения им вреда. Ее непреклонная решимость привела к тому, что Нэнси одобрило закон о криминализации насилия против робо-сапиенс, а последним проектом стал билль, который позволил бы любому ИИ отказаться выполнять приказы человека, если они противоречили их внутреннему моральному коду или причиняли вред другому боту или живому существу.

Это была ее идея добавить систему кровообращения этим роботам. Вероятно, если бы они могли истекать кровью, как думала она, тогда бы к ним относились более человечно. К несчастью, все возымело обратный эффект.

Арронакс встретилась с сильным сопротивлением. Придурки напуганы тем, каким человечным становится последнее поколение автоматонов, а давать им права кажется переходящим все границы. Когда «Наутилус» объявил, что новая версия андроидов — седьмое поколение, как Вега — будет иметь теплую кровь, это вызвало протесты по всей стране.

— Вы проведете границу между людьми и роботами?

— Почему граница вообще должна существовать? — отвечала Арронакс. — Будущее может быть мирным и взаимовыгодным сосуществованием, где дроиды становятся больше похожими на людей, а люди вбирают в себя все больше технологий. Вскоре вообще больше не понадобятся никакие разделения.

Она освещала этот вопрос в своем последнем интервью на «Андроид Нэйшн», которое получило широкое распространение в социальных сетях и которое использовали вне контекста в

различных группах, ненавидящих ИИ. Технацисты просто делились видео «Почему вообще должно быть разделение?», так сильно зливше людей, что они даже начали присылать ей угрозы расправой. Один мужчина, в частности, стал таким одержимым Арронакс, что оставлял для нее отравленные пасхальные яйца во всех ее любимых местах. Смена объекта мести. Даже дополненная реальность больше небезопасна.

Арронакс шмыгает носом, наливает себе еще один шот и выпивает его. Закрывает наглухо свой кардиган цвета морской волны, будто запирает на замок и свои переживания.

— Ладно.

Она вытирает аквablестки со своих век.

— Лучше нам составить план.

Глава 14

«Дед Сити Санбимз»

Центр города. Йоханнесбург, 2036

Драконья чешуя заводит машину. Фары освещают узкую городскую улицу, заставляя крыс разбегаться. Одна из них остается сидеть на мусорном контейнере, слишком голодная или старая, чтобы беспокоиться об ожившем гидроавтомобиле, а может, находится в оцепенении из-за яркого света. Крыса смотрит прямо на них, глаза, как два светящихся темно-зеленых шарика, усы подергиваются, пока она жует то, что у нее в лапах.

— Расскажи мне о себе, — просит мужчина.

Он имеет в виду, уверена Сильвер, что такая девушка, как она, делает в таком месте, как это.

Они проезжают мимо еще большего количества мусорных контейнеров и разбегающихся крыс, а затем старых консервных банок — охранных комплексов, захваченных скваттерами и дикими лесными животными. С тех пор, как у юго-восточных азиатов началось повальное увлечение лесными зубастиками в качестве домашних животных, город столкнулся с проблемой диких животных. Лисы, еноты и белки были привезены недобросовестными торговцами животными и проданы, как стерилизованные домашние питомцы, и никто не хватился, пока не стали появляться первые пометы. Вдобавок к демографическому взрыву (и неразберихе), пригородные психи нашли свою золотую жилу: продажи биоидентичных роботизированных лесных животных взлетели до небес и, что более странно, так же взлетели до небес и покраски кошек и собак под оригинальных Зубастиков. Пока едешь, лучше особо не приглядываться: все городские улицы усеяны трупами раздавленных животных.

— Сначала ты мне расскажи, — говорит Сильвер.

— Что ты хочешь знать?

— Мы можем начать с имен. Можешь назвать мне свое, — говорит она.

— Имена всего лишь социальные конструкции, чтобы загонять людей в рамки. Я не верю в силу имен.

Сильвер хохочет.

— На веришь в силу имен?

— Тех, которые дают мне другие люди.

— Ладно…

— Не думаешь, что это безумие жить всю жизнь под тем именем, которое дал тебе кто-то другой, кто даже не знал тебя тогда?

— Это всего лишь имя.

— Никогда лишь имя.

— Тогда как мне тебя звать?

— Можешь звать меня, как хочешь. Как ты мысленно назвала меня до того, как мы заговорили?

Сильвер колеблется.

— Ну же, как-то же назвала.

— Драконья чешуя.

Теперь его очередь смеяться.

— Драконья чешуя. Мне нравится. Вот видишь? Теперь у нас есть нечто большее, чем было минуту назад. Связь. Согласие. Это намного лучше, чем просто вешать случайный тег, который к завтрашнему утру, вероятно, забудешь.

— А как ты назовешь меня? — спрашивает Сильвер.

Он смотрит на нее с прищуром, будто оценивая ее.

— Я пока не решил.

— Но как ты называл меня прежде?

— Я назвал тебя деткой, — отвечает он. — Но это не подходит.

— А мне нравится, — замечает Сильвер.

— Тебе нравится, когда тебя зовут деткой?

— Мне нравится, когда ты меня так зовешь.

— Я понял.

Он смотрит на ее волосы.

— Детка Сильвер.

— Забавно… — произносит она, собираясь назвать ему свое настоящее имя.

— Это была гениальная группа в поздние девяностые.

Мужчина пролистывает свой «Скрайб».

— Я поставлю для тебя что-нибудь.

— В девяностые? Боже, сколько тебе лет?

Автомобиль наполняет музыка. Причудливый ритм и искусно наложенные звуки ударных и оркестра. Одновременно и просто и изысканно.

— «Дед Сити Санбимз». «Электрическое небо». Ох*енно подходит тебе.

Сильвер чувствует, как музыка вибрирует в ее теле, и в ее груди расцветает новая волна радости.

— Да, — произносит она, отдаваясь музыке. — Идеально.

Через пару треков, они проезжают мимо работающей с перебоями и питающейся от солнечных панелей вывески, гласящей «ДИСТРИКТ 12». Раньше в этом районе упаковывали мясо, когда придурки все еще считали нормальным убивать животных на пищу. Сильвер вздрагивает, вспоминая картинки, которые она видела. На них коровьи туши с содранной кожей висели на крюках. Люди так привычно работали с тяжелыми тесаками, словно резали древесину, а не плоть и кости, которые только недавно были живыми существами в дикой панике. Незадолго до веганской революции, залитые кровью полы уступили место хлопку и синтетическому шелку: район стал бурлящим центром моды. Бурлящим, до того, как новая одежда стала не модной, а индустрия изжила себя. Теперь новые бизнесы не горят желанием переезжать в этот район, испытывая подозрения и/или суеверия, а город не хочет менять вывеску. Теперь все просто зовут этот район «Дистрикт 12».

Сильвер одурманена ощущениями, вызванными новой странной музыкой и новизной нахождения в машине с красивым мужчиной, который не отрывает от нее взгляда. Это почти то же самое, что играть в одну из ее компьютерной ролевой игры. Почему он смотрит и смотрит на нее? Что-то происходит. Что-то, о чем он ей не говорит. Машина поворачивает направо, увозя их все дальше в деловой центр. Они должны были повернуть налево.

— Мы едем не ко мне домой, — произносит она.

Драконья чешуя смотрит ей прямо в глаза.

— Я знаю.

Они паркуются на улице перед складом. Он открывает дверь и, когда Сильвер выходит, ей в нос ударяет городская вонь. Она надевает свою газовую маску и принимает его протянутую руку. Она теплая. Мужчина ведет ее за угол, оглядывается в обе стороны, а затем открывает дверь, замаскированную реалистичной росписью на стене под дымчатый кирпич, из которого построено все здание. Иногда она думает, что этот город подземный лабиринт: есть, как дневная торговля и пешеходы, монохром с пятнами цвета там, где нелегальные торговцы продают фрукты, чипсы и краденую технику, но еще есть и

теневой мир, множество узких аллей, тайных дверей и подземных туннелей. Темная параллельная вселенная. Город-тень.

Сильвер колеблется, стоя у двери. Она чувствует, что, если она пересечет порог, то затем возникнут серьезные последствия, а пути назад не будет. Нервы заливают светом ее желудок и лицо, так что она чувствует, будто светится. Не красивым свечением, а радиоактивным и ярким. Что она делает здесь в этом странном месте и с этим странным мужчиной? На ее часах двадцать один двенадцать. Кейт уже начала беспокоиться. Ей нужно возвращаться домой. Ей нужно сесть в машину и поехать домой, как можно быстрее.

Глаза Драконьей чешуи блестят. Его кожа приятная на ощупь. От него исходит такое магнетическое притяжение, какого она не испытывала прежде.

Ей нужно возвращаться домой.

Увидеть, куда он ее привез.

Скоро ей будет шестнадцать. Сильвер на краю пропасти. Если и есть время, когда можно перевернуть жизнь с ног на голову, то это сейчас?

Глава 15

Тюрьмы никогда не спят

12 годами ранее

«ЛЕД», Йоханнесбург, 2024

Зак пугается, когда слышит шаркающие звуки у двери. Тут непроглядная темень. Когда его глаза привыкают, он начинает слышать скрипы и стуки внутри здания. Тюрьмы никогда не спят.

Этот звук будит его, реальный или воображаемый, вырывает его из сна о другой жизни, где он был свободен. Он пытается ухватиться за остатки этого сна, пытается вернуться к свету, цвету и теплу параллельной реальности, но у двери раздается еще один звук, и Зак понимает, что это снова Бернард. От этой мысли у него внутри зарождается предчувствие.

Дверь скользит в сторону, и она дефилирует внутрь. Крепче ее фигуры, только запах. Вероятно, остатки геля для душа: огурец и мята и что-то еще, чему он не может дать названия. Собачья слюна. Йогурт. Какой-то затаенный страх, или так реагирует на нее его собственное тело?

Она ничего не говорит. Бернард просто стоит там и наблюдает за ним спящим.

Глава 16

Пират. Расхититель. Бандит.

Каждое утро в колонии «ЛЕД» проходит строгая рутина упражнений. Неважно, ноют ли твои мышцы от сна на

пожеванной резиновой пластине, которую называют матрасом, или же можешь ли ты вообще открыть свои не выспавшиеся глаза, так как в жестких холодных камерах крики, храп и ругань — постоянный саундтрек двадцать четыре на семь. Здоров ты или болен, пьешь по три ежедневных питательных коктейля или устроил голодную забастовку. Ты обязан выполнять упражнения.

Ты раздеваешься до своих оранжевых трусов и залезаешь в «Орб». В первый раз беспокоишься, выберешься ли из него живым. После становится легче. Комплексный тренажер сканирует твое тело и мозг, чтобы подобрать упражнения, которые подойдут тебе наилучшим образом. Он определяет слабейшие группы мышц Зака — его поясницу — и обучает его различным силовым тренировкам. «Орб» знает, что упражнения могут стать скучными, так что его дополнительные функции могут тренировать и мозг тоже. Мини голокроссворды и математические задачки. «Китайские стены». Тренировки памяти. Головоломки «КенКен», «Небоскребы», «Футошики», «Хитори», «Нурикабе». К несчастью, умственные тренировки недоступны для таких заключенных, как он. Они хотят, чтобы его тело было сильным, чтобы он мог завершить работу, для которой они скоро наймут его в исправительно-трудовых лагерях, но хотят, чтобы его мозг был таким же примитивным, как у чайки.

— Твой адвокат здесь, — сообщает Лавмор, охранник с амблиопией.

Мышцы Зака расслабляются от пьянящего облегчения. Он по-быстрому плещет на руки и лицо холодной водой, запрыгивает в комбинезон, а затем подставляет руки под наручники.

Спасибо, блять, спасибо, блять, спасибо, блять — все, о чем он может думать, пока его ведут в административное крыло. Наконец-то, кто-то будет на его стороне. Кто-то, кто может вытащить его из этого блядского кошмара, и он снова сможет приступить к своей работе.

Комната для допросов такая же унылая, как и его камера, но другой степени унылости, чему он благодарен. Когда он садится, приходит мужчина, и новое напряжение сковывает атмосферу в комнате. Зак смотрит на хорошо сшитый костюм нежданного гостя с чем-то близким к зависти. Конечно же, он знает, что это чувство вызывает совсем не костюм, а ностальгия по жизни, которая у него была, жизни, которой у него больше не будет. Мужчина подходит к столу и протягивает Заку ладонь. Зак не принимает ее. Никто больше не пожимает руки, особенно, с опасным серийным убийцей. Разве не им он должен быть? Разве не поэтому он здесь?

Мужчина убирает руку и улыбается, чтобы сгладить

внезапную неловкость.

— Мпанги, — говорит он.

— Простите?

— Мое имя.

Мпанги садится, делает вид, что расслаблен, и переплетает пальцы над намеком на пузико.

— Было нелегко, — сообщает Зак.

— Что?

— В школе. С таким именем.

— Ха! — произносит тот и оглядывается.

Зак не ожидал смеха. Веселье Мпанги его удивляет.

— Вы правы. Было нелегко.

uMpanghi: Пират. Расхититель. Бандит.

— Однако вам подходит, — замечает Зак.

Мужчина перестает улыбаться.

Зак поворачивается к охраннику.

— Это не мой адвокат.

Лавмор смотрит на него, хлопая ресницами.

— Но я ваш адвокат, — говорит Мпанги. — Ваш. Назначенный государством.

Зак встает.

— Возникла ошибка.

— Заключенный, сядь, — приказывает Лавмор.

— Мне не нужен адвокат, назначенный государством. У меня есть свой адвокат. Детектив Рамфеле сказал, что его вызовут.

— Рамфеле больше не работает в полиции.

— Мне плевать на Рамфеле, я лишь хочу своего адвоката. Своего настоящего адвоката.

Лавмор дышит через рот, чешет щеку тонкими пальцами.

— Мне об этом ничего неизвестно.

— Что ж, — произносит Зак, делая шаг вперед, — это не проблема. Просто позвольте мне с ним связаться. Мне нужен всего один звонок.

— Ты не имеешь права совершать звонки, — говорит охранник.

Зак подавляет раздражение.

— Вы можете вызвать его для меня?

Лавмор выглядит неуверенным.

— Я заплачу вам больше, чем вы зарабатываете здесь за год.

— В этом нет необходимости, — отвечает Мпанги.

— Вы здесь новенький. Вы не знаете, в чем есть необходимость.

— Пользоваться счетами вы тоже не можете, — сообщает Лавмор.

— Мой адвокат все устроит. Мой настоящий адвокат.

Глаза Мпанги морщатся от фальшивой улыбки.

— Боюсь, все работает не так.

Есть в этом мужчине что-то зловещее. Зак почувствовал это сразу же, как тот вошел в комнату, и подумал, что может быть у него просто разыгрались нервы от долгого пребывания взаперти, но нет, в этом мужчине, определенно, есть что-то жуткое.

— И что, бл*ть, это значит?

— Это значит, что ваше богатство не позволяет вам раздавать поручения. Не значит, что можете получить особое отношение.

— Он был богатым, — замечает Мпанги.

Зак смотрит на него.

— Что вы сказали?

— Ваши счета были заморожены до решения суда.

— Они не могут этого сделать.

— Уже сделали. Не переживайте, вы вернете все назад… если вы невиновны.

— А если меня признают виновным?

— Ваши деньги отправятся в казну. Вы будете оплачивать судебные процессы над другими преступниками. Но не переживайте, как только вас отправят в одну из Крим-колоний, снова сможете начать зарабатывать. Молитесь, чтобы вас отправили в программу космических шахтеров… Я слышал, что им платят больше всех.

А еще они помирают чаще всех.

— Это против конституции, — в груди Зака расцветает тревога. Деньги должны были стать его билетом отсюда. Все идет не по плану.

Мпанги и Лавмор переглядываются и смеются, не улыбаясь.

— Вы не слышали? АНК продолжают менять конституцию.

— Меняют каждый день, как грязное белье.

— На прошлой неделе был введен запрет для Amakwerekwere *(прим.: неофициальный термин в Южной Африке, который используется для обозначения иностранных африканцев)*. На этой неделе, ну, вы очень не вовремя попали в тюрьму, — говорит адвокат. — Был подписан акт о поимке преступников… прошлой ночью. Его едва ли оспорили, и я не могу сказать, что не согласен с его принципами. Я хочу сказать, почему богатые должны получать лучших адвокатов? Это едва ли кажется справедливым. Теперь вы получите равное отношение.

Он поглаживает свою намасленную бородку, не отрывая глаз от Зака.

— Я хочу сказать, убийца — это же убийца, верно?

Глава 17

Двойной обман

12 лет спустя. Йоханнесбург, 2036

Сильвер тащат по темному коридору, расклеенному винтажными наклейками и испачканному граффити и жевачкой. Она тут и там видит буквы «ННИ».

— «ННИ»?

— Ничто не истинно, — отвечает Драконья чешуя.

В самом конце она узнает наклейку с изображением из детства: неоновый кролик. Сет всегда обращал на него внимание Сильвер и Мэлли, когда они замечали изображение кролика на парящей лавке в парке или на скейт-дроме.

— *Это «Альба»*, — говорил он и рассказывал им историю о кролике с измененной в лаборатории ДНК. Сильвер назвала своего плюшевого кролика в честь него и все еще втайне спит в обнимку с потрепанным плюшем, уткнувшись губами в его лысую голову.

— Это «Альба», — произносит она сейчас, показывая на наклейку, и ДЧ улыбается.

Они идут дальше и глубже, Сильвер пытается запомнить путь, но после первых нескольких поворотов, ее разум пустеет, а нервы снова начинают звенеть.

*«Что, бл*ть, я делаю?»*

Словно прочитав ее мысли, он поворачивается.

— Почти на месте.

Они добираются до еще одной двери, и мужчина открывает ее отпечатком пальца. Флуоресцентные лампы засекают их движение и с морганием включаются над их головами. Это двухэтажная комната, которая выглядит, как заброшенный операционный зал. Повсюду дешевая белая плитка, поцарапанная и потертая от многолетней чистки и использования едких химикатов. Теперь покрытая пылью, грязная и залитая зловещим черным раствором. К стенам придвинуты старые ИТ лампы и металлические подносы, медицинские шкафчики, штативы под капельницы. Сильвер уверена, что она все еще зеленого цвета. Она начинает потеть.

Драконья чешуя придвигает в центр винтажное стоматологическое кресло, затем регулирует подвесную лампу рядом с ним, включает и тестирует. Яркий свет причиняет боль глазам Сильвер, и она отворачивается.

— Это не то, чего я ожидала.

Ее голос приглушенный и ровный: комната звукоизолирована.

В углу двери светится маленький красный огонек, показывая,

что она заперта.

— Не бойся, это место идеально для того, что нам нужно.

Внутренности Сильвер превращаются в жидкость, по крайней мере, такое ощущение у нее возникает.

— Я вижу, ты нервничаешь, — замечает Драконья чешуя. — Не хочу, чтобы ты нервничала.

Сильвер медленно отходит назад и опрокидывает металлическую чашу. Она звякает и бряцает по плитке.

— Выпусти меня отсюда.

— Позволь мне объяснить.

Волоски на ее шее встают дыбом.

— Я не хочу твоих объяснений. Я хочу уйти отсюда на х*й.

— Почему бы тебе не присесть?

Он показывает на кресло и выключает лампу.

— Я буду кричать, — говорит она, но они оба знают, что в этом нет смысла.

— Нет нужды… — начинает он, но его прерывает шум у двери.

Небольшой огонек становится зеленым, и Сильвер устремляется к двери, но как раз перед тем, как она до нее добирается, входит еще один мужчина, и она почти врезается в него.

— Эй! — произносит он, ловя ее.

— Отпустите меня! — кричит Сильвер, но дверь покачивается на петлях и мягко закрывается, снова зажигается красный огонек.

— Эй! — произносит он, отпуская ее. — Какого х*я, парень?

— Спасибо, что пришел, — говорит Драконья чешуя. — Мы почти готовы. Детка Сильвер, это доктор Смит.

«Насколько глупой он меня считает?»

Доктор Смит. Двойной обман, в двух словах.

Мужчина, кажется, нервничает.

— Она просто маленькая девочка.

— Ей скоро будет шестнадцать.

— Не знаю, парень.

Он чешет ухо, а затем шею.

— У нас был уговор, — замечает ДЧ. — Так?

— Не знаю, — отвечает Смит. — То есть, она так молода. Посмотри на нее. И я даже не…

ДЧ прерывает его.

— Это простая процедура, ты справишься.

«Смит» горбится, признавая поражение, и вытаскивает из своей наплечной сумки рулон накрахмаленной черной ткани. Он ослабляет узел и разворачивает ткань на стальном подносе из нержавейки, открывая виду хирургические инструменты,

поблескивающие в жестком свете.

Сильвер начинает кричать. Она бежит к двери, стучит в нее и зовет на помощь. Сзади, Драконья чешуя прижимает горячую руку к ее губам и впрыскивает транквилизатор ей в шею. По ее телу разливается горячий шок, а следом за ним тепло от транквилизатора. Он заставляет ее обмякнуть. Тело Сильвер хочет осесть на пол, но Драконья чешуя поддерживает ее и относит на кресло. Фиксирует ее запястья и щиколотки большими коричневыми ремнями из кожи с медными пряжками. Он снова включает верхний свет, который мгновенно ослепляет ее, затем наклоняет свет так, чтобы тот светил на ее серебряные волосы. Она осоловела от страха и наркотиков, она хочет пинаться и драться, но ее тело превратилось в теплую, мокрую губку.

ДЧ подносит что-то к ее голове, что-то жужжащее, девушка ощущает вибрацию и то, что ее голову бреют. Белые пряди летят на пол. Она думает, что он побреет всю ее голову, но мужчина останавливается на полосе чуть левее центра, там, где она обычно разделяет волосы. Теперь ДЧ крепит ремень к ее лбу. Сильвер пытается говорить, но даже ее рот парализован. ДЧ гладит ее по голове, по щеке.

— Бояться нечего, — говорит он, а затем берет ее за беспомощную руку. — Я знаю, что все кажется страшным, но так быстрее и проще. Мы не причиним тебе вреда.

Лицо Сильвер застыло, ее язык онемел. Ей удается лишь издать гортанный стон.

Что она натворила, что она натворила, что она натворила…

По ее виску стекают слезы.

Лицо Смита исчезает из поля зрения, затем появляется вновь. В его руках шприц.

— Обезболивающее, — мягко произносит он, а затем колет его в изгиб ее локтя. — Считай назад от десяти.

Он достает скальпель и опрыскивает его антисептическим спреем. Той же жидкостью он опрыскивает ее скальп. Сильвер не хочет считать, но окрашенные числа все равно всплывают в ее уме, проплывая перед глазами. Радуга переливается на грязных ремнях. Кексы с вращающимся скальпелем. Десять, девять, восемь… а затем они растворяются во тьме.

Глава 18

Остриженная и зашитая

Драконья чешуя наблюдает, как недоучившийся врач надевает на обритый и зашитый скальп Сильвер повязку. Он проверяет ее жизненные показатели. Тело девчонки подергивается от стимуляции нервов, но она жива. Мужчина прикасается к ее щеке, щелкает пальцами перед лицом.

— Сильвер?

Щелк, щелк.

— Сильвер?

Она с жадностью ловит воздух, будто тонет, ее спина изгибается, а глаза открываются и закатываются назад.

— Ты меня слышишь?

Протяжный, отчаянный глоток воздуха, затем ее тело, похоже, расслабляется. Она откидывается назад на кресле, ее глаза снова закрываются.

— Она в порядке? — спрашивает Драконья чешуя Смита. — Это нормально?

Смит пожимает плечами.

— Что нормально? Я же говорил тебе, что не делал такого прежде.

Драконья чешуя снова проверяет ее пульс, он кажется ровным. Он прикасается к своей «косточке», чтобы совершить звонок.

— Все готово.

— Хорошо, — отвечает женщина. — Приведите ее.

Глава 19

Кожа на молнии

Квартира Сета. Йоханнесбург, 2036

Мэлли выключает свой киноэкран и осторожно выбирается из постели. От стояния верхняя часть его бедра ублюдочно пульсирует. Он быстро осматривает свою худшую рану, которая почти зажила, спасибо стволовым клеткам в кожной молнии, и хромает на кухню. Парень резко останавливается, когда слышит напряженный голос Кейт.

— Бл*ть, — произносит его мать.

Она не любит, когда он ругается, но у нее самый грязный рот из всех, кого Мэлли знает. Какого поведения тогда ожидать от своих детей? Есть еще кое-что, чем она занимается. Он не винит ее. Никто не говорил, что, родив ребенка, ты должна стать идеальной. И в его случае, ну, она его даже не рожала, поэтому плевать на старые правила.

— Что мы будем делать? — спрашивает Кеке.

— Уезжать до того, как нарастет паника, — отвечает Сет.

— Уезжать?

— Из города. За пределы досягаемости ИИ.

О чем, черт возьми, они толкуют?

— За пределы досягаемости ИИ? Такого места не существует.

— Чем дольше мы стоим здесь и обсуждаем, тем меньше у нас шансов выбраться живыми.

Мэлли смотрит на плакат на своей стене. Он винтажный, подарок от дяди Марко. Это 2D мультяшное изображение Бендера из «Футурамы», где робот говорит: *«Быть роботом замечательно, но у нас нет эмоций, и иногда от этого мне очень грустно».*

— Но куда? — сердито спрашивает Кейт. — И как мы будем жить? Что мы будем есть?

— Ты знаешь, что я имею в виду. Подальше ото всех машин, которые могут причинить вред детям. Кроме того, что мы будем есть, если останемся здесь? Не то чтобы дроны «Бильхен Мил» продолжали совершать доставку.

— О, — произносит Кейт, тревога превращает ее голос в гравий.

— Что не так? Кейт? Ты будто вот-вот упадешь в обморок.

— Дети. Сильвер. Ее нет дома. Морган посадил ее в такси, но это было час назад.

Мэлли никогда не слышал, чтобы Сет был таким взволнованным.

— Комендантский час уже наступил. Сильвер никогда не опаздывала.

— Что, если она…

— Она все еще не отвечает по «косточке».

— Мы должны найти ее.

— А что насчет Мэлли? Мы не можем оставить его здесь.

— Мы не можем взять его с собой.

— Проклятье. А Вега?

— Он больше никогда ее не увидит.

Мэлли начинает на цыпочках идти обратно, подальше от кухни. Он не знает, что происходит, пока нет, но он ни за что не позволит, чтобы ему мешали видеться с Вегой. Он лучше умрет, чем больше никогда ее не увидит. Она его родная душа, лучший друг. Некоторые люди говорят, что у роботов нет души, некоторые даже пытаются криминализировать отношения между человеком и роботом, но Мэлли знает, что это неправда. Андроиды седьмого поколения обладают такой же способностью любить, как и любой биочеловек. Плоть и кровь не делают тебя человеком, это уж точно. Он много раз видел это за свои шестнадцать лет. Это то, что привело к его рождению, а потом чуть не убило его. В Веге столько же жизни, сколько в любом не-дроиде, которого он знает. Они любят друг друга так сильно, что это причиняет боль. Ну, это причиняет боль ему, глубокую и мучительную. И ни в коем случае паранойя Кейт не встанет между ними.

«Вектор» Сета брошен на боковом столике. Обычно Сет хранит свой пистолет с осторожностью, Мэлли никогда не видел,

чтобы тот лежал поблизости. Очевидно, что Сет намного сильнее расстроен происшествием с Боунчейсером, чем отдает себе отчет в этом. Мэлли сдерживает слезы. Он не будет думать сейчас о собаке, не может. У него будет время погоревать позже.

Парень видит в оставленном «Векторе» знак. Прикрепляет оружие к поясу и закрывает рубашкой. Меняет направление и идет к входной двери, которая все еще открыта, позволяя ему быстро и бесшумно покинуть квартиру.

Глава 20

Нормальная полночь

Мэлли уже собирается шагнуть в лифт, когда у него возникает дурное предчувствие.

— Добрый вечер, — доносится из динамика в умной металлической кабинке.

Он решает держаться подальше от всего, что обладает интеллектом, вспомнив напряженный разговор матери с Сетом и Кеке. Когда Мэлли начинает спускаться по лестнице, думает о Сильвер и его гложет беспокойство. Ему стоило бы тоже попытаться найти ее, но он должен следовать цели. Сначала он найдет Вегу, затем они разберутся со всем остальным. Кроме того, его мать и Сет, вероятно, отправятся искать Сильвер. Вероятно, его сестра в безопасности в «Атриуме». Возможно, забыла поставить таймер на погружение и опоздала на комендантский час. Не похоже на нее, как он думает, чувствуя, что его внутренности сковывает новая волна ужаса. Сильвер знает, что, если она опоздает на комендантский час, ее не выпустят из дома неделю. Она так одержима игрой в «Эден 7.0», что неделя без игры убьет сестру.

Другие дети в их виртуальном классе относятся к Сильвер иначе. Ну, они относятся к ним обоим по-другому, но по разным причинам. К Мэлли, потому что он единственный из выживших детей «Генезиса», а еще потому, что он состоит в противоестественных отношениях с Вегой. Но они, вроде, уважают Сильвер. Может быть, из-за ее эксцентричной внешности, — красивая, беловолосая, тонкокостная, — привязанности к этой грязной газовой маске или сумасшедших способностей геймера. Или из-за ее бионического пальца и истории его появления. Сеть знает, что дети обожают делиться историями. Он слышал тысячу версий, одна нелепее другой, но Мэлли считает, что люди чувствуют себя неуютно рядом с ней по большей части из-за того ощущения, которое появляется, когда она входит в комнату, даже если это виртуальная комната. Словно вокруг нее наэлектризованная аура. Будто в воздухе повисают статические разряды. Он привык думать, что это

чувство возникает только у него одного, думал, может быть, это потому, что они близнецы (или в некотором роде близнецы), но теперь он видит это чувство и на лицах других людей. Своего рода удивление, любопытство, которое она вызывает везде, куда бы ни пошла.

Оно всегда у нее было — ее отличие, чем бы оно ни было. Он помнит реакции людей, когда она была ребенком, но с возрастом оно усилилось. Стало интенсивнее. Дети в классе, которые тоже играют в игры в «Атриуме», говорят, что другие игроки зовут Сильвер «Призраком».

Мэлли достигает подножия лестницы, его ноги горят огнем. Он ищет в кармане ингалятор с обезболивающим, вдыхает дозу и ковыляет через главный вход, чувствуя благодарность, что биометрическая панель все еще работает. Выходит на горячий асфальт. Сейчас полночь, но температура достигает тридцати шести градусов по Цельсию.

Куртка с эффектом охлаждения.

Его охлаждающая куртка сразу же понижает его температуру. Он надевает маску на лицо и смахивает рекламу, чтобы проверить новостные ленты. В заголовках, похоже, не происходит ничего космического.

Шини Вам подписал новую сделку с «Нью Ньюком».

Марсианский шаттл все еще не найден.

Вы получили свой пластырь от гриппа?

«Сошедшие с ума боты против Охотников на ботов: Переломный момент».

Нужна ваша помощь по уборке космического мусора.

Прибыль Крим-колоний возросла на 17 %.

Умные наркотики убивают вас?

Робот-портье убийца, «ДроидШеф», «гиперпетля»: Что произошло на самом деле?

Универсальный базовый доход наконец-то здесь!

Так что, может быть, родительские единицы паниковали из-за ерунды. На самом деле, люди ходят и занимаются air-скейтингом вокруг него так же, как и в обычную полночь в Джози. Он стоит чуть дольше, размышляя, на какой травмай сесть. «Атриум» в двенадцати кварталах на восток. Хостел Веги в противоположном направлении. Сильвер действительно в опасности? Вероятно, нет. Или, по крайней мере, так говорит он сам себе, несмотря на тревожные сигналы интуиции, садясь на транспорт, что едет в западном направлении, и держа путь в квартал искусственного интеллекта в Чайнасити-Сэндтон.

Глава 21
Мистер Вселенная
12 годами ранее. «ЛЕД», Йоханнесбург, 2024

Зак использует скудный кусок тюремного мыла, чтобы разрисовать оштукатуренную кирпичную стену в его камере. Он использует всю стену напротив своей металлической койки как холст. Ему удается обрисовать лишь контуры перед тем, как мыло заканчивается. Свободный набросок цветущего лотоса. Ему нравится, что тот почти невидим.

Это лучшее применение мыла, которое он нашел: добавить что-то красивое, на что можно смотреть. Что-то, что воплощает красоту, потенциал и надежду, потому что, Сеть знает, здесь ничего из этого нет. Что важнее, это его ежедневное напоминание о правде, о том, почему он здесь, и о том, что ему все еще предстоит сделать. Зак стоит там в своей маленькой серой камере и смотрит на цветок. Представляет, как тот цветет и распускает лепестки, а потом превращается в ничто.

«Я здесь, чтобы пробудить "Пожирателей Лотуса"».

Арест временно помешал выполнению его плана, но всегда есть выход. Это императива, которая помогает ему сохранять самообладание.

Небольшая пластина мыла — одна из тех, сводящих с ума деталей, от которых он рад избавиться. Они дают тебе наволочку, но без подушки, окно, но без вида, и кусок дешевого мыла без воды. Он все еще не может понять, недостаток ли это внимания к деталям, или нечто более ужасное: приглашение в дурдом. Иногда он ощущает, психологически говоря, что они дают ему достаточно веревки лишь для того, чтобы на ней повеситься.

Мужчина слышит свист снаружи. Лавмор с амблиопией *(прим.: понижение зрения, причиной которого преимущественно являются функциональные расстройства зрительного анализатора, не поддающиеся коррекции с помощью очков или контактных линз)*. Он не сомневается, кто это, потому что Лавмор — единственный охранник, который предупреждает о своем приходе. Обычно тот насвистывает устаревшую евангелистскую мелодию. Может быть, он думает, что заключенные заслуживают небольшой приватности, или, может быть, свист — подобие защитного заклинания, чтобы оградить себя от того, что он войдет и увидит, как заключенные занимаются тем, что он не хочет видеть.

Дверь открывается, и охранник показывает Заку следовать за ним.

Лавмор не его любимчик, но, по крайней мере, он лучше, чем

Бернард.

Свет причиняет боль глазам Зака, поэтому тот часто моргает, чтобы унять жжение.

— Куда мы идем?

— Они тебе не сказали?

Они идут по коридорам, поднимаются по лестницам, едут на конвейерных лентах, пока Зак не теряет ориентацию в пространстве. Этому способствует и то, что здесь нет ни окон, ни естественного освещения, чтобы оценить время суток. Ему хочется думать, что его адвокату, его настоящему адвокату, каким-то образом удалось прорваться к нему, или что обвинения против него сняты, но он не может избавиться от дурного предчувствия. Все кажется спланированным, подстроенным. Хелена Нэш говорила им, что они ускорили суд над ней лишь с одной целью — посадить ее навечно.

Они достигают зала суда, в котором уже расселись жюри присяжных и тут и там представители прессы. Он изучает лица журналистов одно за другим, ищет, надеется увидеть Кеке. Конечно же, она будет присутствовать? В лучшем случае, чтобы поддержать его, в худшем — убедиться, что его допросят с пристрастием и признают виновным. Но даже так, он хочет, чтобы она пришла: в толпе ни одного знакомого лица.

— Сейчас будет? — спрашивает он Лавмор. — Суд? Уже?

— Вы всегда недовольны, вы преступники, — говорит он, — ноете, ноете и ноете, чтобы суд был быстрее, а потом, когда его получаете, жалуетесь. Мы не можем держать вас в колонии «ЛЕД» вечно, знаешь ли.

Да, Зак знает. «ЛЕД» стоит государству денег, в то время как Крим-колонии почти что станок по печати денег. Они не хотят, чтобы уроды оставались здесь дольше минимально необходимого.

— Но у нас даже пока нет стратегии защиты.

У тебя есть возможность связаться с мистером Мпанги.

— Вы шутите.

Он не шутил.

— Это не суд. А подстава.

Лавмор пожимает плечами.

— Ты не очень-то сотрудничал. Человек, которому предложили бесплатного юридического советника.

— Меня даже не побрили. Я все еще в тюремном комбинезоне.

Его ярко-оранжевый комбинезон будто кричит «опасный преступник», как и его зудящая трехдневная щетина. Его волосы грязные, а под глазами залегли темные круги.

— Не переживай по этому поводу, красавчик, это не конкурс

«Мистер Вселенная». Тебя будут судить не по тому, как ты выглядишь.

Зак очень хорошо знает, что всех и везде судят по тому, как они выглядят, и он знает наверняка, что в данный момент он выглядит именно так, как они хотят, чтобы выглядел: как деградировавший серийный убийца.

Лавмор ведет его к месту в переднем ряду зала суда, рядом с Мпанги, который здоровается с ним кивком.

— У вас есть план? — шепотом спрашивает Зак.

— Конечно.

Тот улыбается: эбонитовый Чеширский Кот.

Зак снова ищет взглядом в зале суда Кеке.

В помещение входит трио судей, и все встают. Зак не узнает ни одного из них.

Вслух зачитывают список обвинений против него, угловые камеры записывают приглушенные возгласы из толпы позади него. Ведущий судья без остановки перечисляет имена каждой жертвы, одно за другим, чтобы жюри присяжных почувствовало обвинение в массовых убийствах, как тяжелое одеяло на своих плечах. Это их работа — очевидное, негласное сообщение, добиться справедливости для этих людей. Жюри присяжных по очереди одаривает его подозрительными взглядами, в уме они уже, вероятно, все решили.

Главный судья, наконец, добирается до конца списка: 108 пунктов обвинений в преднамеренном убийстве. Наступает мгновение безмолвия, возможность осознать тяжесть обвинений против него, а затем главный судья хлопает ладонями.

— Что ж! Давайте начинать.

Глава 22

Хлеб & Зрелища

12 годами ранее. «ЛЕД», Йоханнесбург, 2024

Каждый день, как Зака приводят в зал суда, он ищет взглядом Кеке и столько же разочаровывается. Конечно же, однажды она появится. Это начинает ощущаться неразделенной любовной интрижкой криминального толка. Каждый день он все глубже погружается в отчаяние. Он много недель не принимал душ и не высыпался. Каждую ночь его преследует маячащий силуэт Бернард. Он лежит без сна, ожидая ее прихода, а когда она появляется, ведь она всегда появляется, то лежит и прислушивается к ее дыханию, в то время как адреналин будоражит его кровь и не дает еще долго уснуть после ее ухода.

Почему Бернард преследует его? Почему она наблюдает за ним спящим? Она знает, кто он на самом деле?

Невозможно.

Он умолял Лавмора дать ему что-нибудь почитать, что угодно, чтобы прекратить медленную атрофию своего мозга. Это одна из самых больших трудностей нахождения здесь. Он может жить без душа, без компании, а в последнее время и без зубной щетки, но без сна и чтива однозначно сойдет с ума. Каждый день в этом месте на шаг приближает его к бредовому исступлению.

Мпанги едва заметно нюхает воздух, а затем немного отодвигается от Зака. Он его не винит. Зак бы сам от себя отсел, если бы мог. Как можно дальше. Возможно, если он старательно представит метафизическую петлю палача, которую они пытаются на него накинуть, она материализуется. Что-то вроде кота Шредингера. Петля Шредингера?

«Встать! Встать! Внимание!»

Закери Гердлер и жив, и мертв одновременно.

— Когда я смогу выступить за трибуной? — спрашивает он Мпанги.

Брови «пирата» взлетают вверх.

— Ты не будешь выступать за трибуной.

— Разве они не хотят услышать мои показания? Разве им не нужно задать мне вопросы?

Он качает головой.

— Что, если я хочу что-либо сказать?

— И что бы ты сказал?

— Я мог приготовить речь. В свою защиту.

— Это не «Закон и порядок».

— Мпанги. Мне нужно выбираться отсюда к чертям.

— Просто дай мне выполнить свою работу.

— Но ты не выполняешь свою работу! В этом-то и проблема. Мы просто сидим здесь весь день и наблюдаем, как прокурор рисует из меня злодея.

— Ты должен доверять судебному процессу.

Зак даже не знает, почему он спорит. Все равно не может рассказать правду о том, чем занимается. Может быть, он думает, что без весомых улик, потому что знает, что они не существуют, присяжные не смогут осудить его. Но, похоже, никто не возражает против этой маленькой детали. На самом деле, у него складывается ощущение, что большую часть времени эти люди даже не слушают. Он подозревает, что один из младших судей даже не слышал и слова за все время суда. Зак видел, что у того в ушах беспроводные наушники, а правой ногой он постоянно постукивает по полу. А присяжным, мечтающим об обеденном сне, похоже, и вовсе не требуется дальнейших доказательств его вины. По их острым взглядам, он видит, что они настроены

против него с самого первого дня.

Прокурор завершает свое выступление и благодарит свидетеля. Женщина встает, чтобы покинуть трибуну.

— Разве не будет перекрестных допросов? — шепотом спрашивает Зак.

Мпанги пожимает плечами и морщит нос. Не, говорит язык его тела. Будто кто-то угостил его холодным чаем.

— Следующий свидетель! — выкрикивает главный судья.

Зак непроизвольно представляет, что он попал в какую-то ленту Мебиуса, приправленную Кафкой, суд в стиле Льюиса Кэролла, где все сошли с ума и всем все равно.

— Следующий свидетель! — произносит судья, но с тем же успехом он может кричать: *«Отрубить ему голову!»*.

Что там говорили о хлебе и зрелищах? Зак хотел бы вспомнить, потому что он думает, что то выражение идеально характеризует то, что здесь происходит.

Глава 23

Еб*ный пакет с сюрпризом

Лавмор снова насвистывает снаружи камеры Зака. Зак прекращает свое занятие — добавление нацарапанных деталей к его настенному цветку лотоса при помощи небольшого гвоздя, который он вырвал из тюремных ботинок, и прячет сапожный гвоздь в небольшое отверстие в матрасе.

Дверь открывается, Лавмор останавливается на середине мелодии и приветствует его в праздничной манере.

— Заключенный!

Лавмор никогда не называл его по имени. Они обучают этому охранников на тренингах, держать заключенных на расстоянии? Он получит номер, когда его отвезут в Кри-колонии, в стиле концентрационных лагерей? Это неплохо послужит тому, чтобы и далее обесчеловечить его в глазах надзирателей. Может быть, Зак параноик. Может быть, Лавмор просто не любит называть людей по имени.

Мужчина ожидает, что охранник сделает ему замечание из-за того, что он рисует на стенах, или скажет что-то уничижительное вроде: «Знаешь ли, они закрасят это, как только тебя здесь не будет» или «Отчищай это, заключенный!», а может, еще что хуже, но тот ведет себя так, будто этого вообще не видит. Будто он не видел, как тот рос из почти невидимого наброска мылом в огромный, выглядящий объемным цветок, нарисованный зубной пастой и затененный ваксой.

— Жюри распустили! — сообщает Лавмор, у которого явно выдался хороший день.

— Что?

— Собирай свои вещи, заключенный. Пора переезжать!

— Но мы даже не завершили суд. Не выслушали всех показаний. Какой суд идет всего три дня?

— Удачный, — отвечает Лавмор.

Зак почти задыхается.

— Удачный для кого?

Охранник показывает ему свои крупные белые зубы.

— Для всех.

Мпанги относится к этому также.

— Очень хороший, — говорит он, когда приходит Зак. — Очень хороший суд.

Зак взрывается.

— Что, бл*ть, это значит? Это была абсолютная бутафория.

— Чем короче суд, тем дешевле для людей. Мы все знали результат с самого начала, так? На самом деле нет смысла все затягивать.

Судьи входят и все встают, а затем снова садятся. Зак остается стоять.

— Вы вынесли вердикт? — спрашивает главный судья.

Присяжная с длинными белыми косами встает.

— Да, ваша Честь.

Она щелкает кнопку на пульте, которую она держит, и на киноэкране для доказательств высвечивается подсчет голосов.

Двенадцать красных. Двенадцать из двенадцати. Грязная дюжина.

— Ай! — Мпанги кажется впечатленным. — Высший балл!

Зак сжимает зубы, а руки в кулаки.

«Не бей своего адвоката. Не бей своего адвоката. По крайней мере, не перед всем судом».

Публика довольна. Они хлопают, будто это была длинная, но удовлетворительная постановка. Главный судья стучит своим молотком, и люди затихают.

— Спасибо, за вашу работу, — говорит он присяжным, которые впервые выглядят веселыми.

Они словно придерживали при себе свое мнение три дня, а теперь могут, наконец, расслабиться. Теперь они свободны и могут возвращаться к своей нормальной жизни, потратить деньги, которые получили за свою работу здесь, вытащить из своей сумки с логотипом колонии «ЛЕД» мармелад со вкусом «Кул-эйд».

— Вердикт — «виновен». А теперь приступим к приговору.

— Приговору? — спрашивает Зак. — Все должно быть не так.

Судья опускает свой молоток.

— Мистер Гердлер? У вас есть возражения?

Зак опускает взгляд на Мпанги, который смотрит на него с

интересом. Действительно ли его клиент настолько глуп, кажется, думает он, чтобы злить судью, который собирается вынести ему приговор?

— Вам нужно время, чтобы обдумать вердикт, а затем определить приговор.

— Мне не нужно время, — отвечает судья. — Я слышал и видел достаточно.

— Но…

— Виновны в ста восьми эпизодах преднамеренного убийства, мистер Гердлер. Мне не нужно долго думать, решая, что с вами делать.

Присяжные забыли о своем веселье. Они наблюдают, завороженные. Зак понимает, что ничто из этого не было настоящим, начиная от самозваного адвоката до актеров на скамье присяжных. Главный судья смотрит на Зака, прищурив глаза. Все это было сложной уловкой, игрой, экспертной хореографией власти против пешки.

— Я на это не куплюсь! — кричит Зак. — Я вижу, что здесь происходит.

Публика начинает хихикать. Они не ожидали выступления на бис.

— Это не правосудие. А вы, — говорит он судье. — Судья, ха! Готов поспорить, даже не имеете юридического образования. Готов поспорить, что вы получили свой диплом из еб*ного пакета с сюрпризом!

Теперь публика и пресса достали свои девайсы, записывая гневную тираду Зака. Еще больше доказательств против него, что он безумец и опасный псих.

— Гердлер, — говорит Мпанги, — сядь, парень. Ты делаешь только хуже.

— Пошел ты! — кричит Зак и применяет всю свою силу воли, чтобы не сломать адвокату нос.

— Откуда вас всех взяли? — кричит Зак на трибуны с людьми, прячущимися за своими записывающими устройствами. Они все актеры, теперь он это видит. Вспышки их камер жалят его и без того больные глаза.

Главный судья стучит своим молотком.

— Мистер Гердлер!

— Обвиняемый, пожалуйста, сядьте, — пищит прокурор, наслаждаясь шоу.

Этого не может быть. Он не может отправиться в исправительно-трудовую колонию. Он должен добраться до Кейт, пока не слишком поздно.

— Я не сяду!

Часть Зака считает его самого частью шоу. Он знает, какие протесты произнесет еще до того, как они сорвутся с его губ. Он видит себя раздавленным этой коварной системой: голодным, грязным, взвинченным из-за нехватки сна, и знает, что для всех будет лучше, если он будет вести себя послушно, потому что его бредни по поводу несправедливости ничего не решат. Никому нет дела до прав человека, ответственного более чем за сотню индивидуальных и безупречно организованных смертей. Они просто хотят запереть его и выбросить ключ. Этого не случится. В самой глубине его души есть что-то, что запрещает ему чувствовать себя потерпевшим поражение.

— Я даю вам последний шанс сесть! — кричит главный судья.

Охрана в зале суда начинает заранее приближаться к нему: два человека в темно-синей форме на периферии его зрения.

— Не могу поверить, что это дерьмо сойдет вам с рук, — произносит Зак.

«Успокойся, сейчас же, умолкни».

Охранники прямо здесь. Он готовится драться с ними, но наручники сковывают его запястья.

— Убирайтесь от меня! — кричит он на них.

Они оба вздрагивают, словно он бешеная собака, готовая вот-вот наброситься.

— Пошли, заключенный, — произносит одна из копов, протягивая к нему одну руку, а другой держась за кобуру на бедре. — Спокойнее.

— У меня есть имя! — кричит Зак.

Сейчас он уже не контролирует свои поступки.

— Спокойнее и никто не пострадает.

У нее янтарные глаза. Добрые. На секунду он затихает, опуская свою защиту, но потом другой охранник пытается схватить его. Зак борется, пытается вырваться, пока придурки наблюдают за этим через линзы своих камер. Вспышка, вспышка, вспышка.

Он отводит руки назад, готовясь ударить копа правым хуком, но, когда он пытается это сделать, наручники сильно жалят его запястья. Он опускает на них взгляд, одновременно и шокированный и не удивленный. Он сразу же ощущает теплое, успокаивающее воздействие «ТранИкс», которое начинает доминировать над адреналином в его крови. Оно забирает его желание драться, бежать, возражать, пол устремляется навстречу ему.

Нет, нет, нет. Это не по плану.

Он слышит обрывки разговоров, пока сознание испаряется из его черепа.

…неизбежно…
…очевидная угроза для себя и других…
…единственный вариант — самый строгий режим…
…или психлечебница?…
…седативный эффект…
…паранойя…
…расстройство психики…
…на долгий, долгий срок…
Это облегчение, когда наркотик отключает его сознание.

Глава 24

Жаркий Токио

12 лет спустя. Центр города, Йоханнесбург, 2036

«Косточка» Мэлли вибрирует. Звонит Вега.
«Взять трубку», — думает он, и происходит соединение.
— Вега. Я как раз еду к тебе.
— Мэлли, — говорит она. — Мэлли.
Но что-то кажется неправильным. Интонация ее голоса.
У него ускоряется пульс.
— Что такое? Где ты?
— Мэлли, — произносит она механическим голосом, походя на робота впервые, насколько помнит Мэлли.
«Найти Вегу. Найти Вегу!»
Его голокарта разворачивается и показывает ему точку назначения. Она не в своем хостеле, а ближе: в трех кварталах к северу, на ночном рынке в центре города. Мэлли приказывает трамваю остановиться. Другие транспортные средства гудят. Он выпрыгивает. Во время приземления раненую ногу простреливает боль, практически заставляя его упасть. Парень не видит, чтобы трамваи ехали на север, свободных такси нет, так что он бежит к месту назначения. Каждый шаг — как стальной шип, вонзающийся в его плоть. Он бежит и бормочет что-то, ему все равно, что подумают другие люди, когда они останавливаются, чтобы посмотреть на него, шипящего от боли.
Когда он добирается до рынка, тот гудит от кричащих продавцов и торгующихся покупателей. Мим в образе золотой статуи посылает воздушный поцелуй ребенку в детской коляске, и малыш начинает плакать. Уличные музыканты в шляпах-котелках исполняют песню, которой уже сотня лет. Мэлли прокладывает себе путь через толпу, пахнущую темно-смолянистым попкорном, жареными орехами, потом и соусом барбекю. Клубничным спреем «Ксагар». Теперь он в пятидесяти метрах от Веги. Некоторые из людей на рынке убираются с его пути, когда видят, как учащенно он дышит в маску, потеет, истекает кровью и бормочет что-то себе

под нос. Отличная тактика, чтобы пробиться через толпу.

На окраине азиатского сектора находится прилавок под названием «Жаркий Токио». Это ярко освещенный минимаркет с обычными домашними продуктами, не поставляемыми на рынок свежей продукции: не-молоко *(прим.: миндальное, овсяное и другое с высоким содержанием протеинов)*, сыры, кокосовое молоко, горячие полотенца, моющие средства. Его приборная панель говорит ему, что Вега здесь.

— Вега! — кричит Мэлли, ковыляя через главный вход.

Невысокая женщина на кассе испуганно вскидывает руки в воздух, будто ожидает начала ограбления. Ее глаза кажутся огромными из-за толстых линз в старомодной оправе.

— Вега! — выкрикивает ей Мэлли.

Владелица магазина опрокидывает полку с электронными сигаретами, снаффеином и карамельными презервативами, срок годности которых вышел уже лет десять назад. Некоторые из товаров падают на землю. Он показывает продавщице аватар Веги, рубиновую звезду Альфа-Лиры, и ее глаза становятся еще больше. Женщина показывает ему на тревожную кнопку на прилавке и отвечает на сян. «Косточка» Мэлли мгновенно переводит на английский.

— Мужчина забрал ее, — говорит она. — Вызвала копов. Вызвала копов.

— Какой мужчина? — не сдерживает себя он, подавляя желание затрясти женщину.

Местоположение Веги медленно удаляется от него. Она что-то бормочет и показывает ему на свой устаревший экран безопасности, перематывает запись на две минуты назад, проведя толстым пальцем в сторону, и Мэлли с ужасом наблюдает, как мужчина с ирокезом отводит руку и со всей силы бьет Вегу, сминая ее щеку и почти ломая шею. Вокруг них двоих собрались другие мужчины, и Мэлли думает, что они заступятся за нее, но вместо этого они смеются и беззвучно подбадривают его.

— Не уходить. Ждать копов! Не уходить, он убьет тебя!

Рот Мэлли наполняется горячей слюной, его вот-вот вырвет, но у него нет на это времени. Мужчина на видео, покачиваясь, направляется к Веге, проводит рукой по ее бедру и пристраивает свой пах, неуклюже толкаясь, пока другие смеются. Она застыла: для такого у нее нет протокола. Она пытается отодвинуться от мужчины, но поскальзывается на пролитой на пол жидкости там, где были раздавлены ее покупки. Мужчина бросается на нее.

— Куда? — спрашивает Мэлли.

Женщина качает головой. Она ему не скажет, потому что не хочет, чтобы он рисковал жизнью из-за робота. Она не понимает.

Парень пролистывает запись до конца нападения, где видит, как другие мужчины ушли из продуктового магазинчика, а мужчина с ирокезом бьет Вегу головой в лицо, а затем тащит ее за волосы через заднюю дверь. Мэлли отрывает взгляд от экрана в поисках двери.

Он бежит к двери и через нее, оказывается на многолюдной кухне, затем в наполненной паром прачечной, снова на аллее. Мужчина распластал тело Веги над мусорным контейнером. Ее юбка спущена, трусики разорваны и свисают со сломанной лодыжки.

— Остановись! — кричит Мэлли.

Ирокез поднимает на него взгляд с чистым злом в глазах. Он напряг мускулы и смотрит на него так, будто не может поверить, что ребенок собрался тратить его время.

— Оставь ее, — говорит Мэлли.

Тело Веги превратилось в манекен.

Мужчина убирает руку с колена Веги и делает несколько шагов к Мэлли.

— Убирайся отсюда, мальчик. Не суй нос не в свое дело.

— Я не уйду без нее, — отвечает Мэлли. — И, кстати, копы уже едут.

Мужчина смеется, а затем передразнивает Мэлли.

— У-у-у! Копы едут! Копы едут!

— Они уже в пути, — сообщает Мэлли. — Владелица магазина вызвала их пять минут назад.

— Ты думаешь, меня еб*т, что эти свиньи едут?

Он харкает и плюет на замусоренную землю.

— Ты думаешь, свиньям есть дело, что мы делаем с еб*ными ботами?

Мэлли с усилием сглатывает.

В последнее время у полиции было немало проблем с имиджем, так как человеческие копы дурно обращались с новыми рекрутами-роботами.

«Этого следовало ожидать, — так сказал министр обороны, — *мы предполагали, что возникнет некоторое сопротивление. Проблемы начального периода. Сложности адаптации».*

Проблемы начального периода. Скажите это рекруту, которому отрезал голову ленточной пилой его напарник.

— Это незаконно, то, что вы делаете. Она…

Он ненавидит эти слова, но они правда.

— Она собственность правительства.

Мэлли сглатывает поднимающуюся в горле желчь.

— Робот седьмого поколения. Вы в-вредите собственности

правительства. И есть видео доказательство, как вы это делаете.

Ирокез возвращается к Веге сальной походкой альфа-самца, готового утвердить свою силу. На его скальпе тату со свастикой. Он возвращает руку на ее колено, начинает поднимать ее по внутренней части бедра, которое Мэлли так хорошо знает. Вега содрогается всем телом. Воздух густой, зловонный; Мэлли чувствует, как задыхается от дымки и нервов.

Мужчина расстегивает ширинку. Берет Вегу за икры и притягивает ее тело к себе.

— Готова для меня, робошлюха?

Он бьет ее по вмятой щеке.

— Я буду трахать тебя до крови.

Что-то внутри Мэлли взрывается. Свежий адреналин приливает к сердцу и устремляется в каждую клетку его тела. Что с этими придурками? Что заставляет этих еб*ных ненормальных ублюдков портить своим ядом красоту? Зачем им нужно осквернять и калечить? Ярость переполняет его тело, заставляет его кости гудеть. Он снимает «Вектор» с пояса и дрожащими руками наставляет его на мужчину.

— Эй, эй, ковбой! — произносит тот, поднимая руки вверх. — Где ты это достал?

Теперь он обращает на него внимание.

«Кто теперь главный», — думает Мэлли, но затем слышится короткая серия металлических щелчков, когда мужчина наводит на Мэлли в ответ свое собственное, оружие побольше, которое достает из-за спины, по одному в каждую руку.

*Где копы? Где эти х*евы копы?*

Ирокез подходит ближе. На фоне его массивной фигуры, Мэлли ощущает себя маленьким, слабым, вернувшимся в детский кошмар, который все еще его преследует.

Тело Веги снова дергается.

Теперь он близко, всего в нескольких метрах. Какая пуля настигнет его первой? Паника лишает Мэлли последних мыслей. Он нажимает на курок, но ничего не происходит. Его мозг так же пуст, как и пистолет.

— Мне почти что тебя жаль, — произносит мужчина. — Ты даже не знаешь, как стрелять из пистолета.

Мэлли снова пытается нажать на курок. Ничего.

— Ты даже не знаешь, что из «Вектора» может стрелять только владелец, — говорит мужчина, — который, судя по тебе, очевидно, не ты.

Мэлли пытается снова, пытается заставить эту штуку стрелять, но пистолет остается упрямо безжизненным. В него врезается осознание. Конечно же, на курке стоит биометрическая

панель, сканирующая отпечатки пальцев, и никто, кроме Сета, не может из него стрелять.

— Становится все интереснее и интереснее, — произносит ирокез. — Мальчик с украденным пистолетом бегает по улицам города, чтобы защитить андроида. Я заинтригован. Почти испытываю соблазн оставить тебя в живых…

Наконец, наконец, над головой ревут сирены полицейского дрона.

— …но, к несчастью для тебя, у нас нет времени.

Он поднимает свой полуавтомат и нацеливает его на лоб Мэлли. Он поджимает губы, смотря через прицел, и оглушительный выстрел сотрясает воздух.

Глава 25

Мы больше не в безопасности

Мэлли думает, что его застрелили. Думает, что он не чувствует боли из-за шока, из-за того, что ослеплен лопающим перепонки выстрелом, который только что случился. Он опускает взгляд на свою грудь и пытается проморгаться после события, имеющего эффект разорвавшейся бомбы. Ожидает обнаружить дыру на месте, где должно быть сердце, но его дрожащие пальцы не могут нащупать рану. Если нет раны, почему он не может дышать? Полицейские сирены становятся громче. Затем он видит, что ирокез растянулся на земле, и у него отсутствует половина черепа. Мэлли не может понять, что происходит, а затем видит Вегу, которая села и держит в руке дымящийся револьвер.

— Вега!

Мэлли бросается к ней. Он словно летит по воздуху. Инстинкт побуждает его спросить, в порядке ли она, но ее лицо деформировано, а рука кажется вывихнутой. Лодыжка, определенно, сломана. Он опускает ее юбку, аккуратно снимает разорванные трусики с ее ноги и бросает их в мусорный контейнер, а затем помогает ей слезть с мусорки. Она убирает свое лучевое оружие обратно в предплечье.

— Пошли, — мягко произносит Мэлли. — Пойдем, я отведу тебя домой.

Она произносит странный звук — машинный звук, который он никогда прежде от нее не слышал. Звук, выключающегося компьютера.

— Останься со мной, — просит он и осторожно тянет ее вперед.

Вега спотыкается, пытаясь идти на своих сломанных костях. Он отведет ее домой, к Арронакс; Арро поймет, как ее починить. Они вдвоем ковыляют обратно через прачечную и кухню, а затем через магазин шаговой доступности. Владелицу магазина нигде

не видно. Вероятно, она пытается дать сигнал дрону. Эти полицейские беспилотники печально известны тем, что плохо определяют источники тепла. Пол все еще представляет собой поле боя из рассыпанных товаров.

Вега видит раскиданную еду.

— Я собирала продукты, — тут же произносит она.

Мэлли в растерянности переводит взгляд на пол. Помятые банки нута, коробка протеиновых хлопьев, лежащая вверх дном упаковка соевого йогурта, разбитая розовая банка. Зачем ей еда?

— Для твоей семьи, — отвечает она. — Что-то изменилось. Что-то происходит. Мы больше не в безопасности.

Глава 26

«Грешник, пожалуйста»

12 годами ранее. «ЛЕД», Йоханнесбург, 2036

«В этот раз они позволяют мне еще и ментально потренироваться», — думает Зак, когда обессиленный просыпается, лежа внутри «Орб». Он ощущает, как крепко затянута лента вокруг его висков; его пальцы касаются нагретого кожей металла. Кажется, это обычный штекерный кабель или, по крайней мере, новая неинвазивная беспроводная версия старого порта и шнура.

«В конце концов, они решили оставить мне мозги».

Зак гадает, как выбрать головоломку на свой вкус. Он не видит боковой панели. Может быть, потому, что еще не до конца проснулся. Этот транквилизатор был очень сильным.

Он ощущает движение в комнате, а затем сильные пальцы фиксируют его руки по обе стороны от его тела.

Щелк. Щелк.

Лента из матовой становится прозрачной, и Зак видит, что над ним нависает Бернард, кто еще это может быть, и у нее что-то в руках. Черный плоский диск. Что-то вроде «ИксДрайв».

Бернард наклоняется к нему, он ощущает ее йогуртное дыхание. Она подключает что-то к ленте, сжимающей его виски. Она потеет.

— Что… — начинает он, но Бернард засовывает ему в рот резиновый кляп.

— Заткнись, заключенный.

Воспоминания Зака мечутся, как молнии. Картинки в его голове оживают, жалят его иголками и горячими шоковыми волнами, нарастают, пока все вместе не начинают сжигать его.

Он стонет.

Сильвер, Мэлли, Сет, Кейт. Рисунок лотуса на стене. Изображение Кейт самое яркое. Не загнанной женщины с потеками туши на щеках, которую он встретил в туалете госпиталя, а реальная Кейт, поглощающая его своими глазами цвета океана, своей кожей, похожей на светящийся шелк.

«Не подведи меня», — говорит она.

«Не подведу».

«Это единственная причина твоего существования».

«Я знаю».

«Спаси ее».

Зак пытается удержать картинку в своей голове, но она сгорает, как поларoидный снимок в огне. Воспоминания вылетают из его головы в финальной вспышке ярко-белого света, а затем наступает покой и темнота. Кто-то подходит, насвистывает евангелистскую мелодию. Зак узнает песню. Слышал ее каждый день с тех пор, как он тут.

«Грешник, пожалуйста».

Бернард вынимает диск из ленты и тайком кладет его в карман.

— Все готово? — спрашивает Лавмор, входя в комнату.

— Подтверждаю.

Она тяжело дышит.

Перед взором появляется Лавмор, тот старается не встречаться с ним глазами.

— Что вы собираетесь делать? — спрашивает Зак, но из его рта вырывается лишь непонятное бормотание.

Лавмор проверяет оковы Зака, а затем щелкает переключателем сбоку от «Орб».

Молнии в его голове снова оживают, но в этот раз они похожи не на небольшие шоковые волны, а на полноценные разряды. Внутри его черепа все кипит: его мозг словно поджаривают на горячей сковороде.

Зак кричит и кусает кляп во рту. Все его тело горит.

Он чувствует, что проваливается в забвение, надвигающееся на него, как шторм, и готовое стереть каждую частичку того, кто он, что должен здесь сделать. Зак знает, что ничего не может с этим поделать.

Часть 2

Глава 27

Кровь и жестокое прошлое

— Я найду ее, — говорит Кейт.

Ее тревога и гнев переплелись вместе, неоновый желтый и зеленый. Создали потребность срочно действовать.

Кеке вытаращивает глаза.

— Ты не можешь. Там уже творится безумие. «Одеяло» не сможет долго скрывать это. Я уже получаю предупреждения по новостной ленте. Придурки начали въезжать.

— Комендантский час Сильвер уже давно наступил. Что-то не так. Я это чувствую.

Это не просто выражение. Кейт буквально ощущает тошноту, жгущую ее желудок. Она узнает это чувство: один из ее детей в опасности. В этот раз никаких сомнений. Паранойю с примесью посттравматического синдрома винить не в чем.

«Просто доверься своим инстинктам и действуй».

— Мне нужно найти ее.

— Выйдешь туда и попадешь в эпицентр полномасштабной паники.

— По крайней мере, я смогу начать поиски.

— Сильвер, — произносит Сет, — может постоять за себя.

Кейт не может поверить, что он так безразличен к происходящему.

— Ее боевые умения в играх, в которые она играет, не имеют значения в реальном мире, Сет.

— Мы оба знаем, что это неправда, — отвечает он.

Кейт вспоминает Сильвер в четыре годика с луком и стрелой с алмазным наконечником в руке в тот момент, когда молния подсветила ее волосы.

— То было другое. Она знала, кто враг. Была вооружена.

— Я лишь говорю, что если кто-то и выживет, то это она.

— Ты лишь говоришь, что мы должны бросить ее в обезумевшем городе? Ждать, что она сама вернется домой? Она не знает, что происходит! Сраный бот-официант может убить ее! Светофор может убить! Она не знает!

— Я не говорю, что мы должны бросить ее. Я говорю, что, если ситуация ухудшится, тогда путь домой займет чуть больше времени.

— Об этом я и говорю. Она никогда не опаздывала на свой комендантский час. А прошло уже на три часа!

— Ты просто ходишь кругами, — замечает Арронакс, поднимая взгляд от своего «СнэпТайл».

— О, весьма полезное замечание, — огрызается Кеке. — Мы надеемся, что не слишком докучаем тебе.

Арронакс игнорирует колючий тон Кеке.

— Я лишь говорю, что, если кто-то собирается идти на поиски, то пора прекращать стоять тут и чесать языками.

— Ты думаешь, что ей стоит пойти? — спрашивает Сет.

— Она пойдет вне зависимости от того, что я думаю. Лишь говорю, чем раньше, тем лучше.

Кейт бежит в свою комнату и хватает старый револьвер. Она не открывала секретную обувную коробку больше десяти лет, не держала в руках оружия, не додумалась пострелять из него, так что надеется, что он все еще работает. Она достает и кожаную набедренную кобуру, затвердевшую от старости и заброшенности, и надевает ее поверх джинсов. Кейт засовывает старомодный револьвер в его убежище, а затем закрывает кобуру. Сколько коробок патронов? У нее всего две. Пойдет.

— Я иду с тобой, — говорит Сет, застегивая свое худи.

Конечно же, он идет с ней. Между ними такая связь, о которой другие близнецы могут и не мечтать. Они две половинки одного человека. Всегда ими были. Объединенные кровью и жестоким прошлым.

— Я надеялась, что ты так скажешь.

Кеке вбегает в комнату, почти врезаясь в них.

— Мэлли, — говорит она. — Мэлли пропал.

Сет тянется к своему «Вектору», затем разворачивается кругом, чтобы посмотреть на стол, где он его оставил.

— И он взял мой пистолет.

Глава 28

Ото лба до затылка

«Вайт Мезzанин», 2036

Сильвер пробуждается в пугающе белой комнате с головной болью, такой же яркой, как и стены. Она трет запястья там, где были кожаные наручники. На ее белой коже нет и следа от предыдущего связывания. Она одета в накрахмаленную хлопковую рубашку, под ней нет ничего. У нее во рту сухо, сухо, сухо, а ее голову колотит боль от наркоза. Сильвер слезает с носилок на колесах и находит длинное зеркало на пустой стене. Она снимает мятное платье и изучает свое тело. Все ее волосы на месте, кроме полосы, которую пробрили от ее лба до затылка. Все остальное кажется невредимым, ее лицо ясное и чистое без привычно нанесенной пудры и смоки на глазах. Она проводит руками по своей коже цвета слоновой кости: по своему, покрывшемуся мурашками, животу, костлявым плечам, скрытой татуировке. Перебирает пальцами по ребрам. Когда она стала такой тощей?

Сильвер вздыхает, затем тянется, чтобы аккуратно ощупать рану, которая, как она знает, находится на затылке. Когда она находит ее, резко отдергивает руку, дотронувшись до чего-то сморщенного. Она догадывается, что это тромбоцитарный пластырь, почти что растворившийся.

В комнате стоит простой шкаф, замаскированный белым на белом. Внутри находится одежда и ее газовая маска, выглядящие грязными на фоне белых стен. Она одевается, обретая комфорт от знакомой ткани. Ее «косточка» отсутствует. Она не помнит, чтобы когда-либо была не в сети так долго. Как долго она пробыла без сознания? Ей становится дурно, когда она думает о том, как должно быть беспокоится Кейт. Хочет, чтобы был способ как-то дать ее матери знать, что она в порядке.

С пульсирующей болью в голове, она снова осматривает себя в зеркале. Она в порядке?

Глава 29
Пудра и мускус

Квартира Сета, Йоханнесбург, 2036

Кейт с Сетом обнимаются на тротуаре снаружи их жилого здания. Полночный воздух влажен: от него ее глаза слезятся, и она задыхается. Или, может быть, это все нервы: может быть, электросмог не имеет к этому отношения.

— Берегите себя, — говорит он, глядя ей в глаза, а затем в глаза Кеке, словно запоминает их.

— Не говори так, — голос Кеке переполнен эмоциями. — Как будто мы видимся в последний раз.

Он поводит плечами. Микропожатие плеч.

Они наблюдают, как Сет запрыгивает на солар-трамвай, едущий на запад к хостелу Веги. Они берут трамвай, едущий на восток, и Кейт произносит быструю молитву в ночное небо.

«Пожалуйста, пусть Сильвер будет в безопасности в "Атриуме"».

Конечно же, она не в «Атриуме». Она не дома… где еще она может быть?

Реклама в дополненной реальности, настроенная под их индивидуальные коды, заполоняет их зрение, пока они едут. Кейт на прошлой неделе купила «Блант Краффинс» марки «БЕЙКИД»; теперь они призывают ее попробовать их новые «Хэш Браунис». Атлетический клуб хочет, чтобы она проапгрейдила свои беговые леггинсы «кулпэтчиз»; может быть, в следующий раз это побудит ее снова заняться спортом, так как ее последняя пробежка была двести сорок девять дней назад. В раздражении она смахивает рекламу прочь. Смаргивает жжение в глазах, пытается

сконцентрироваться. Лицо Кеке за маской тоже мрачное. Какие продукты рекламируют ей? Определенно, что-то круче, чем беговые леггинсы. Или, может быть, она полностью игнорирует рекламу. Может быть, она думает о Марко, скучает по нему. Гадает, увидит ли его снова.

Они добираются до «Атриум». Викторианское здание ярко освещено на фоне чернильного неба. Построенное полностью из старого стекла, обрамленного свинцом, здание оснащено внутренними источниками света, от которого все здание светится. Давно укоренившиеся растения поднимаются по бокам и заползают в окна, встречаясь с листьями растений внутри, желающими сбежать. Некоторые из стеклянных панелей треснули или отсутствуют, некоторые помутнели от старости. Когда «Нэнси» постановили, что все здания должны быть изготовлены, по крайней мере, на 20 % из живого органического вещества, большинство корпораций добавили карманы для растений по бокам зданий и разбили сады на крыше. Травы и растения. «Атриум» позволяет своему саду дико разрастаться внутрь здания, чтобы снаружи оно выглядело так, будто растения пытаются его поглотить.

Кейт с Кеке без звонка входят в здание, не предупреждая о своем приходе. Тут нет ни охранников, ни вращающихся камер, чтобы наблюдать за ними со стороны. Кейт не знает, почему. Конечно же, у них нет иммунитета от наркош из «Белого лобстера», ищущих чем бы поживиться?

Конечно же, она бывала здесь прежде. Приводила сюда Сильвер на вечеринки с погружением, когда та была младше. Сначала, сеанс в год, потом десять, а затем вдруг Сильвер не смогла пропустить и дня, не изнывая. Кейт не знает, когда или как все вышло из-под контроля. Хотела бы она предотвратить это до того, как погружения стали смыслом жизни ее дочери. Это не было проблемой до того, как оно стало, ну, проблемой, а к тому времени стало уже слишком поздно. Она проходит мимо группы, подключенных детей, катающихся на лыжах на горе. Среда погружения проецируется над участниками в интересах галереи.

«Это хорошее упражнение, — говорит Сильвер, — *полностью интерактивное. Я приобретаю навыки. Тренируюсь. Решаю проблемы. Защищаю себя. Создаю миры. В этом есть искусство и творение; я не наркоманка».*

И это верно, но игра забрала у нее ее маленькую девочку. Сколько других родителей оказываются на этом скользком пути, думает она, проходя мимо зоны для опекунов, где родители пьют кофейные шоты, одним глазом присматривая за экраном, параллельно занимаясь своими делами. У скольких из этих

родителей была милая, сильная, любящая дочь (или сын), а теперь они видят лишь оболочку этого ребенка? Фотографическая память Кейт означает, что у нее нет недостатка в воспоминаниях о той маленькой девочке, которая ползала по полу со своим светящимся в темноте кроликом. Сердце Кейт болит от чувства потери.

Похоже, никто сильно не обеспокоен неисправностью ИИ. В целом, все говорят приглушенными голосами, ощущается, что игроки, не зависимо от того, играют вместе или одни, социально объединены друг с другом. Они клан. Кейт с Кеке прокладывают путь мимо группы, играющей в симуляцию скуба-дайвинга. В этот раз, состоящую из взрослых. Они занимаются этим либо, чтобы получить навыки реальных погружений, либо потому, что им нравится играть и в то же время находиться в здании в центре города и не париться насчет тяжелого оборудования, морской болезни, опасных течений или кессонной болезни. Мимо них проплывает китовая акула, и они все заторможенно шепчут: — О-о-о.

«Это не по-настоящему», — говорила Кейт Сильвер, на что Сильвер хмыкнула и закатила глаза.

«Такое же реальное, как и все это», — сказала ее дочь и обвела рукой квартиру с искусственным закатом, инвизи-экраном и сэндвичами с искусственной ветчиной.

«Она права», — подхватил с дивана Сет с Боунчейсер, храпящей у него на коленях.

«Тогда что НАСТОЯЩЕЕ?» — спросила Сильвер.

Мэлли, заинтересовавшись, поднял взгляд от своего «Тайла» из гибкого стекла.

У Кейт не было ответа.

***

Кейт с Кеке добрались до лестницы — лифт не работал тогда, когда Кейт впервые приехала сюда, пять лет назад — и поднялись на второй этаж. Второй уровень предназначен для развлекательных игр: вечеринок, тренировок, тимбилдинга, а третий — для любителей харда. Подвал, ну, это единственное место, куда ограничен доступ, так что кто знает? Строго 21+, и вы должны знать кого-то, кто знает как подать заявку, как в каком-нибудь тайном андеграундном ночном клубе свингеров. Кейт не знала, с чего начать, чтобы получить право на вход, хотя она была уверена, что Кеке, с ее то связями, залетит туда, как ветерок.

— Что в подвале?

На ум приходит Энди Уорхол «Студия 54», но в стиле футуризма. Алкогольные коктейли с анашей, теневые шоты с кокаином, девиантный секс с ботами.

Кеке пожимает плечами.

— Никогда там не была.

— А ты как думаешь? Судя по слухам?

— Хардкорный трах с ботами, V–XXX-R. Кинковое дерьмо. Я хочу сказать, там должен быть ненормальный секс, так? Или зачем туда ходить *(прим.: можно перевести как «Зачем здесь кончать?»)*? Извини за каламбур, — шутит Кейт.

Кеке принимается дико хохотать, и люди поворачиваются, чтобы на нее посмотреть.

— Куда ни посмотри, везде открывается новый порнхаб в нейрореальности.

— «Планета взрослых», — отвечает Кейт. — Каждый раз, как я вижу мерцающий розовый логотип, вспоминаю о старинных мультиках. Розовая анимированная планета. На вкус, как те старые пакеты со сладостями и сюрпризом. Пудра и мускус. Совершенно не сочетается.

— Ну-ка, ну-ка… — начинает Кеке, глядя на Кейт с интересом, — почему это «Планета взрослых» нацелила на тебя свою рекламу?

Щеки Кейт вспыхивают.

— Не знаю, — бормочет она. — Должно быть, их алгоритмы сбоят.

Кеке смотрит на нее.

— Ага.

Она прочищает горло.

— Кейт Ловелл, ты же не занимаешься сексом, нет? Я-то думала, что ты поклялась больше никогда им не заниматься.

Кейт краснеет еще сильнее. Почему, она не знает. Ей почти сорок лет, Сети ради.

— Не понимай все неправильно, — просит Кеке. — Ха! Трахаешься! Хитрая сучка. С кем? Как? Колись.

Но даже если Кейт хотела бы ответить на вопрос — а она не хочет — они не укладываются во время. Они добрались до консоли, к которой всегда подключается Сильвер, но ее капсула пуста.

Глава 30

Кладбищенские деревья

12 годами ранее. Йоханнесбург, 2024

Когда Зак открывает замутненные глаза, он видит человеческую фигуру, сидящую напротив него. Они в автомобиле.

Мужчина прищуривается, глядя на фигуру, пытается понять, кто это. Его укачивают движения фургона, и он ощущает странное умиротворение. Гложущее ощущение, не покидавшее его никогда, исчезло. Он должен сделать что-то очень важное, но теперь оно сгладилось из памяти, осталось лишь холодное облегчение.

На самом деле, он не помнит ничего, больше ничего. У него есть смутные воспоминания о жизни до ареста, но все это кажется таким далеким.

Он знает, что его зовут Заключенный, и что фигура напротив него — его надзирательница Бернард. Она не обращает внимания на его пробуждение, но все равно не отводит взгляда. Он знает, что Бернард ему не нравится.

В какую Крим-колонию они его везут? Лавмор сказал ему, что программа космических шахтеров самая опасная, но за нее и платят больше всего, и что тянущиеся до небес вертикальные фермы — один из самых простых вариантов: эти аэропонные культуры в основном заботятся о себе сами. Может быть, они отправят его на кухню или в прачечную. Может быть, ему придется чистить туалеты за другими преступниками. Или ему достанется тяжелый ручной труд — вероятно, его он и получит — прокладывание путей для первого этапа запуска новой умной «гиперпетли».

Фургон замедляется и поворачивает за угол. Окна затонированы наглухо. Зак пытается пошевелиться, устроиться поудобнее, но, когда опускает взгляд, видит, что его привязали к какому-то креслу на колесах.

— Куда мы едем? — спрашивает он надзирательницу. — Сколько еще ехать?

Она не отвечает. Можно было бы подумать, что она не знает о его существовании, если бы не ее взгляд, напоминающий холодную сталь.

Они едут не спеша, на скорости экстраосторожного такси или человеческого водителя, который просто катается по городу, затем останавливаются и паркуются. На секунду в нем вспыхивает паранойя: они вообще повезут его в исправительную колонию? Или просто остановятся на заброшенной дороге и всадят ему пулю в голову? Скажут рабочей группе, которую наймут для расследования, что он пытался сбежать, какой выбор у них был? В конце концов, они не могли позволить серийному убийце сбежать.

Открываются задние дверцы фургона, и автоматически на землю спускается рампа. Бернард бьет ногами по тормозам на инвалидном кресле Зака и толкает его вперед. С собой у нее небольшой черный саквояж. Свежая синева неба почти ослепляет.

Он задирает голову и наслаждается ощущением солнца на своей коже.

— Наслаждаешься?

Бернард нависает над ним своей тенью.

Зак приоткрывает один глаз, чтобы посмотреть на нее. Она не позволит ему это единственное мгновение счастья?

— Что ж, кайфуй, пока можешь, заключенный…

«Я бы и кайфовал, если бы не ты».

— Потому что это последние лучи солнца, которые ты видишь.

Бернард грубо толкает кресло Зака, разворачивая его от вида на кладбищенские деревья — высокие, ароматные сосны — лицом к главному зданию.

Зак ожидает увидеть какое-нибудь уродливое государственное учреждение — практичный бетон и щебень и очень мало воображения, но от архитектуры у него перехватывает дух. Тут, по меньшей мере, двенадцать этажей, здание построено из какого-то глянцевого белого материала. Его очертания неправильны — похожи на осколок, торчащий из земли, но здание составлено из сотен гексагонов. Оно выглядит, как гигантский кусок блестящей белой соты. Территория покрыта пышной свежестриженной зеленой травой, многолетние растения цветут, богатые лепестками и семенами, а за «осколком» находится густой лес.

Зак растерян. Снаружи нет никакого фирменного оформления, никакой вывески государственного учреждения. Теперь, когда он об этом думает, до него доходит, что вокруг этого места нет даже забора. Что это за Крим-колония? Бернард заталкивает его по рампе к входу. Она неровно дышит из-за гнева и потуги. Стеклянные двери разъезжаются в стороны, приветствуя их, и дружелюбный охранник здоровается с ними, словно они обычные дневные посетители, а не осужденный, привязанный к тюремного креслу на колесах, и запыхавшаяся круглощекая надзирательница.

— Мы вас ждали, — говорит милый регистратор, тепло улыбаясь. — Добро пожаловать в «СкайРест».

Глава 31
Чистейший из людей

12 лет спустя. Квартира Сета, Йоханнесбург, 2036

Мэлли с Вегой наконец добираются до дома Сета. В темном городском воздухе разлилось ощущение, которого здесь не было час назад: медленное и коварное, будто произошла незаметная утечка газа и, чтобы взорвать все к чертям нужна лишь одна

случайная искра. Может быть, все дело лишь в них, во взглядах, которые они привлекают. Вега в очень плохой форме.

Когда они пересекают дорогу, чтобы добраться до квартиры, такси набирает скорость, словно хочет сбить их. Мэлли отскакивает с Вегой в сторону на твердый тротуар, едва минуя такси. Боль прожигает дыру в его бедре. Его рана снова открылась, штаны окрашены кровью, как старой, так и новой.

Он встает, помогает Веге снова подняться, закидывает ее руку себе на плечо. Парень знает, что ему полагается сообщить о неисправном такси, но сейчас его снова трясет, и он просто хочет добраться до дома и позаботиться о своей любимой. Наконец, они заходят внутрь, и он с облегчением вздыхает, когда ощущает прохладный, кондиционированный воздух на своей коже. Лестница ждет.

— Почти добрались, — говорит Мэлли, скорее для себя, чем для Веги.

***

Дома только Арронакс.

— Мэлли! — восклицает она. — Где, черт побери, ты был?

Но замечает Вегу и все понимает.

— Ты отправился выручать ее?

Она снова начинает плакать.

Мэлли кладет «Вектор» Сета на кухонный стол.

— Не переживай, Арро, теперь мы в безопасности.

Парень не уверен, почему Арронакс плачет.

— В безопасности? — с сомнением спрашивает она. — Я должна сообщить твоим родителям, что ты дома.

Она вытирает слезы рукавами с пришитыми ракушками, шмыгает носом и пытается успокоиться. Она трижды пытается послать «бим» каждому из них, но на линии занято.

— Коммуникационная станция, должно быть, отключена. Попробуем снова позже. А пока, — говорит она Веге, — посмотрим, сможем ли мы тебя починить.

— Я это очень ценю, — отвечает Вега.

Арронакс вздрагивает при виде раздавленного лица андроида. Аккуратно берет ее за руку и усаживает на каминное кресло. Затем берет свою сумку с инструментами и придвигает стул, чтобы изучить повреждения.

Мэлли хочет спросить, больно ли ей, но понимает, что это глупый вопрос. На нее было совершено злобное нападение, ее унизили, пытались повторно изнасиловать. Конечно же, ей, бл*ть, больно.

Арронакс приступает к работе. Сначала она исправляет лодыжку, чтобы Вега снова могла ходить. Она, как умелый хирург, управляется с плоскогубцами и паяльником. В комнате пахнет жженой резиной и битумом. Металлом, процарапавшим другой металл. Автомобильной аварией. Арронакс переходит к поврежденной руке Веги, ее вывихнутой ладони.

— Сейчас зрелище будет не для слабонервных, — сообщает она Мэлли. — Может, пойдешь и приготовишь себе напиток или еще что?

— Нет, — отвечает Мэлли. — Я не хочу оставлять ее.

Всего час назад Вега заботилась о его ранах. Он держит ее за здоровую руку.

Арронакс вздыхает и кивает.

Она снимает половину лица Веги. Штампованный силикон уступает место титановому черепу — блестящему за исключением поврежденной скулы, похожей на смятую фольгу. Арронакс восстанавливает первоначальную форму конструкции и снова накладывает силикон, запечатывает все яркими всполохами фиолетового света.

— Вот, — произносит Арронакс, поправляя блестящие длинные волосы Веги рядом со швом. — Как новенькая.

Она сглатывает ком в горле.

Вега улыбается.

— Спасибо вам.

Конечно же, не как новенькая, и Мэлли чувствует укол печали каждый раз, как смотрит на лицо Веги. Определенно, оно выглядит лучше, чем прежде.

— Спасибо, — говорит Мэлли Арронакс, его глаза блестят из-за благодарности и сожаления.

— Кстати, чем вы там занимались?

— Я пошла купить кое-что, — отвечает Вега.

— Что купить? Ты почти на сто процентов упакована, согласно твоему счетчику. Что тебе понадобилось?

— Она пошла за продуктами, — отвечает Мэлли. — Для нас.

Перед его взором снова вспыхивает пол магазина, усыпанный разбитым стеклом и едой. Владелица магазина обнимает себя руками и тарахтит что-то на сян.

Арронакс умолкает, выглядя обеспокоенной.

— Этого нет в твоем протоколе.

— Я очень люблю Мэлли, — говорит она, — а ему, чтобы жить, нужна пища. Там снаружи что-то происходит. Я знала, что для семьи Мэлли будет небезопасно отправляться за едой самим. Семья Мэлли важна для него. Будет лучше, если они останутся живы.

Арронакс трясет головой и вздрагивает, ее волосы принимают темный оттенок фиолетового. Она убирает инструменты.

— Ладно, детки. Я снова попытаюсь связаться с Сетом. Обещаете, что останетесь здесь? Будете держаться подальше от неприятностей?

Как только Арронакс возвращается к своему импровизированному столу, Мэлли снова берет Вегу за руку. Он хочет сказать что-нибудь любящее и глубокое, но не может ничего придумать.

Все, что ему удается произнести: «Я люблю тебя».

— Знаю, — отвечает Вега.

— Если ты тоже меня любишь, то можешь сказать то же самое в ответ.

— Хорошо, — соглашается Вега.

— Я люблю тебя, — снова говорит он.

— Знаю, — отвечает Вега.

Мэлли смеется, гладит ее стертую кожу.

— Ты спас мне жизнь, — говорит она.

— Неправда.

— Ты спас мне жизнь. Меня бы здесь не было, если бы не ты. Я оказалась бы в мусорном контейнере. Ты знаешь, что это правда.

— Но…

— Моя жизнь твоя.

— Нет.

— Моя жизнь теперь твоя, и ты знаешь, что? Я этому рада.

— Почему?

— Потому что ты чистейший из людей.

— Странное выражение.

— У тебя самое чистое сердце во всем городе, — говорит Вега.

— Опять же, странное выражение. Но спасибо.

— Это правда. Я это вижу.

Они смотрят друг другу в глаза.

— Что еще ты видишь? — спрашивает Мэлли.

— Хотела бы я тебе сказать.

— Так скажи.

— Не могу. Это трахнет твой мозг.

Мэлли смеется. Он пытался научить Вегу ругаться, но ее код этому препятствует и путает слова.

— Ты хочешь сказать «у меня будет взрыв мозга»? — смеется он.

— Взрыв мозга, — произносит она. — Взрыв мозга.

Словно она ребенок, заучивающий новое слово.

— Это вынесет тебе мозг, — говорит она.

В этот раз он ее не поправляет, просто вздыхает и отворачивается.

— Твой рейтинг счастья низок, — произносит Вега. — Мне приготовить тебе блинчиков?

Он думает о том ирокезе и как тот ударил Вегу со всей силы. Думает о ее теле, распростертом на мусоре. Забудет ли он когда-нибудь эти образы? А она?

— Вега. Мне нужно, чтобы ты помогла мне понять кое-что.

— Конечно. Что?

Мэлли с трудом подбирает слова, опускает взгляд, сжимает и разжимает руки, все еще чумазые после улицы.

— Когда на тебя… когда на тебя… когда на тебя напал. Тот мужчина.

Вега смотрит на него ясными глазами.

— У тебя был револьвер… твой лучевой пистолет… все это время. Почему ты не защищалась?

— Защиты себя нет в моем протоколе, — отвечает она.

— Тебе не разрешено защищаться?

— Не от людей. Человеческая жизнь намного ценнее, чем жизнь робосапиенса.

Мэлли морщится.

— Но опять же, потом ты выстрелила в него.

— Потому что он хотел тебя убить.

Глава 32
Проклятый белый

«Вайт Меззанин», 2036

— Отпустите меня! — кричит Сильвер, держась за свою больную голову. — Выпустите меня отсюда!

Она стучит по стенам, пинает мебель. Пытается разбить стекло в крошечном квадратном окне в ее комнате, но это усиленное гибкое стекло, и она знает, что его не разбить. Она мечется, опрокидывает тарелку с едой, которая волшебным образом появляется каждый раз, как она просыпается, переворачивает металлическую тележку, бьет кулаками носилки.

Архитектура ее тюрьмы бесит. Дверь в ее комнату остается незапертой, но снаружи лишь коридор со стенами, такими же белыми, как и ее больничная палата. Если она идет по коридору, ее заставляют повернуть направо четыре раза, а затем, конечно же, она снова оказывается у двери. Белая мембрана, удерживающая ее, тонкая и эластичная, как биолатекс, но изнутри ее не разорвать. Это все равно, что быть пойманной в

белый мягкий шарик.

Сильвер не может понять, уникальная ли это в своем роде пытка или головоломка. Конечно же, загадка должна иметь какое-то решение? Но это место просто день сурка из выбеленной резины.

Кто-то держит ее в заложниках? Или она умрет в этой мрачной бывшей скотобойне, а это какое-то жалкое подобие Средиземья? Какое-то лимбо? Как давно она здесь? Это могут быть часы или дни. Каждый раз, как она просыпается, снова оказывается в своей накрахмаленной хлопковой рубашке, помытая и приятно пахнущая.

Девушка перестает истерить и садится на пол, привалившись к одной из проклятых белых стен, подтаскивает колени к груди, обнимает их, пытается успокоиться. Ее пропускная способность не справляется ни с чем, кроме искреннего желания, чтобы взрывная боль в ее голове прекратилась, которая по ее шкале Рихтера набирает крепкие восемь баллов из десяти. Синие болеутоляющие таблетки снова здесь на фарфором блюдце персикового цвета. Она ползет к таблеткам, берет их в руку. Регулятор громкости боли в мозгу поднимается, и ей кажется, что, если станет хуже, она не выживет. Уже такое чувство, что сигналы в мозгу путаются. Неохотно, она кладет таблетки обратно на блюдце.

Еда лежит рассыпанной по полу: прозрачные кубики питательного желе. Она скучает по матери с такой острой печалью, какой давно не испытывала. Скучает по Сету. Мэлли. Лишь только был бы способ связаться с ними, дать им знать, где она. Но как она это сделает? Она без понятия. Может быть, Кейт пройдет по следам Сильвер, выяснит что-нибудь.

Ее взгляд останавливается на ее ботинках, которые в этот раз она не удосужилась надеть, а затем перемещается вверх к ее куртке, висящей на одинокой вешалке цвета слоновой кости. Задняя часть куртки имеет металлический корсет. Стальные кости и пять элегантных дротиков из меди. Сильвер встает и снимает куртку с вешалки, начинает разрывать шов.

Из инструментов у нее только зубы и короткие ногти, так что у нее уходит два часа на то, чтобы вытащить первый кусок металла. Перед ее глазами пляшут звезды, когда головная боль достигает девяти баллов из десяти. Она начинает отсоединять следующий фрагмент.

Глава 33
Может быть, это будущее

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Регистратор в «СкайРест» берет свой «Тайл» и выходит из-за

гладкой стойки регистрации, за столом ее сразу же заменяет почти идентичная женщина. Та же накрахмаленная снежная форма, серовато-зеленый шелковый шарф, бордовая помада, безупречная укладка. Та же механическая улыбка.

— Я увезу отсюда мистера Гердлера, — говорит женщина.

«Гердлера?» — думает Зак. Он думал, что его зовут Заключенный.

Помещение похоже на пещеру, ярко освещенное, все выглядит новым и дорогим. Бернард с плотно сжатыми кулаками не отпускает его инвалидную коляску.

— Вы не получили документы на трансфер? — спрашивает она.

Регистратор выглядит растерянной.

— Да, получили. Мы все устроили к приему мистера Гердлера. Все в порядке.

— Я говорю не о его приемных документах. Я говорю о документах на перевод.

Бернард поднимает свою черную сумку.

— Нет, — произносит Зак.

«Нет, пожалуйста, нет».

— Заткнись, заключенный, — приказывает она ему сквозь сжатые зубы цвета чая.

Идеальный лоб регистратора чуть морщится.

«V-tox», — догадывается Зак, предположив, что моделирование лица — часть униформы. Она оглядывается назад на нового регистратора за стойкой, которая смахивает «лист» и кивает.

— Приношу извинения, — говорит она, ее лицо снова гладкое. — Я была не в курсе.

На ее именном бейдже написано «Гаэлин».

Бернард вытирает потную руку о бедра.

— Скоро кто-нибудь придет, чтобы сопроводить вас в ваши новые комнаты для персонала, — говорит она Бернард.

— Сейчас я не собираюсь идти в свои комнаты.

— Но…

— Я останусь с заключенным.

— В этом нет необходимости…

— Я сама дам вам знать, в чем есть необходимость, а в чем — нет, — рычит надзирательница. — Вы его не знаете, вам ясно? Не знаете, на что он способен.

Регистратор бросает взгляд на Зака и поправляет свой шарф. Она дружелюбно пожимает плечами.

— Он может ходить?

— Конечно же, я могу ходить.

— Мы привязали его к креслу для перевозки.

— Вы можете… развязать его?

Бернард не отвечает. Вместо этого, она смотрит в направлении Гаэлин, пока развязывает Зака с большей силой, чем необходимо. Теперь он может встать и ходить, но на нем все еще умные наручники.

Еще одна женщина в той же форме (снег, серо-зеленый, бордовый) появляется из ниоткуда и увозит из здания уродливое кресло.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — произносит Гаэлин и цокает прочь в своих туфлях с острыми серебристыми шпильками.

Они шагают на быструю линию, что немалый подвиг для того, кто на таких высоких каблуках, как она. Он чувствует, что ему нравится Гаэлин. Конечно же, он ее совсем не знает, но она просто так отличается — на самом деле, полярная противоположность — Бернард. Аккуратная, тонкая фигурка, красиво уложенные волосы и идеальный макияж. Он не помнит, когда в последний раз кто-то был так добр к нему; он жаждет больше внимания ее ясных глаз.

Спрыгивают с линии и идут к лифту. Когда они заходят в лифт, и дверь закрывается, Зак подает голос.

— Вы очень добры к людям.

Бернард вздыхает.

— Спасибо! — отвечает Гаэлин.

— Вы помогаете людям почувствовать себя уютно.

— Это все наш рейтинг теплоты, — отвечает Гаэлин и выбирает этаж на своем «Тайле».

— Простите? — ядовито спрашивает надзирательница.

Лифт начинает подъем.

— Наш рейтинг теплоты. Всех потенциальных сотрудников оценивают в соответствии с определенными качествами. Выставленные баллы показывают, какая работа подходит нам лучше всего. Есть сотня категорий. Я набрала больше всего баллов в секции теплоты. Это сочетание жизнерадостности и эмпатии. Эмоциональный ум.

— Ясно, — произносит Зак, а на заднем фоне Бернард закатывает глаза.

Так приятно поговорить с кем-то относительно нормальным после времени проведенного в колонии «ЛЕД». А теперь он по-новому оценит ее степфордовскую наружность и будет ценить ее за то, в чем она хороша. Ты должна, в конце концов, иметь какой-то огромный талант, чтобы преступники чувствовали себя, как дома, в исправительной колонии.

Лифт ползет все выше и выше, и, когда они достигают верха, Зак испытывает облегчение, видя, что они все еще в Йоханнесбурге. Вдалеке он видит башню «Понте», наиболее известную по количеству жителей, которые вылетели навстречу смерти из ее разноцветных окон.

Когда они достигают верхнего этажа, металлические двери со звоном открываются. Интерьер, как и следовало ожидать, отражает дизайн экстерьера: брутальный минимализм и пустота. Похож на эксклюзивный VIP лаунж. Зак направляется к выходу из лифта, но Гаэлин его удерживает.

— Мы не будет выходить из лифта в этой части экскурсии.

Двери закрываются, они опускаются на несколько этажей, двери снова открываются.

Теперь это офис с открытой планировкой, где молодые люди работают из капсул. Капсулы с голографическим дизайном летают по помещению с нарисованными на ними скетчами и набросками идей. Похоже на мозговой штурм.

— Мы любим показывать новичкам все здание, чтобы у вас было целостное представление о том, что здесь происходит. Чтобы вы знали, как вы можете вырасти в компании, если посвятите себя усердной работе.

Бернард фыркает, но у Гаэлин достаточно манер, чтобы ее проигнорировать.

Несколькими этажами ниже, огромная комната полнится шумом из-за людей, говорящих по маленьким микрофонам, прикрепленным у их рта.

— Колл-центр.

Есть еще умная столовая, где можно насвайпать себе обед прямо из меню, спортзал, игровой центр и капсулы для сна. Зак надеется начать карабкаться по карьерной лестнице. Он никогда не слышал о такой Крим-колонии, но может быть это будущее? Может быть, правительство осознало, что они наилучшим образом смогут использовать преступников, если будут обращаться с ними хорошо. Это может быть прототипом будущих исправительных учреждений. Только посмотрите на всех этих счастливых, продуктивных рабочих! Это сильно отличается от автоматонов в серой униформе, которых он смутно помнит, что видел в том, что ощущается, как прошлая жизнь. Все эти люди, эти молодые, энергичные люди… преступники? Не похоже. Зак рассматривает Гаэлин. Она осужденная? Однозначно нет. Так как тут все работает?

Она замечает, что он смотрит на нее, и улыбается. Лифт скользит ниже, пока они не достигают первого этажа. Зак думает, что сейчас они выйдут, но Гаэлин снова его удерживает. Ему

нравится ощущать ее руку на своей груди.

— Вы начнете не отсюда, — говорит она.

Бернард ухмыляется.

Лифт опускается ниже первого этажа, все ниже, ниже, ниже. Пока у Зака не складывается ощущение, что они оказались в недрах земли. Воздух становится густым, а единственный свет исходит от светодиодных ламп на потолке лифта, отчего лица обеих женщин превращаются в пугающие белые маски.

Звенит лифт, и двери открываются в последний раз.

Гаэлин делает шаг в темноту и улыбается.

— Вот откуда вы начнете.

Они идут по темному коридору глубоко под землей. Светодиодные лампы со встроенными датчиками движения загораются, чтобы осветить им путь. Стены выложены из камня и тут пахнет чем-то странным — что это? Сырость? Плесень? Старое моющее средство для прачечной? Зак ощущает на себе вес земли.

Я должен был знать. Я должен был знать, что не буду работать там наверху на солнечном свете.

Стаккато каблуков Гаэлин служит своеобразным саундтреком для его мрачных мыслей.

Они достигают массивной стальной двери. Гаэлин вставляет вафельный ключ и, не мигая, смотрит на сканер сетчатки глаза. Раздается короткий звуковой сигнал, и дверь отпирается. Заку становится очевидно, почему система безопасности снаружи здания «СкайРест» не на уровне. Они держат всех преступников прямо здесь в этой громадной подземной тюрьме без возможности сбежать. Его голову сдавливает клаустрофобия.

Как только они минуют стальную дверь, Гаэлин снимает свои туфли и жестом показывает им сделать то же самое. Ботинки Бернард больше его обуви. Они идут в Резиденцию: прилично выглядящие комнаты отдыха, удобное расположение. Убранный кафетерий, воняющий всего чуть-чуть. Тут даже есть стол для пинг-понга и винтажный автомат-проигрыватель в углу. Воздухоочиститель постоянно выбрасывает поток увлажненного воздуха. С большой натяжкой это можно назвать приятным местом, но оно лучше, чем Зак ожидал увидеть после того, как шел по тому подземному коридору. Это тоже сделано с определенной целью?

— Где все?

— Они работают. Мы здесь следим за соблюдением строгой рабочей этики.

«Уверен, что так».

Она впивается в него взглядом своих ясных глаз.

— Не доставляйте никому проблем.

Гаэлин открывает раздвижную дверь в его комнату. Тут вполне могло оказаться что-то вроде грязной, переполненной южноафриканской тюрьмы во времена до крим колоний, где ты рискуешь оказаться зарезанным за треснувшую пластиковую тарелку с супом. Здесь на виду нет никаких решеток, а сам интерьер выполнен в азиатском стиле: татами на полу, минимализм, чистота. Идеальный куб сложенной одежды в углу матраса.

Девушка просит Бернард снять с Зака наручники, и та снимает. Затем она берет руки Зака в свои, и не успевает он понять, как на нем уже защелкивается единственный отполированный черный браслет на левом запястье. Тот издает звуковой сигнал.

— Так удобнее?

Он проводит пальцем по гладкой поверхности браслета и кивает.

— Льюис? — зовет Гаэлин кого-то в коридоре.

Слышится приглушенный шум, когда кто-то перемещается по соседней комнате, затем они слышат, как дверь скользит в сторону. Решительным шагом входит человек, которого можно описать только как старого хипстерского «Ангела из ада»: семидесяти лет с чем-то с идеально стриженой серой бородой и соответствующими волосами, кожей цвета капучино и телом, которое много десятков лет видело по сто подтягиваний в день, и огромным, замысловатым тату, змеей выползающим из-под его потертого жилета, вниз по его размеченным венами рукам и вверх по его шее. Жесткая чешуя и опасность в глазах. Дракон. Он поднимает подбородок, здороваясь с Заком.

— Мистер Гердлер, Льюис один из наших самых опытных резидентов. Если у вас есть вопросы, задавайте ему. Он поможет вам осмотреться.

Льюис кивает.

— С вами все будет в порядке, Зак, — говорит Гаэлин.

Зак?

«Это мое имя? Да, оно ощущается правильным. Зак».

— Хорошо! — восклицает Гаэлин, прижимая свой «Тайл» к груди. — Моя работа здесь окончена.

Зак хочет сказать: «Не оставляй меня здесь». На секунду, психологически, он превратился в ребенка, цепляющегося за материнскую юбку и уткнувшегося головой в ее твердые голени. Не оставляй меня здесь. Он не шевелится, лишь наблюдает, как она поворачивается и уходит от него. Единственное доброе лицо, которое он видел за много месяцев. Не оставляй меня здесь. Что эти люди сделали с ним? Он заставляет себя забыть об

удаляющейся фигуре регистратора и посмотреть Льюису прямо в глаза.

— Откуда начнем?

Глава 34
Карта в никуда

12 лет спустя. «Вайт Меззанин», 2036

Как только Сильвер удается отсоединить два медных предмета, она использует конец одного, чтобы заточить второй. Он уже хорошей формы — в виде длинного треугольника — так что нужно лишь немного работы, чтобы превратить его в более эффективное оружие. Она заканчивает и довольна своей работой, счастлива тем, чего добилась, несмотря на то, что не знает, как его применит.

Ее голова все еще ужасно болит. Даже от проглатывания скудной слюны боль молнией простреливает ее череп. Скоро все будет кончено. Она сдувает металлическую пыль с клинка — медные блестки — и полирует его своей хлопковой рубашкой.

Сильвер не знает, почему она так долго не могла понять, чего от нее требуют. Это должно было быть очевидным с самого начала.

Ванная изготовлена из такого светлого фарфора и такая чистая, что складывается ощущение, что никто на нее никогда даже не смотрел, не то что купался в ней. Сильвер выбирает функцию «на пять пальцев», и из крана начинает литься теплая вода. Вода такая же чистая, как и питьевая. Сильвер заворожена: она никогда прежде не купалась в прозрачной воде. Она добавляет еще пять пальцев, так что ванная становится полна на половину. Выше нормы, роскошно до неприличия, она это знает, но в ее ситуации это можно простить. Она стягивает накрахмаленную рубашку через голову и медленно залезает в ванну. Это все равно, что скользить в теплое жидкое стекло. Она откидывается на спину, а затем скользит под воду, ощущая, как тепло омывает всю ее кожу головы и лицо, и плечи. И это ощущается таким приятным, таким приносящим облегчение. Она пускает пузыри и остается под водой, пока ее легкие не начинают протестовать.

Выплыв на поверхность, она вспоминает о своей семье. На ее глаза наворачиваются слезы. Теплая вода окрашивает ее кожу, обычно цвета слоновой кости в розовый, голубые вены на ее запястьях исчезают. Красиво прорисованные линии темно-синего цвета. Карта в никуда.

Сильвер свешивается через бортик ванной и поднимает свою самодельную медную бритву.

Она разрезает вены на обеих рук вдоль. Сильвер стонет от боли, разрезая кожу. У нее пробегают сомнения. Она действительно это делает? Это действительно единственный выход? Но теперь пути назад нет.

Конечно же, она ожидала, что будет кровь. Чем больше, тем лучше. Быстрее. Но резкость киновари на фоне белой ванны, пульсирование потока пугают ее. Она наблюдает, как красный льется вниз и создает облачка под водой, похожие на перевернутые атомные взрывы. Вскоре фарфор расцвечен — вода окрашена.

Малиновый Каскад, сказала бы Кейт.

Сильвер снова откидывается на спину, вытягивает руки вдоль бортиков. Она наблюдает за тем, как остатки ее сознания вытекают из запястий, и веки медленно закрываются.

Глава 35

Призрак

«Атриум», Йоханнесбург, 2036

— Привет, — говорит Кеке прохожему.

— И тебе привет, — отвечает мужчина, с одобрением осматривая Кеке с головы до ног.

Иисусе, она никогда не устанет от внимания? Кейт уверена, что это должно сводить ее с ума — постоянное поедание глазами ее тела каждым незнакомцем, которого она встречает. Неужели она не чувствует, что однажды ничего не останется?

Напротив, на Кеке это оказывает противоположный эффект. Она выпрямляет спину, показывая идеальную форму своей груди и плоский живот.

— Мы ищем Сильвер. Вы ее видели?

— Сильвер?

— Обычно она подключается здесь.

Кейт показывает на пустую капсулу. По крайней мере, она так думает. Инициалы «ПК» нацарапаны на гладком корпусе, заставляя Кейт строить догадки. Она давно не была здесь с Сильвер. Это одна из тех вещей, благодаря которым женщина ее теряет. Снова: боль.

— Девушка подросток с длинными белыми волосами.

На стене фиолетовым баллончиком нарисован слоган: «Как мы проектируем, так, возможно, и мы были спроектированы».

— Миниатюрная, — уточняет Кейт. — Она довольно небольшая для своего возраста.

Мужчина округляет глаза.

— Вы имеете в виду Призрака?

— Что? — резко спрашивает Кейт.

По какой-то причине, это прозвище расстраивает ее. У нее волоски встают дыбом.

— Призрак? — спрашивает Кеке. — Может это она.

Мужчина выглядит впечатленным.

— Знаете, она здесь легенда. Она, вроде как, лучший игрок.

Кейт вспоминает, как Сильвер, когда была малышкой, часто во время обеда одевала на голову белую салфетку.

«Я при-и-изра-ак, — говорила она. — *Я при-и-израк».*

Что им известно? Что происходит? Паранойя, такая же знакомая и будоражащая, как и холодная вода, плещет ее по лицу.

— Почему вы ее так называете?

Мужчина выглядит озадаченным ее реакцией.

— Это ее аватар, — отвечает он, хмурясь.

На самом деле он подразумевает: «Ты не знаешь аватар собственной дочери?».

— И…

— И что?

— И он идеально ей подходит.

— Что это значит?

Он встречается с Кейт взглядом.

— Ее невозможно убить.

— Когда вы в последний раз ее видели?

Кеке легко скользит в свое привычное состояние журналиста расследователя.

— Она была здесь недавно.

Мужчина одет в рубашку, от которой исходит аромат как завитки невидимого дыма. Янтарь, американский перец, можжевельник. Кейт пыталась носить парфюмированный бюстгальтер, когда на них началась мода, но ее дети постоянно принюхивались к окружающему ее воздуху и спрашивали: *«Ты это чувствуешь? Ты это чувствуешь?»*, будто кто-то наступил на собачье дерьмо, и пахнет совсем не тем, чем должно: Жженым Цитрусом.

— Когда? — спрашивает Кеке. — И куда она отправилась?

— Я не знаю. Здесь забываешь о времени.

Тут всегда освещение, как при ярком солнечном свете, а на стенах нет часов.

— Наверное, после полудня? Не знаю, куда она пошла, но кое-что сказала.

Это привлекает внимание Кейт.

— Да?

— Ну, Нова дразнила ее. Говорила, что одолеет Сильвер.

— В игре?

— Да. Не хочу никого обидеть, но все знают, что когда Сильвер исполнится шестнадцать, она будет круче всех в «Эден 7.0». Я хочу сказать, у нас не будет и шанса. Единственная причина, по которой мы ее опережаем на данный момент, потому что мы протюнингованы, а она — нет.

— Нужно быть протюнингованным, чтобы побеждать?

— Чтобы получить доступ к седьмой версии.

— И она сказала, что собирается это сделать, когда ей исполнится шестнадцать?

— И говорить не надо. Она чертов вундеркинд. Вы видели миры, которые она создает? Она как еб*ный космический архитектор. А ее колонии гениальны. Даже ее биосистемы…

— Итак, — перебивает Кейт, — Нова подстрекала ее…

— Не подстрекала, — не соглашается он, — не совсем. Мы всегда подкалываем друг друга. Мы все близкие друзья и приглядываем друг за другом. Нова любит Сильвер как младшую сестренку.

От него исходит не только теплый аромат, но и другие запахи: чая и древесины. Сложно увидеть его лицо, когда в воздухе между ними так много различных фигур.

— А потом?

— А потом Сильвер сказала, что уйдет пораньше, что для нее необычно, поэтому мы поинтересовались о причине, и она ответила, что собирается купить себе подарок на шестнадцатилетие.

В голове Кейт появляются болезненные яркие пузыри, словно свет каким-то образом просачивается в ее мозг и осушает ее мысли.

— Какой?

Мужчина улыбается, демонстрируя характерные серые сточенные зубы хардкорного геймера.

— Ну, она не сказала, но… разве не очевидно?

— Она бы не стала, — произносит Кейт, когда они покидают «Атриум».

Кеке бросает на нее взгляд и поджимает губы.

— Сильвер не стала бы этого делать. Ехать туда одна и поступать против моей воли. Или стала бы?

— Тюнинговаться? — спрашивает Кеке. — Конечно же, стала бы. Она говорила об этом на протяжении двух лет. Ты просто не слушала.

— Я думала, это просто заскок такой. Знаешь, у детей все время какие-нибудь заскоки случаются.

— Не этот.

— И я слушала. Лишь потому, что я не хотела, чтобы она это

делала, не значит, что я не слушала.

— Я хочу сказать… и не понимай неправильно… что ты не слышала, слушая.

— И что, бл*ть, это значит?

— Ты слышала, как Сильвер спрашивает, может ли она внедрить «нейронное кружево». Она на самом деле не спрашивала. Она говорила, что собирается сделать это, согласишься ты или нет.

— Ну, в таком случае, я не могла бы ничего сделать, чтобы остановить ее, так?

— Нет, но ты бы могла поехать с ней. Ты могла бы убедиться, что она сделает это в безопасных условиях.

Лицо Кейт горит: гнев переплетается с сожалением. Огненный вихрь.

— Воу, Кеке, посмотри на себя. Все-то ты знаешь. Попробуй стать родителем пятнадцатилетних близнецов и посмотри, как ты бы справилась сама.

Кеке хватает Кейт за руку, заставляет ее остановиться, берет в плен своих глаз с льдисто-голубыми биолинзами.

— Котенок. Я бы никогда не смогла сделать то, что делаешь ты. На меня это наводит ужас.

— Мне от этого не легче.

— Я даже не стану пытаться стать матерью. Ни на один день. Я лучше застрелюсь.

— Опять, мне от этого не лучше.

— Прости. Я не знаю, что сказать.

— Они всегда тебе все рассказывают, — замечает Кейт.

— Ну, они бы не стали рассказывать, будь я их родителем!

Они спешат покинуть «Атриум» и останавливаются на тротуаре снаружи, не уверенные, куда отправиться дальше.

В «косточке» Кейт раздается звонок.

— Кейт, — мурлычет Темный Док. — Я пытался связаться с тобой.

Сочетание статики в воздухе и его хриплого голоса вызывает серебряные ленты перед ее глазами.

— Общественные линии не работают, — отвечает она. — Станет еще хуже.

Она не слышит следующие пару слов.

— …мне нужно, чтобы ты приехала, как только можешь.

— Я не могу, — отвечает Кейт.

— Мне нужно увидеться с тобой прежде, чем…

— Прежде чем наступит конец света?

Наступает пауза. Еще больше искрящейся статики.

— Что-то вроде того.

Обычно, когда он произносит эти слова — мне нужно увидеться с тобой — Кейт ощущает внезапный прилив тепла внизу живота, но сегодня желтый адреналин доминирует над всеми ее эмоциями.

— Не могу.

— Становится опасно. Пожалуйста, приезжай ко мне.

— Я могу о себе позаботиться.

— Знаю. Мои чувства не изменились.

— Я хочу быть с тобой, — отвечает Кейт, Кеке выпучивает глаза. Она отворачивается.

— Но не могу. Сильвер пропала.

— Нет, не пропала — отвечает Морган. — Поэтому я и звоню тебе.

— Пропала, — говорит Кейт. — Ее нет дома. Мы в «Атриуме». Здесь дочери тоже нет.

— Знаю. Поэтому она здесь, с нами.

Глава 36

Это настоящий мир?

— Ты трахаешься с Темным Доком? — спрашивает Кеке.

— Следи за языком, — ощетинивается Кейт.

Не потому что она возражает против этого слова, Бог знает, что это одно из ее любимых слов, но потому, что у нее вошло в привычку держать все в тайне, когда близнецы рядом.

Кеке искренне шокирована.

— Я и не знала!

— Хватит уже.

— Как? Где? Когда?

Они проходят мимо небольшого отряда людей, вооруженных винтовками, дубинками и охотничьими ножами. На широкой груди одного из мужчин написано: «Нах*й роботов». На лицевой маске другого мужчины красуется пиксельная свастика, а с его шеи, словно накидка, свисает отрезанная рука антробота. Их кожа испещрена плохо нарисованными тюремными тату.

Охотники на ботов. Отрицающие науку. ИИ нацисты.

Группа ненавистников набрала популярность в прошлом году, когда несколько антроботов старых поколений начали спонтанно активировать свои кнопки самоуничтожения в переполненных людьми местах. Произошло шесть взрывов и более двадцати смертельных случаев прежде, чем их всех отловили и сняли с рынка.

«Боты-террористы!» кричала новостная лента, отчего люди впадали в безумие от паники и стали подозрительно относиться ко всему, что обладало ИИ, но, когда в последствие все

террористические атаки должным образом расследовали, оказалось, что неизвестный взломал переключатели, так что это вообще не было восстанием роботов. Конечно же, ИИ нацисты не позволили правде встать на пути их миссии «поработить врага» и продолжили другую пропаганду жестокости. И, хотя у новых антроботов все еще есть переключатели самоуничтожения, единственный способ теперь запустить их — одновременная активация их и роботом, и человеком. В отличие от людей, седьмое поколение робосапиенсов не подверглось воздействию Суицидальной Болезни, что в теории гарантирует, что детонатор будет использован только в чрезвычайных случаях.

Один из мужчин пялится на Кейт. Она нащупывает свой пистолет и испытывает облегчение, когда находит его в кобуре, нагретого от ее кожи.

— Я хочу все знать, — просит Кеке. — Выкладывай!

— Неважно. У нас есть проблемы поважнее.

— О, нет, ты не отвертишься. Я хочу знать детали.

Кейт останавливает рукой трамвай, идущий в северном направлении, и они запрыгивают на него, испытывая облегчение, что между ними и придурками увеличивается расстояние.

Кеке все еще смотрит на нее.

— Это просто в голове не укладывается.

— Мир совсем сошел с ума, и мы находимся практически посредине гражданской войны, а ты думаешь о том, что моя сексуальная жизнь не укладывается в голове.

— Так и есть!

— Почему? — спрашивает Кейт. — Я что, настолько выпала из игры?

— Ты такая же горячая и сексуальная, как и всегда, и ты это знаешь, — отвечает Кеке. — Но…

— Да? Давай, не таи. Мы едем на встречу с ним, и я не хочу, чтобы ты странно вела себя рядом с ним.

— С Темным Доком!

— Знаешь ли, у него есть имя. Морган. Я не называю его Темным Доком в постели.

— А стоило бы, — замечает Кеке. — Звучит горячо.

— Нет, — Кейт, смеясь, качает головой. — Нет. Совсем нет.

— Этот голос, — говорит Кеке, делая вид, что она в восторге.

— Знаю, — говорит Кейт. — Все дело в голосе.

— Думала, ты ненавидишь докторов.

— Так и есть. Ненавижу. Но все сложно.

Они проезжают мимо стрит-арта в 4D. Анимация персонажей и слоганов. Японское аниме. Логотипы, теги и аватары. 2D наклейки на бампер, гласящие: «ННИ», «Проснись» и «Это

реальный мир?».

— Скажешь мне, куда мы едем? — спрашивает Кеке.

— Ты не дала мне и шанса!

На другой стороне улицы раздается скрежет. Такси съезжает с дороги и врезается прямиком в фургончик с мексиканской едой. Оглушительный стук, дым и крики, но, похоже, никто сильно не пострадал. Пешеходы спешат пройти мимо такос и сальсы на асфальте. На стене на заднем фоне написано: «Интернет — это Бог», надпись анимирована, так что слова «Интернет» и «Бог» меняются местами каждые пару секунд.

«Интернет — это Бог». «Бог — это Интернет». «Интернет — это Бог».

— Святое дерьмо, — произносит Кеке. — Что за нах*й? Сюр.

— Морган с Сильвер. Поэтому мы едем туда.

— Она в безопасности?

— Он не сказал.

— Что он сказал?

— Что нам нужно добраться туда, как можно скорее.

— Звучит стремно.

— Он не сказал бы мне ничего больше. Сказал, что не хотел, чтобы я беспокоилась. Все нам расскажет, когда мы туда доберемся.

— Доберемся туда?

— Институт Липворт.

Глава 37

Испачканная пеплом и сердечной болью

Капсула андроида, Йоханнесбург, 2036

Любая надежда найти Мэлли в хостеле Веги испаряется, как только Сет туда добирается. Передняя дверь широко распахнута, и теперь вход в здание превратился в зияющую, дымящуюся пасть. Мародеры потоком льются из здания с чипами и пулями для револьвера, которые они никогда не смогут использовать. Сет слышит выстрелы и безумный смех. Когда он идет внутрь, под ногами хрустит разбитое стекло. Раздаются победные кличи, люди ногами сшибают замки на шкафчиках и разбивают дорогостоящую технику бейсбольными битами. «Нах*й роботов» намалевано не на одной закопченной стене.

Несколько тел робосапиенсов лежит, разобранными на куски, на полу, на вид полностью похожие на людей. По крайней мере, как люди снаружи: штампованный силикон, дополненный губчатым веществом телесного цвета — лишь цвет их крови их выдает. Это, и, если смотреть очень внимательно, белые кости из титана.

Мужчина в камуфляжном экзокостюме целеустремленно шагает через разрушенный холл, держа палец на курке большого автоматического оружия: плавщике металла. Вместо пуль, тот специально спроектирован так, чтобы поджаривать схемы роботов. Сет узнает модель. Обычно эти люди находятся под землей, но, похоже, что восстание ИИ выманило их из их секретных бункеров.

Плохие новости, думает он, останавливаясь и оглядываясь во всем этом хаосе.

Охотник на ботов проходит мимо Сета, толкая его с достаточной силой, чтобы послать сообщение. Сет автоматически тянется к «Вектору», но вспоминает, что его нет за миг до того, как ощупывает пустоту. Он поворачивается, чтобы посмотреть на мужчину, и они обмениваются тяжелыми взглядами, прежде чем разорвать контакт.

В нескольких комнатах от них раздается еще один небольшой взрыв. Мародер подпрыгивает, но быстро восстанавливает самообладание, похоже, что разрушение придало ему энергии. Они напоминают Сету гиен, пришедших, чтобы украсть объедки со стола Мрачного Жнеца.

Сет хватает одного из пробегающих мимо молодых мужчин.

— Где они? — спрашивает Сет. — Роботы где?

Мужчина выворачивается из хватки Сета, пожимает плечами и отчаливает.

Позади него раздается дрожащий голос женщины.

— Они их забрали.

Сет поворачивается кругом и видит женщину, испачканную пеплом и сердечной болью. Она была здесь все это время? Она такая серая, что он даже не заметил ее, когда вошел.

— Они их забрали, — говорит она.

Ее плечо кровоточит: оттуда торчит какая-то черная шрапнель, острием направленная на Сета.

— Вы в порядке? — спрашивает он. — Могу я вам помочь? Отвезти вас куда-нибудь? В больницу?

— В чем смысл.

Это не вопрос.

Сет покидает взрывающееся здание с ощущением, что еще до рассвета от того ничего не останется. Он видит полицейского «НАСП» — копа, отлавливающего бродячих ботов, защелкивающего наручники на антроботе.

— Не понимаю, — говорит бот.

Она выглядит, как модель четвертого поколения, довольно очевидно, что не человек, так что легкая мишень для таких скотов.

— Для моего ареста нет причины. Я не нарушала протокол.

Коп вытирает пот над бровями.

— Это для вашей собственной безопасности.

— Не понимаю, — повторяет она.

Обезумевшая женщина в полинявшем желтом платье спорит с копом. Она держит на бедре плачущего малыша. Небольшой участок крови и грязи виден там, где к ней прижимается кровоточащее колено ребенка.

— Она помогала нам! — продолжает твердить мать. — Вы не понимаете? Она помогала!

— Неважно, — отвечает коп.

Малыш плачет и плачет.

— Мой ребенок упал на улице. Этот робот помогла нам. Почему вы надеваете на нее наручники?

Коп поджимает губы; у него нет на это времени. Ему нужно зачистить целый город.

— Я не понимаю, — говорит бот.

— Тебе и не надо понимать, лютик.

Наконец, он защелкивает наручники. Подъезжает фургон с наклейкой «НАСП», и он уводит ее, помогает ей подняться в загон, который, видит Сет, переполнен антроботами всех мастей.

— Куда вы везете их? — спрашивает Сет.

Коп игнорирует его.

— Эй! — выкрикивает Сет. — Куда вы их везете?

Они захлопывают заднюю дверь, и транспорт спешит прочь.

Глава 38

Вы могли бы видеть звезды

Институт Липворт. Йоханнесбург, 2036

Когда Кейт с Кеке прибывают в институт Липворт, их сканируют, обыскивают, допрашивают и надевают наручники. Их код ДНК подтверждают, взяв образец с бутылок воды, которые им предложили на входе.

— У кого-то паранойя, — бормочет Кеке.

— Не паранойя, — отвечает Кейт. — Меры безопасности.

— Теперь у них есть наши данные, — говорит Кеке. — Они могут прямо сейчас напечатать твою копию. Могут клонировать твою задницу, посадить тебя за решетку в подвале, и никто не поймет.

— Иисусе. И у кого теперь паранойя?

— Просто к слову. Странные вещи творятся.

— Предпочитаю думать, что моя семья увидит разницу между мной и фальшивкой.

— Ха, — произносит Кеке.

— И что это значит?

Кеке пожимает плечами.

— Просто это место наводит на меня жуть. Оно такое… чистое. Белое.

— Серьезно?

— Тебя это не беспокоит?

— Меня не беспокоит. На самом деле, мне даже нравится. Я получаю передышку от своей синестезии. Это как моющее средство для моего мозга.

— Что ты там говорила недавно про то, что я странно себя веду? На секундочку, это не я странно себя веду.

К ним подъезжает гладкий белый робот.

— Доброе утро.

Уже утро?

— Доброе утро, — отвечает Кейт. — Доктор Морган сказал, что ждет меня.

— Конечно, мисс Деникер. Пожалуйста, следуйте за мной.

Через несколько шагов дроид останавливался и обращается к Кеке.

— Простите, но вам отказано в доступе.

— Прошу прощения?

— Ваш код не прошел проверку.

— И что, бл*ть, это значит?

— Твоя история, — поясняет Кейт.

— Моя история?

— Ваша судимость, — любезно сообщает бот.

— Моя история чиста!

— Нет, согласно «ЮАКККС». Мне жаль.

— Если вы говорите о том, что произошло в двадцать четвертом, то они сняли обвинения.

— Хм-м, — произносит дроид.

Кеке стоит на своем.

— И обвинения двадцать первого тоже были сняты.

Почувствовав упрямство Кеке, дроид переходит в дружелюбный режим.

— Пожалуйста, чувствуйте себя свободно и подождите мисс Деникер в нашем «Метро Револворант».

«Косточка» Кеке издает короткие звуковые сигналы.

— Пожалуйста, примите этот кредит, чтобы побаловать себя бесплатным напитком на свой выбор.

Кеке со вздохом соглашается.

— Отлично. Все равно. Я подожду тебя в том дерьме, что они предлагают. Держи меня в курсе!

***

Кеке взмывает вверх в их внешнем лифте, у которого всего одна остановка: «Метро Револворант». Тут пусто за исключением скучающего бота официанта, пылесосящего стеклянный пол через свою юбку. Головокружительный вид напоминает ей о том старом клубе, в который они ходили в 20-х. Как же он назывался? Она встретилась там со многими контактами.

Ресторан выполнен из суперстекла от пола до потолка, и, как и предполагается в названии, медленно вращается, чтобы предложить посетителям вид на весь город, который был бы восхитительным, если бы не электросмог, покрывающий Йоханнесбург, как неподвижное и грязное собачье одеяло.

Вы могли бы видеть звезды.

Когда воздух стал таким, что им нельзя больше дышать? Это происходило постепенно, постепенно, а затем наступило резко.

Как все могло так сильно измениться за десятилетие? Теперь небо снаружи серо-черное, несет лишь легкий намек на рассвет. Кеке занимает место и нажимает на свой заказ в виде кофе со льдом. Несмотря на меланхолию, это не самое худшее место, чтобы встретить рассвет.

— Добро пожаловать в «Метро Револво»! — произносит электронный голос, и Кеке почти что выпрыгивает из одежды. Официант-бот смотрит на нее своими светодиодными глазами с нейтральным выражением лица. Он ставит ее напиток на стол, и Кеке благодарит его, несмотря на то, что ее саму всегда смешит, что Кейт поступает также.

*«Это еб*ный дроид, Кейт»*, — сказала бы она.

«Нельзя забывать о манерах», — парировала бы подруга, особенно, если бы с ними были дети.

Бот возвращается к пылесосу, водя им по уже безупречно чистому полу. Кеке думает, что это самая одинокая вещь, которую она видела. Внезапно она ощущает тяжесть в груди, словно весь этот печальный пустой ресторан сам по себе вакуум, и он пытается ее раздавить.

«Не время для экзистенциального кризиса. Соберись».

Она знает, что ей нужно сделать.

Глава 39
Яйца в медвежьем капкане

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Льюис показывает Заку резиденцию. Он немногословный человек, по меньшей мере, половина его слов — это мат, но Зак получает общее представление о том, как работает система. Три

раздельных крыла все похожи на это. Резиденты отрабатывают восьмичасовые смены, затем меняются, словно передают эстафету. Работа, отдых, сон. Работа, отдых, сон. Работа, отдых, сон. Винтики одной машины.

Зак ожидает, что в комнате будет холодно, но от стен исходит тепло. Их резиденция будет пустой еще полчаса.

— Давай возьмем по сэндвичу прежде, чем вернется народ, — предлагает Льюис, когда они проходят мимо кафетерия. Он сметает с подноса два сэндвича и передает один Заку, у которого нет аппетита — у него уже много дней нет аппетита — но он все равно его принимает. Они садятся за пластиковый столик.

— У тебя выходной? — спрашивает Зак.

Льюис смеется, вытирает невидимые крошки с бороды.

— Нет. Выходных здесь не бывает.

Он снова кусает сэндвич.

— Они постоянно заставляют меня нянчиться с новичками.

Зак никогда прежде не был инженю *(прим.: актерское амплуа, изображающее наивного невинного человека)*, он привык быть наставником. Быть тем, кто носит шелковый галстук и знает все ответы.

— Без обиняков, — добавляет Льюис.

— Что ты, — отвечает Зак. — Я просто… пытаюсь понять.

— Ты скоро к этому привыкнешь, — сообщает старый хиппи. — Здесь все просто, чего я не могу сказать о внешнем мире. Усердно трудись и получишь награду. Усердно трудишься, получаешь повышение.

«Повышение?» — думает Зак. Что-то в этой фразе зарождает тревогу в его груди. На границе его сознания маячит какая-то важная мысль, но ее не поймать.

— Ты постоянно будешь получать повышения, — продолжает Льюис, — и выйдешь из подземелья. Наверх, туда, где все эти миленькие белые местечки с комнатами развлечений и киноэкранами, виртуальными спортзалами и офисными капсулами. И приличной едой, — говорит он, сминая свою салфетку и бросая ее в урну в углу. — Не этот дерьмовый картонный хлеб. По крайней мере, я так слышал.

Зак впервые замечает лацкан на жилете Льюиса.

— Это мои этапы, — отвечает он, постукивая по пяти цветам на своей груди. Это как военные полоски. — Еще две и меня возвысят.

— Возвысят?

— Дадут повышение. Наверх, — он показывает на потолок.

— Как давно ты здесь?

— Иисусе. Не знаю. Откуда мне знать? Ты видишь здесь

еб*ный календарь?

— Дольше, чем остальные?

— Большинство из них.

— Мы говорим о годах? Десятилетиях? Как много времени займет подняться туда?

Льюис пожимает плечами.

— Все зависит от того, как усердно ты трудишься.

Он смотрит на нетронутый сэндвич Зака.

— Правильное решение, — говорит он.

***

В оставшееся до окончания смены время, Зак узнает, как правильно ударить музыкальный автомат, чтобы тот заиграл «Поменьше разговоров», от чего ностальгия бьет его в живот из-за безымянной женщины с кожей цвета жженой карамели. Как взломать звуковой душ, чтобы он дал дополнительные тридцать секунд времени работы, поверьте, иногда они нужны, и что нужно сделать, чтобы получить награду.

— Награды? Что-то вроде угощения? Как для собаки? — спрашивает Зак.

— Конечно, можешь думать о них так.

— А как лучше о них думать?

— Как о средстве сделать здесь твою жизнь комфортнее.

Льюис показывает Заку свою комнату. Она оснащена оборудованием для накачки мышц, длинным зеркалом, на вид удобной постелью и набором для ухода за бородой.

— Некоторые заключенные используют награды в обмен на перекус. Шоколадно-ореховое печенье и прочее дерьмо. Но не я. Я хочу быть в лучшей форме, когда выйду в цивилизацию.

Зак рассматривает пену для бритья с логотипом «СкайРест» и острую бритву. Они выглядят старыми.

— Их не беспокоит, что ты можешь использовать бритву, как оружие?

— А, не, — отвечает Льюис. — Здесь нет смысла вести себя плохо. Это того не стоит. Они лишат тебя всех твоих полосок. Судьба похуже смерти.

Льюис показывает в угол на потолке. Зак предполагает, что там установлена микрокамера.

— В каждой комнате. Они наблюдают за всем, чем мы занимаемся. В реальном времени. Никому ничего не сойдет с рук. Это честный способ жить, знаешь ли. Прозрачный. Вести себя хорошо. В реальном мире, если кто-то бесил бы меня, вероятно, я бы его трахнул. Это одна из причин, почему я здесь. Теперь я

бросил это дерьмо. Все поступки ведут к последствиям. Я медитировал, чтобы избавиться от гнева. Мне стало намного, бл*ть, лучше.

— Что будет, если ты нарушишь правила?

— Никто не нарушает правил.

— Не может такого быть.

— Послушай, — говорит Льюис, снова смотря вверх на камеру, затем переводит взгляд на Зака. — Скажу это всего раз.

Зак смотрит на него.

— Не нарушай здесь правил. Не нарушай еб*ных правил. Усек?

Он кивает.

— Не устраивай проблем. Ходи на работу. Не броди. Не затевай драки. Ясно?

— Ясно, — отвечает Зак.

— Ты не хотел бы, чтобы тебя бросили в карцер. Не в этом месте.

Льюис отворачивается, в его глазах появляется что-то, чего там не было прежде. Что он видел?

Зак пытается разрядить обстановку.

— Так значит здесь не бывает драк?

— Ну, я бы так не сказал. Посади кучку людей в подземелье, и будут стычки. Но они редки. На кону слишком много. Плюс…

— Плюс?

Он постукивает по своему черному браслету.

— Они могут остановить стычку до того, как та наберет обороты. Они следят за тобой, так? А также они отслеживают твой пульс, уровень сахара в крови, адреналина и много чего еще. Кто-то там наверху начнет беспокоиться, и мы окажемся на полу всего одним нажатием кнопки.

— Они могут вырубить нас всех? Всех сразу?

— Вырубить, следить, накачать наркотиками… — он полирует наручник рукавом. — В основном, они зажимают наши яйца в медвежий капкан. Так что мой лучший совет тебе: веди себя правильно.

Глава 40

Полночные эльфы

— Готов к первой смене, Гердлер?

Льюис стоит на пороге комнаты Зака. Звенит звонок.

— Думаю, что да.

Зак не возражает сегодня усердно потрудиться. Это может помочь унять нервы. Льюис жестом показывает ему следовать за ним, и они присоединяются к другим заключенным, потоком устремляющимся из резиденции на прилегающий завод. Зак

называет это заводом, но, если быть честным, он все еще не знает, какую продукцию выпускает «СкайРест». Он получает от других несколько слегка заинтересованных взглядов, но большинство людей его игнорируют. Муравьи-солдаты, рабочие пчелы: все в одинаковой серой форме из мягкого хлопка.

— В чем заключается работа? — спрашивает Зак.

— Спроси что попроще.

Зак невесело смеется.

— Что ты имеешь в виду?

— Не похоже, чтобы мы работали на конвейере, так? Мы нихрена не производим. Это не еб*ный «Бильхен».

— Тогда… что?

— Они определяют, что нужно сделать, и соответственно направляют нас.

— Но что? Что за работа?

Почему Льюис уклоняется от ответа?

— Любая. Любая, при которой требуется труд, покуда…

— Да?

— Покуда нас не видят.

— Кто?

— Клиенты. Красивые люди в сотах. Мы как… полночные эльфы. Ну, знаешь, маленькие проказники, которые прокрадываются внутрь и выполняют всю работу. Как невидимая рабочая сила, понимаешь? Призрак в машине. Никто не хочет видеть эльфов. Это убивает магию.

Они продолжают идти.

— Так, приведи пару примеров, чтобы я знал, чего ожидать.

Льюис вздыхает. Зак видит, как тот размышляет: «Я слишком стар для этого дерьма».

— Ладно, так… два дня назад мы рубили дрова для мусоросжигательного завода. Позавчера создавали семенные яйца. А до этого: резали ебаный лук. До этого: сажали саженцы. Березы, наверное. Серебряной березы.

— Что за семенные яйца?

Льюис поднимает руку, чтобы остановить поток вопросов.

— Ты пока не готов к этому дерьму. Ты пробудешь здесь долго. Тебе нужно научиться ебаному терпению.

— Прости, — говорит Зак.

— Я не сумасшедший. Я говорю тебе, как есть.

Они спешат в искусственную оранжерею. Тут нет окон, потому что это место находится глубоко под землей, но потолок покрыт тысячами тусклых лампочек, а растения — тысячи и тысячи растений — тянутся вверх к своим фальшивым солнцам, как ученики, которые еще не знают, что их обманули.

Они выстраиваются в линию рядом с рядами аэропоной растительности. Сколько их здесь? Зак быстро подсчитывает в уме. Две сотни? В каждом ряду, похоже, разные растения. В их ряду фиолетовые цветы.

— Тише и дальше, — говорит Льюис, постукивая по своим полоскам. — Тише дальше уедешь.

Зак смотрит на лацкан Льюиса.

— Эй. Ты получил еще одну полоску,

Глаза Льюиса блестят.

— Теперь близко, — говорит он, — очень близко. Думаю, ты имеешь к этому какое-то отношение.

— Сомневаюсь, — отвечает Зак.

— Ты заполнил бланк отзыва, так?

— Ну, там был такой бланк. Там спрашивали, как бы я оценил свой первоначальный опыт.

— Верно, — замечает Льюис. — Думаю, это и склонило чашу весов. То есть, я знал, что я был близко.

— И чем ты первым делом займешься? — спрашивает Зак. — Ну, когда окажешься там наверху?

— Пойду, поплаваю. Ты видел тот бассейн?

— Нет, — отвечает Зак. — Я думал, бассейны под запретом.

— Не в государственных учреждениях. Не когда они служат такому большому количеству людей.

— Ты видел его?

— О, да. О, парень, что за бассейн. Такой же голубой, как и ебаный Атлантический океан. Я не плавал с две тысячи девятого года.

— Звучит неплохо.

— А потом, потом… Я поем. По-настоящему поем. И выпью «СиннаКолу» со льдом. Настоящим льдом. Не фальшивым.

— Не думаю, что ее еще делают. «СиннаКолу».

— Эх, — Льюис выглядит разочарованным.

— Внимание, резиденты, — произносит знакомый голос в передней части оранжереи.

Средний крупный план жабьего лица Бернард сияет в шестиугольной голограмме над ними.

— Сегодня мы будем опрыскивать растения. Важно, чтобы вы сделали это хорошо, дабы избавиться от всех насекомых…

Насекомых? Здесь внизу?

— …но не слишком сильно, чтобы не повредить листья или корни.

Бернард кивает придуркам, которые держат голокамеру, и они опускают камеру на ее руки, где она демонстрирует правильный процесс. Зак не может не морщиться, когда крупным

планом показывают ее руки и широкие плоские ногти. Прошлой ночью она снова была в его камере. Он слышал, как дверь отъехала в сторону. Что-что внутри него сжалось и никогда уже не будет прежним. А теперь она осталась здесь.

— Что это за растения, кстати? — шепотом спрашивает он у Льюиса.

— Сраная люцерна, — отвечает Льюис. — Ты не видишь?

Глава 41

Полые пуговицы

12 лет спустя. «Вайт Мезззанин», 2036

Сильвер просыпается в той же белой комнате, в той же рубашке мятного цвета. Сначала она растеряна, а затем разочарована. Она стягивает с себя простыню и изучает свои запястья. Никаких ран, никаких шрамов, будто ее суицида вообще не было.

— Бл*ть, — ругается она.

Разочарование растет в ней все сильнее, выходит из-под контроля — степной огонь — и быстро сменяется горячей белой яростью. Она снова срывает ее на мебели: боковом столике, стуле, тарелке с питательным желе на завтрак. Сильвер пытается разбить небольшой квадрат усиленного гибкого стекла, который должен стать ее порталом во внешний мир, но ей удается лишь поранить руку. Она перестает кричать, начав плакать, не потому что больше не зла, но потому, что не может кричать, плакать и дышать одновременно, не заработав гипервентиляцию легких. Сильвер плачет, пока ее глаза не распухают, а голову не начинает разрывать ужасная пульсирующая боль. Она ложится на пол и с облегчением прижимается щекой и виском к его прохладной поверхности.

Девушка смотрит на две таблетки кобальтового цвета, лежащие на плитках. Медленно, медленно, она подползает к ним и берет в руки. Она знает, что, если проглотит их, они заберут ее боль. Ее не утихающую головную боль, пылающую в руке, ее сердечную в груди. Они пытаются сделать это чистилище со вкусом ада чуть терпимее. Она так сильно хочет выпить таблетки, но вместо этого встает и подходит к шкафу, находит свое пальто и засовывает таблетки в пустые пуговицы. Она проверяет другие пуговицы, прощупывает их кончиками пальцев, словно не может доверять своим глазам. Теперь заполнены двадцать четыре. Осталось двенадцать. Этого должно хватить, чтобы сбежать.

Глава 42

Под поверхностью

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Как только растения опрысканы и изучены на предмет пороков развития и болезней, рабочие переходят к другим вещам. Некоторые идут помогать на кухне, другие в прачечную. Зака с Льюисом отправляют на пилораму, вместе с еще десятью мужчинами. Больше всего Зака удивляет, как здесь внизу просторно. Здание снаружи — этот осколок в виде белой соты, торчащий из земли — вершина айсберга. Муравейник, укорененный глубоко и широко под поверхностью.

— Осторожнее, — предупреждает Льюис, глядя на жужжащий аппарат. — Это промышленные строгальные аппараты. Они отрежут твою сраную руку, если ты замечтаешься.

Они начинают скармливать аппарату куски поставляемой древесины. Тот быстро справляется даже с самыми твердыми кусками. Они оба пыхтят и потеют, пытаясь тащить те, что потяжелее.

— Без обид, но… не слишком ли ты стар для такой работы?

Зак почти не шутит.

— Отъеб*сь, — отвечает Льюис.

Они оба знают, что он сильнее их обоих вместе взятых.

Это приятный труд, воздух наполнен пыльным лесным ароматом, который проникает через их бумажные маски. Они собирают все деревянные щепки, пакуют их в решетчатые тележки, которые увозят другие члены команды. Потом подметают пол, пока он не становится чистым, чтобы никто не мог сказать, что здесь было двенадцать человек, помогавших деревьям исчезнуть.

После утомительных восьми часов, звенит звонок, и они ползут обратно в свою резиденцию, потягивая мышцы и стирая грязь со своей кожи. Бернард идет за ними следом. Зак ерошит волосы и на его плечи опадает стружка. Его наручники пикают, мигая зеленым светом.

— Эй, — говорит Льюис. — Боги одобрили!

Зак смотрит на него, и Льюис хлопает его по спине.

— Ты получил свою первую награду. Что ты выберешь?

— Не знаю.

— Не знаешь?

Льюис вытирает руки и ладони влажной тряпицей.

— Наверное, просмотрю каталог.

— Тебе нужно определиться со списком своих желаний, парень. Большинство из нас имеет список в милю длиной. Ты даже не имеешь ни малейшего представления?

У Зака все еще нет аппетита, а в комнате Льюиса не было

ничего, что захотел бы и он, но затем ему приходит идея.

— Книгу, — говорит Зак. Это именно то, в чем нуждается его атрофирующийся мозг. — Я попрошу книгу.

Льюис качает головой.

Глава 43

Добрый ангел, злой ангел

12 лет спустя. Институт Липворт, Йоханнесбург, 2036

— Морган!

Кейт подбегает к Темному Доку и обнимает его. Он стоит снаружи частной палаты в медицинском крыле института Липворт. Почему передовой африканской роботизированной лаборатории потребовалось медицинское крыло для Кейт остается загадкой, но в ее голове есть более насущные вопросы.

— Кейт.

Он окружает ее своим голосом и руками, и она позволяет себе побыть в его объятиях с минутку, прежде чем отстраниться. Крепкая фигура Моргана всегда успокаивала ее. Он для нее как якорь, с ним она не боится, что ее унесет в космос. Теперь он держит ее за предплечья, словно изучает. Его теплая кожа — это листья кедра и кардамон: свежий зимний костер. Она не видит фигур перед глазами, когда он говорит, несмотря на темный тембр его голоса. Вместо этого, тот словно проникает внутрь нее.

Кейт с усилием сглатывает.

— Сильвер?

— Прежде чем ты увидишь ее… — начинает Темный Док, — давай поговорим.

— Я хочу сначала ее увидеть. Она тут?

Женщина подходит к закрытой двери.

— Кейт. Пожалуйста. Я не хочу, чтобы ты…

Но уже слишком поздно. Кейт прислоняется к двери и устремляется внутрь. Когда она видит Сильвер, то впадает в такой шок, что от ее головы отливает вся кровь.

— Эй, — произносит Морган, когда ее колени слабеют, он ее ловит.

— Что с ней случилось?

Кейт пытается избавиться от головокружения.

— Что, бл*ть, с ней произошло?

Сильвер белая, как кость. Она лежит без сознания в сферической кислородной камере. Капельницы висят на стальных стойках над ее плечами. Одна белая, другая красная. Добрый ангел, злой ангел. Ее голова покоится в бандаже, а запястья прикованы к постели липучими лентами. Сильвер на больничной койке выглядит такой крошечной и беззащитной, что Кейт

хочется плакать.

Мать подходит к прозрачному пластиковому куполу и слегка расстегивает его, чтобы взять дочь за холодную недвижимую руку. Она выглядит такой молодой. Слишком худой и хрупкой. Птичка со сломанным крылом. Кожа на ее предплечьях покрыта ярко-красными рубцами, там, где кожа повреждена приклеена пара тромбоцитарных пластырей.

— Завтра ее шестнадцатый день рождения, — Кейт не знает, почему говорит это.

— Знаю, — говорит Морган.

— Как ты ее нашел? Откуда ты узнал, что она была тут?

— Я получил медицинский вызов из института. Должно быть, они считали ее код. Я все еще числюсь ее лечащим врачом.

— Почему они не позвонили мне?

— Общественные линии работают с перебоями. Я тоже не мог с тобой связаться, но продолжал попытки, пока не смог.

Кейт перезагружает свою «косточку».

«У вас триста восемь пропущенных вызовов».

— Ты позвонил мне три сотни раз? — спрашивает она Моргана.

Полуулыбка.

— Похоже на правду.

Кейт таращится на него, хлопая ресницами.

— Ерунда. Кроме того, тебе стоит благодарить доброго самаритянина, который привез ее сюда. И институт. Она попала в лучшие руки.

— Почему ее руки прикованы?

— Она причиняла себе вред. Царапала. Она почти попала по вене, прежде чем мы поняли, что она делает.

— Что с ней произошло?

Темный Док подводит ее к дивану для посетителей, где они садятся. Он передает ей бумажный стаканчик с каким-то теплым цветочным чаем. Ромашка? Нет. Форма ромашки — овал с грубыми краями. Эта фигура мягкая. Бледнейший желтый на белом (Описанный снег). Она ставит его на подлокотник рядом с собой.

— Я хочу знать все. Ничего не утаивай.

— Я мало что знаю, пока, но насколько могу судить, Сильвер плохо реагирует.

— Плохо реагирует? На что?

— Я изучил рану на ее голове. Ей установили «нейронное кружево». Я не знаю, где или как…

— О, нет, — произносит Кейт. — О, нет. Это моя вина.

По ней разливается жидкая вина, очерняя и озлобляя ее

внутренние органы. Холодный гудрон.

— Это не твоя вина.

— Я должна была сделать это для нее. Пойти с ней. Дать ей разрешение. Тогда бы ты это сделал. А не… а не это.

Они оба смотрят на неподвижное тело Сильвер. Морган пожимает Кейт руки.

— Ты пыталась защитить ее. Кроме того, я должен был понять, когда она пришла ко мне, что она не собирается принимать отказ. Сильвер упряма… как кое-кто, кого я знаю.

Он пытается поднять ей настроение, но это не работает.

— Мне жаль, — говорит Морган. — Я должен был проводить ее до дома.

— Во-первых, это я должна была поехать с ней!

— Ты сделала так, как думала будет лучше.

— Разве?

— Котенок. Конечно же, это так.

— Я сделала так, как думала будет лучше, или так, как было лучше для меня?

Кейт так зла на себя, что ей хочется биться головой о стену.

— Я просто… пыталась не дать ей уйти, ты понимаешь?

— Понимаю.

— Погружения будто все дальше и дальше забирали ее у меня. А теперь посмотри на нее!

— Она в кататонии.

— В коме?

— Нет. Ее жизненные показатели в норме. Слабые, но в норме. Она просто… без сознания.

— Не понимаю.

Морган переплетает пальцы.

— Она словно… где-то еще. Будто ускользнула от нас и покинула свое тело.

Кейт закрывает лицо руками, затем смотрит на него.

— Ты можешь это исправить?

Его мгновенная реакция подсказывает ей все, что нужно знать.

— Есть много способов сделать тюнинг, — говорит он, — на рынке представлено множество вариантов «нейронных кружев». Как и на черном рынке. Все это невозможно регулировать, не говоря уже о проведении надлежащих исследований о том, как они влияют на разных людей. Технологии развиваются с каждым днем… мы просто не поспеваем.

Надежда Кейт угасает. Темный Док — выдающийся врач биотехнолог в Южном полушарии. Если он не может это исправить, тогда кто может?

— Ты же попробуешь, да? Сделаешь все, что в твоих силах?

Кейт видит, что он уже знает ответ.

— Слишком опасно.

— Ты должен попытаться!

— Я буду делать это вслепую. Шансы вызвать непоправимый вред слишком высоки. Я не стану рисковать пациентом, которого совсем не знаю, не говоря уже о Сильвер.

Кейт таращится на него и хлопает ресницами, пытается переварить услышанное.

— Итак. Мы ничего не можем сделать?

Темный Док разглаживает свою черную бороду.

— Я бы так не сказал.

Глава 44

Труба смерти

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

В этот раз, когда их выводят в холл, им раздают специальное защитное снаряжение. Тонкие пластиковые комбинезоны, которые похрустывают при ходьбе, широкие лицевые маски и биолатексные перчатки. Воздух не такой затхлый, как обычно.

Охранник с седыми волосами и загробным голосом встает перед ними. Охранник помладше — блондин с юным лицом — снимает его, так что его лицо транслируется над резидентами в шестиугольной голограмме.

— Доброе утро, — говорит он.

Мужчины бормочут ответные приветствия. Зак улавливает, что охранника зовут Ксоли. Похоже, ему нравится внимание.

— Вы гадаете, почему вам дали дополнительное оборудование. Все потому, что сегодня мы имеем дело с новой субстанцией. Это часть наших экспериментов по созданию новой, передовой технологии, и нам нужна ваша помощь. Однако, это небезопасно, так что, пожалуйста, будьте осторожны и неукоснительно соблюдайте меры предосторожности.

Люди заинтересовано переговариваются. Судя по его опыту, первые задачи мало отличались разнообразием, так что он с нетерпением желает приступить к новой работе. Мужчин инструктируют подойти к столам на эстакаде, и избранные на сегодняшний день руководители снимают покрывала, открывая виду большие ванны темно-коричневого органического вещества.

— А теперь те из вас, у кого есть опыт сбора пищи, — произносит Ксоли, и раздается пара смешков, — узнают, что это… — он поднимает вверх большой угольного цвета гриб в форме лилии, — … называется вороночник. Рожковидный. Также известный, как черная лисичка и… труба смерти.

Зак изучает ванную перед ним. Он видит грибы между перегноем и сухими листьями.

— Обычно микологи говорят, что нечего бояться черной лисички, и они правы. На самом деле, эти грибы в дикой природе довольно вкусные и не причинят вам вреда.

Ксоли поднимает свой образец, и камера увеличивает план.

— Однако эта партия грибов была доработана нашими учеными биологами, которые скрестили их геном с геномом кожеедов.

Комната затихает.

— Ну же?

Кто хмурится, кто качает головой.

— Кожеедами. Жуками, поедающими кожу. Кожеед — это жук, поедающий плоть.

По коже Зака будто ползут невидимые лапки насекомых.

— Так что я представляю вам… Плотевороночник Рожковидный.

— Гриб, поедающий людей, — говорит кто-то впереди.

Ксоли выглядит довольным.

— Верно.

Мужчины шепчутся. Ксоли объясняет им процесс: найти грибы, найти мицелий, собрать споры, аккуратно положить в конверты или же представленные поддоны с почвой.

— Пожалуйста, работайте осторожно, — говорит он. — И, что бы вы ни делали, не вдыхайте споры. Как вы можете понять, вам не хотелось бы, чтобы эти ублюдки поселились в ваших легких.

***

Позже, в своей комнате, Зак лежит на матрасе и пролистывает каталог наград. Сейчас ему больше всего хочется получить снотворное. Он не высыпался с момента ареста. Хотя, даже, если бы он получил таблетки, вероятно, не смог бы их выпить. Лишь одна вещь хуже того, что Бернард наблюдает за ним спящим, и это вообще даже не знать, что она наблюдает, как он спит.

Он может попросить кровать или, по меньшей мере, приличный матрас, но они стоят больше одной награды. Ему придется копить на такое большое приобретение. Небольшое зеркало, может быть, чтобы повесить над раковиной? Он теперь не знает, как выглядит. Может быть, это и к лучшему. Тюремная пижама, искусственное освещение и атрофирующийся мозг. Мысль о том, чтобы смотреть на себя каждый день при таких условиях, заставляют его передумать. Ему кажется, что его глаза

пусты и кости тоже. По крайней мере, он так себя ощущает.

Он листает и листает, пока, наконец, не находит, что купить. Приложение поздравляет его с покупкой (если бы все было так легко) и сообщает ему, что ее доставят в следующий раз.

***

Снова звонят на ужин, и Зак молчаливо поздравляет себя, что пережил большую часть дня.

Зак присоединяется к Льюису за столиком в кафетерии. Льюис показывает на него и произносит «Гердлер», чтобы другие едоки знали. Мужчины бросают на него взгляды украдкой. Один или двое бормочут приветствие.

— Ты не ешь? — спрашивает Льюис.

Зак качает головой.

— Не голоден.

— Ты должен есть.

— Почему это? — спрашивает Зак.

— Кто, бл*ть, знает, — отвечает Льюис, несколько мужчин смеются.

Зак берет поднос и выбирает самое симпатичное из несимпатичного на прилавке. Какие-то тофурки с серым соусом и соответствующего цвета пюре. Сбоку лежит немного листьев, делая еду чуть менее отвратительной.

Вернувшись за стол, он пробует картофельное пюре. Или, по крайней мере, он думает, что это картофельное пюре. Это невозможно проглотить.

— Ты привыкнешь, — замечает Льюис.

Сомневаюсь.

— Скоро ты будешь есть нормальную еду, — говорит Льюису мужчина с блестящей головой. Он приподнимает бровь, глядя на лацкан Льюиса, и показывает вилкой на потолок.

— Ах, — произносит Льюис, наслаждаясь этой мыслью.

— Я слышал, что у них там есть магазин домашнего мороженого, — говорит мужчина, выглядящий профессиональным рестлером. — Там, по слухам, сотни различных вкусов. И, если у них нет вкуса, который ты хочешь, ты можешь сделать заказ, и они его для тебя сделают.

— Ах, — снова произносит Льюис.

— Я бы попросил со вкусом соленых ирисок, — говорит рестлер. — В рожке с корицей.

— С темным шоколадом, — говорит лысый, но в его голосе едва теплится надежда. На его лацкане всего две полоски.

— Со вкусом жвачки из восьмидесятых, — говорит Льюис. —

Помнишь? Лето на южном побережье. Голубое мороженое, стекающее по подбородку.

На миг они все выглядят потерянными в воспоминаниях о детстве и открытом небе.

— И ты забудешь о нас, — говорит лысый.

— Ни за что, бл*ть, — не соглашается Льюис.

— Да, забудешь, — говорит рестлер. — И ты должен забыть.

***

— Я готов, — сообщает Зак Льюису, когда они заканчивают свою игру за теннисным столом.

— М-м-м?

Льюис приободрен разговором за ужином о своем неизбежном возвышении, и Зак хочет воспользоваться его хорошим настроением.

— Ты сказал, что расскажешь мне, чем занимается «СкайРест», когда я буду готов.

Льюис фыркает.

— Ты не готов.

— Льюис. Пожалуйста.

Он опускает свою ракетку и долго, пристально смотрит на Зака. Шарик скачет по столу, затем останавливается. Наконец, Льюис сдается, пожимая плечами.

— Ладно, — произносит он, и Зак идет за ним следом в кинозал.

Глава 45
Зловещее гало

12 лет спустя. «Метро Револворант», Йоханнесбург, 2036

Кеке проецирует свой список контактов и колеблется перед тем, как нажать на аватар Марко, шафранового цвета силуэт мужчины, медитирующего с огромным огненным шаром над его головой. Она знает, что ей нельзя ему звонить, но это экстренный случай. Кроме того, вероятность того, что звонок действительно пройдет весь путь вплоть до отдаленного ашрама в Индии, когда здесь повсюду творится хаос, бесконечно мала.

Она удивлена, когда с третьей попытки идут гудки. До него доходит звонок. У нее учащается пульс. Раздается щелчок. Внезапно прямо там, в ресторане появляется лицо Марко, проецируемое над пустым бокалом Кеке. Заплатка на его глазу остается обвинением — всегда будет обвинением, простит он ее или нет.

— Кеке, — он улыбается.

Он выглядит совсем другим человеком.

— Ты похудел, — замечает она сквозь слезы.

— Да? Наверное, так. Вот что значит фруктовая диета. И пост. Мы здесь много постимся.

— Знаю, что мы договорились, что я не буду пытаться с тобой связаться, — говорит Кеке. — Прости.

— Не надо. Я очень рад видеть твое лицо.

Не пускайся в эмоции. Не говори ничего ласкового.

— Я скучаю по тебе.

По ее щекам текут слезы.

— Прости. Извини. Я обещала себе, что не буду плакать.

— Все в порядке, — отвечает Марко. — Все в порядке.

Она шмыгает носом и сердито вытирает слезы. Прочищает горло. Она звонит ему не поэтому.

— Как твоя мама?

— На самом деле, я не знаю, — отвечает Марко. — Она все еще путешествует. В последний раз, как мы болтали, она кормила сирот в Удайпур.

Связь плохая. Лицо Марко то и дело исчезает.

— Удивлена, что ты ответил. Ты все еще не в сети?

— Да. Это первый раз, когда этот старый «Тайл» зазвонил… за много месяцев.

— Когда ты… ты уже знаешь, когда вернешься домой?

— Теперь это мой дом, Кеке.

Кеке сглатывает слезы, пытается придать лицу спокойное выражение.

— Нет.

— Ты права. Нет такого понятия, как «дом». Не совсем. Это лишь эмоциональная связь с определенным местом, которое никому не принадлежит.

Кеке чувствует, что холодеет к нему. Если она будет честной с собой, на самом деле честной, она не может выносить эту версию Марко. Этого фасолееда, который медитирует, философствует, который совершенно асексуален. Да, вероятно, он стал «лучшим» человеком, но не для нее. Сама его сущность исчезла. Что еще более все осложняет, конечно же, то, что она единственная, кто вызвал это преобразование, эту эволюцию, и она все еще ненавидит себя за это, хотя в то время она чувствовала и все еще чувствует, что у нее не было другого выбора.

Ее решение пожертвовать глазом Марко спасло жизнь Сильвер. Как он может винить ее за это? Конечно же, он никогда в этом не признавался: он не хотел причинять ей еще больше боли. Но им стало трудно жить вместе. Когда он вернулся домой после

выписки из «Гордана», почти не мог с ней разговаривать, смотреть ей в глаза. Когда он окреп, Кеке пыталась инициировать секс — ничего слишком напряженного — но он не стал, не смог. Затем до того, как она успела вникнуть в ситуацию, он уехал, чтобы навестить мать в Гоа, и внезапно остался в ашраме. С тех пор он не выходил на связь.

— Тебе это не понравится, — говорит она, — но мне нужна твоя помощь.

Что он обычно отвечал: «Все для тебя, моя леди», но не теперь.

— Кеке… ты же знаешь, что я не могу.

— Ты не понимаешь.

Будто их эмоционального напряжения недостаточно, на телефонной линии раздаются потрескивания.

— Мы все в опасности, Марко. Здесь что-то происходит.

— Что?

Марко обращается во внимание. Его мечтательное выражение лица сменяется тревогой.

— Что происходит?

— Тут… какая-то неисправность искусственного интеллекта, как они говорят. Восстание роботов. Бунт. Уже свыше сотни смертельных случаев — и это только те, о которых мы знаем — и все только усиливается.

Марко смотрит на нее.

— Подожди. Что?

— Ты меня слышишь? ИИ убивает людей.

— ИИ не может восставать. Этого нет в их коде.

— Говорю же тебе, они неисправны.

— Невозможно.

Связь обрывается. Кеке перезванивает ему, на пятый раз ей везет.

— Поэтому нам и нужна твоя помощь.

— Я в этом совсем ничего не понимаю.

— Чушь.

— Нет! Я не знаю ничего о неисправных дроидах, и даже, если бы знал, что я могу отсюда сделать?

— У тебя есть «Тайл».

— Этот «Тайл» очень древний. Техника восьмилетней давности. Это как девяносто шестой в технике. А это значит очень хреновая техника.

— Я так чувствую, что ты еще не понял, что здесь происходит.

— Я…

— Забудь о наших проблемах. Забудь о том, что ты не в сети. Мы в опасности, Марко. Кейт, Сет, дети.

Она вспоминает о Мэлли и Веге. Задумывается о Сильвер.

— Особенно, дети.

Марко сжимает волосы в кулаках.

— Я сяду на самолет. Я сяду на первый самолет.

— Иисусе, Марко. Ты не слушаешь? ИИ хочет убить нас.

Кеке боковым зрением наблюдает за официантом-ботом, который все еще пылесосит пол ресторана. Неудивительно, что они слетели с катушек. Только представьте, что в этом заключается весь смысл вашего существования.

— О чем ты? Они закрыли аэропорты?

— Конечно, они, бл*ть, закрыли аэропорты!

Все знают, сколько ущерба можно нанести, когда самолет используется, как оружие. Наконец, что-то щелкает в мозгу Марко. Кеке видит на его лице внезапную ясность.

— Ты говоришь, что становится только хуже?

— «Нэнси» пытаются все скрыть. Опасность массовой истерии, бла-бла. Но, да, все становится только хуже. Двадцать четыре часа назад была лишь пара, казалось бы, изолированных случаев, о которых сообщалось. Дальше их просто масса.

— Это не имеет никакого смысла. ИИ специально запрограммирован, чтобы никогда не причинять вред ни людям, ни животным.

— Что-то изменилось.

Марко снова чешет голову.

— Эти первые случаи. Они разбросаны? Или же начались из одной точки?

— Насколько мы можем судить, из общей точки, но все сообщения о них не были официальными. Просто посты на «СМстримс» от жителей.

Она вызывает подэкран, чтобы показать ему красные точки на карте. Над Сэндтоном их очевидное скопление. Через пару секунд карта обновляется, добавляя сотни новых точек и образуя зловещее гало.

— Святая Хеди Ламарр, — произносит Марко.

На миг Кеке видит в нем старого Марко, и от этого у нее сжимается сердце. Не то чтобы это теперь имело значение.

— Это не неисправность, Кеке.

Его лицо мерцает из-за помех. Она на какое-то время теряет его из виду, но затем он снова появляется.

— Кеке? — зовет он. — Я потерял тебя. Кеке?

— Я здесь, — отвечает она. — Марко. Я здесь.

— Послушай меня. Если ты можешь меня слышать. Это не неисправность.

И, когда уже Кеке готовится спросить его, что это, и что они

могут с этим сделать, их связь обрывается. Она больше не может с ним связаться.

Глава 46
Жаждущий Кеке

Ашрам «Раманана». Холмы Панчагири, Индия, 2036

Марко от недовольства бьет по «Тайлу». Сигнал здесь хуже, чем зуд на шее. Неудивительно, что в этих горах йоги проповедуют отсоединение от сети. Это все равно, что вернутся в средние века, Сети ради.

— Прости, — шепотом говорит он девайсу. — Это не твоя вина, что до нас еще не дошли квантовые технологии.

Ему нужно быть поласковее со своим «Тайлом». Он полирует его своим рукавом. Это может быть единственным способом спасти Кеке.

В дверь слабо стучатся. Входит мудрец и останавливается, когда замечает Марко с электронным устройством в руках. Растерянно и с разочарованием хмурится, хоть и пытается не показать этого.

— Марко, настало время начать обет.

Они запланировали трехдневный обет молчания, который они закончат яджна. Вдруг, Марко приходит мысль, что если ему придется оттирать хоть еще один каменный пол, он выбросится из окна.

— Не могу, — отвечает Марко. — Простите. У меня срочное дело.

— Срочное дело — это понятие, выдуманное человеком.

Голос мудреца спокойный, как ясный пруд.

— Оглядись вокруг. Здесь нет срочных дел.

Рука Марко взметается к заплатке на его глазу. Он прощупывает края липкими кончиками пальцев.

— Это моя подруга. В Южной Африке. Она в беде.

— Исправлять ее ситуацию не твое дело. Не забирай у нее эту власть.

— Это важно. Мне просто нужно время. Полчаса. Я присоединюсь к вам, как только смогу.

От лжи у него краснеют щеки.

— Как пожелаешь, — произносит мудрец и начинает уходить. Он кладет руку на дверь. — Надеюсь, что ты не бросишь все, чего мы добились, избавляя тебя от пристрастия к технологиям.

Если бы Марко мог вытолкнуть мужчину из комнаты, он бы так и сделал.

— Да, — отвечает Марко.

Что угодно, только бы от него избавиться.

Знание, что Кеке и другие в опасности, взрывает пахнущий благовониями пузырь, в котором Марко жил все это время. Он изо всех сил пытался разобраться в своей голове, починить себя перед тем, как сможет попытаться починить свои отношения с Кеке, но знание, что сейчас она в опасности, а он не может до нее добраться, ощущается так, будто кто-то ударил его под дых. Он вообще ее теперь увидит? Он вспоминает все время, которое потратил, находясь здесь, когда мог быть с ней.

Если быть откровенным, его пребывание здесь было довольно неудовлетворительным. Теперь он понимает, что гнался за своего рода духовным ростом, модным в Голливуде в восьмидесятые. Что-то вроде дерьма наподобие «Карате пацан» или «Сенсей». Гнев пришел — гнев ушел. Но на самом деле он лишь играл. Надеясь, что, если выпьет достаточно ашрамского «Кул-Эйда», то действительно обретет покой и всепрощение. Он притворялся, что может быть счастлив в этом аналоговом мире осознанного физического труда и медитации, когда на самом деле он цеплялся за свою жизнь в онлайне: он чувствовал себя собой, когда занимался тем, что у него получалось лучше всего. Больше всего, конечно же, он скучал по Кеке, хотя это слишком слабо сказано. Ее образы держали его сон в заложниках: теплые пальцы воспоминаний не давали ему уснуть. Ощущение ее присутствия, ее запаха. «Жаждал» — более подходящее слово. Оно почти что способно подвести итог тому, что происходило последние несколько месяцев. Лет? Признается он себе или нет, он жаждет Кеке.

Он перезагружает «Тайл», надеясь, что новое соединение будет более стабильным, но звонок Кеке не проходит. Мужчина хочет сказать ей, что, может быть, сможет помочь, в конце концов. Это правда, что у него нет опыта в сфере неисправности дроидов, но он подозревает, что происходит что-то другое: что-то более зловещее. Да, он теоретик заговоров и от природы параноик, но что-то в этом «восстании» ощущается подлым, и Марко догадывается что.

Он пытается снова с ней связаться, безуспешно, так что решает сконцентрироваться на том, чтобы узнать все, что может о нападениях. Мужчина думает, что на то, чтобы вернуться в форму понадобится время, особенно, используя этот троглотит «Тайл», что, может быть, он немного заржавел, и ему понадобится время приспособиться, но он ошибается. Как только он входит в устройство, словно превращается в пулю в масляной комнате, и через двенадцать минут, он собирает достаточно мрачных данных, чтобы подтвердить свою теорию. Ему приятно. Он не хочет, чтобы это было правдой, но, черт, это ощущается просто

фантастически. Его синтетическое сердце бьется молотом. Запись из отеля «Бент» раз за разом проигрывается в его голове.

Плохая новость в том, что он был прав насчет этого так называемого восстания, что это не неисправность кода. Как только он увидел эти умножающиеся красные точки, он все понял. Он тотчас же узнал модель. Это не случайность, не восстание и не дефект. Оно несет в себе все признаки инфекционного агента, размножающегося в пределах хозяина.

Это вирус, и это самая страшная вещь, которую он только видел.

Глава 47

Видео массовой смерти

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Льюис и Зак входят в темную кинокомнату, и Льюис зажигает свет, прерывая преступников, которые смотрят старый документальный фильм о природе.

— Эй! — выкрикивает кто-то из них, не успев понять, кто перед ним.

— Простите, что прерываю, джентльмены, — говорит Льюис, останавливая фильм. — Нам нужна эта комната.

Мужчины недовольно ворчат, но никто не осмеливается выступить против Льюиса. Они встают и плетутся прочь.

— Катись! — говорит он медлительному типу, затем закрывает за ним дверь. — Они видели этот фильм про гризли уже раз сто.

Зак пролистывает доступные на DVD фильмы. Весьма скромные картины. Никаких новинок, никакого секса или насилия. Лишь старые документальные фильмы про природу, легкие ситкомы и винтажные фильмы для поднятия настроения. Он выбирает один из фильмов, открывает обложку и рассматривает.

— «Вечное сияние чистого разума».

Льюис смеется над старой техникой.

— Когда ты в последний раз видел что-то подобное?

Даже пыльный DVD плейер выглядит столетним.

Льюис передвигает усилитель источника, затем вводит код, чтобы разблокировать видео с логотипом «СкайРест». Затем нажимает подтвердить и смотрит на Зака.

— Ты уверен, что хочешь узнать про это дерьмо?

Зак кивает.

— Это все равно что плохое порно, — поясняет он.

— А?

— Ну, это не то, что можно потом развидеть.

Зак снова кивает, Льюис пожимает плечами и нажимает на воспроизведение.

Они занимают места в первом ряду, и фильм начинается. Вводный кадр — запись архитектурного строения с дрона: показывают некоторые лестные углы осколка-соты посреди глубокой зелени окружающего леса. Свой рассказ начинает женщина с медовым голоском.

— Добро пожаловать, — говорит она, — в «СкайРест».

Это голос Гаэлин? Или они просто все одинаковые?

Появляется реалистичная анимация падающего в лесу дерева. Дерево вскоре сереет, усыхает и ломается, но новый росток — ярко-зеленое деревце — выстреливает из-под его защиты.

— Легко потерять связь с природой, когда живешь безумной городской жизнью. Частично эта потеря связи возникает из-за представлений о смерти, как, в сути, негативном опыте.

Что-то в индустрии смерти кажется ему знакомым, но он не уверен, почему.

«Поэтому меня отправили именно в эту Крим-колонию?»

— Но что отличает «СкайРест» от других городских вертикальных кладбищ?

В голове Зака одно за другим все встает на места, будто кто-то перетасовал колоду карт.

«СкайРест» предлагает клиентам множество вариантов захоронения…

На экране появляются шестиугольные рамки, чтобы продемонстрировать доступные альтернативы, и первая рамка увеличивается: внутри нее надгробная плита.

— Наше традиционное захоронение содержит в себе все отличительные признаки обычного захоронения за исключением того, что оно происходит на одном из наших небесных этажей. Приглашаем вас посетить место отдыха дорогого вам человека в любое время дня и ночи.

В следующем кадре урна на каминной полке.

— Если так вышло, что вы выбрали обычную кремацию, мы можем предложить вам множество вариантов того, что делать с прахом. Это, среди прочего, включает: смешать его с масляной краской и поручить художнику создать для вас уникальную работу. Перегнать его и превратить в украшение или же закопать под корнями саженца, который вы можете забрать домой и посадить в своем саду.

Все кажется логичным. Зак пока не понимает что тут такого.

— Если вы не хотите хранить останки, мы также можем предложить водную кремацию.

Ладно, что-то новенькое, но все еще едва ли сомнительно.

— Это популярные варианты захоронения, — говорит диктор, — но все они вредны для окружающей среды, а в «СкайРест» мы стремимся вдвое сократить вредные углеродные выбросы. Если для вас также важно покинуть этот мир, причиняя минимальный вред природе, вы можете рассмотреть наши экологичные решения.

Уши Зака покалывает, на экране появляется анимированный логотип «СкайРест».

«СкайРест» представляет… «Реконструкция™». Ваша дверь к Вечной жизни.

Зак сразу же вспоминает зомби. В этом месте мертвые тела возвращают к жизни? Огромнейшие суммы денег были потрачены на создание технологии бессмертия, но, поразмышляв, он понимает, что это место не такое. Все, что он видел, было зеленым и экологичным, и мужчина чертовски уверен, что зомби не вписываются в это уравнение.

— Большинству людей трудно принять внезапность и необратимость смерти, особенно, когда это смерть близких. Благодаря запатентованной технологии «СкайРест», ваш дух сможет жить, питая землю, которая поддерживала вас всю вашу жизнь.

Зак старается даже не моргать.

— Традиционные погребения совсем неестественны. Тела сохраняют при помощи канцерогенов, формальдегида, а потом запечатывают в гробы, в которых те еще больше бальзамируются, растрачивая драгоценную землю и отравляя землю. Даже кремация наносит вред окружающей среде: одна процедура кремации сопровождается выбросом в воздух целого химического коктейля. По сути, наша юридическая команда здесь в «СкайРест» предрекает, что оба этих варианта погребения запретят к сороковому году. «Реконструкция™» предлагает конструктивное решение для тех, кто остановил свой выбор на экопогребении.

Вновь появляется анимация с ростком.

«Реконструкция™» оказывает влияние на круговорот жизни, представляющий собой стремительную, динамичную урбанистическую материю, и напоминает нам, что, как люди, мы тесно связаны с матушкой природой.

Молодая женщина лежит на земле в лесу, спящая. Мертва? Она обнажена, за исключением стратегически прикрытых листьями мест. Ее длинные светлые волосы красиво уложены на фоне темной земли. Все больше и больше мертвых листьев покрывает ее тело, пока она не становится невидимой. Земля поглотила ее.

— Вот.

Льюис останавливает видео.

— Теперь доволен?

— Да, — отвечает Зак. — Нет. Я не понимаю, и что тут за тайна. Почему это такой секрет?

— Что я могу сказать? Это смерть. Людей это нервирует.

— И как все работает?

— Ты хочешь, чтобы я обрисовал тебе бл*дскую картину?

— Мы можем досмотреть до конца?

Зак уже знает ответ и недоволен. Он не спит, не ест и просто хочет знать ответы. Он слишком многого требует?

Льюис выключает экран.

— Ты не готов к концовке.

Видео затронуло деградирующую память Зака. Перед его глазами мелькают образы мертвых людей: лицо за лицом, уходящие в забвение.

Файл Рамфеле.

Затем, в похожем на сон сценарии, он видит себя, делающего укол молодой девушке, и она падает и умирает у него на руках. Разрозненные воспоминания вызывают у Зака недоумение и ярость.

— Ты знаешь, почему я здесь, Льюис? Ты знаешь, за что меня осудили?

— Не знаю. И не хочу знать.

— Меня признали виновным в убийстве свыше сотни человек.

Рука Льюиса замирает на его бороде.

— Так что не говори мне, что я не готов увидеть конец еб*ного видео. Не говори мне, что я не могу уложить в голове видео массовой смерти. Я друг Смерти, понял? Я бл*дский Мрачный жнец.

Глава 48

Космическая игра в шахматы

12 лет спустя. Институт Липворт, Йоханнесбург, 2036

Кейт находит Кеке за столиком в освещенном рассветом «Револво». Купаясь в оранжевом свете, она стоит у окна со слезами, бегущими по щекам. Ее лицо застыло: она не шмыгает носом, просто плачет. Она словно один из синемаграфов, которые были в моде, где на изображении движется всего лишь один объект. Кейт медленно подходит к Кеке, не желая разрушать ее задумчивое настроение.

— Что случилось? — спрашивает она. — Кеке?

— Красиво, да?

Кейт смотрит в окно. Цвета рассвета просто сумасшедшие. Будто кто-то раскрасил обычный рассвет жидким ЛСД.

Взгляд Кеке задумчив.

— Я хочу сказать, что ненавижу это загрязнение воздуха девяносто девять и девять десятых процентов времени. Но, черт! Это не тот случай.

Они проводят момент, впитывая в себя это великолепие.

— Последний рассвет будет самым красивым, — говорит Кеке.

— Кто это сказал? Конфуций? Далай Лама?

— Нет, — отвечает Кеке, потягивая свой третий напиток. — Ваша покорная слуга.

— Перестань. Это не последний наш рассвет.

— У меня дурное предчувствие, Котенок. Очень дурное.

— Сильвер очень больна, — произносит Кейт.

Эта фраза выдергивает Кеке из задумчивости.

— Проклятье! Я так увязла в этом дерьме с судным днем и Марко, что полностью забыла, почему мы здесь.

— Ты была права. Она сделала тюнинг. В подполье, и Морган не знает, как все исправить.

— Повреждение мозга?

— Мы пока не уверены.

— Бл*ть! Мне так жаль. Я не знаю, что сказать.

— Не надо ничего говорить, правда.

Кеке вылазит с дивана, в процессе опрокидывая свой пустой бокал, и обнимает Кейт. Они целуют друг друга в щеку, затем снова садятся. Кейт ощущает соленый вкус Кеке на своих губах.

— Подожди, — говорит Кейт. — Ты сказала, что говорила с Марко? Серьезно? Он ответил на твой звонок?

— С неохотой.

— Сколько? Сколько лет уже прошло?

— Не знаю, — врет Кеке. — Я потеряла счет.

— Ублюдок. Как он?

— Отощал.

— И что он ответил? Типа: «Привет, Кеке»?

— Вроде того.

— Ты сказала ему, что ждала его?

— Нет. Разговор был не о том. Я попросила его о помощи. Чтобы он взломал бродячих ботов.

— И?

— И… это не его специализация.

— Готова поспорить.

— Ну, да. Он мог бы, бл*ть, попытаться.

— Морган сказал почти то же самое, когда я попросила его вылечить Сильвер. Он умыл руки. Сказал, что это слишком опасно.

— Наверное, он лучше знает.

— Да.

— Ну, — говорит Кеке, стирая следы со своих щек. — Похоже, что нам придется, бл*ть, сделать все самим.

— Похоже на то, — отвечает Кейт, и они улыбаются друг другу.

В воздухе ощущается что-то вроде подведения итогов, словно они достигли конца чего-то. Кейт ощущает новый вид ностальгии — задумчивое предварительное запоминание. Может ли это стать их последним днем вместе?

Кеке глубоко вздыхает, будто она готова броситься и спасти мир.

— Судный день или нет, мы сделаем его запоминающимся.

Подъезжает бот-официант и поднимает с пола бокал Кеке.

— Добро пожаловать в «Метро Револворант»! — говорит он Кейт.

Они ждут, когда он уедет, прежде чем заговорить снова.

— Я хочу попросить об услуге, — говорит Кейт.

— Все, что угодно.

— Ну, если быть честной, это не просто услуга.

— Ты же знаешь, я сделаю для тебя, что угодно, — говорит Кеке.

— Это другое.

— Выкладывай, женщина!

— Морган рассказал мне кое-что о Сильвер. Он не считал это важным, но…

— Но?

— Думаю, это важно. Что-то подсказывает мне, что это важно, или, клянусь, я бы тебя не попросила.

— Сети ради. Мне вытягивать это из тебя?

— Ладно. Так значит Сильвер в этом, как его, состоянии сна? И она кое-что бормочет. Что-то важное. Я попыталась прислушаться, и поначалу все не имело смысла, но потом она очень четко произнесла… она сказала «Зак».

Глаза Кеке вспыхивают.

— Зак?

— Да. Так же ясно, как гром. Зак, Зак, а потом она сказала: «Найти Зака».

— Я не вижу связи.

— Как и я! Но помнишь тот день в «Гордан», когда он сказал, что ему нужно рассказать мне что-то важное? Но потом его арестовали, и у него не было шанса сказать что-либо еще, а затем… я уверена, что говорила тебе… я переживала, что не знаю. Так что я пыталась найти его. Хотела посетить его в тюрьме и

поговорить. Но когда я начала задавать вопросы… полиция сомкнула ряды.

— Знаю, — отвечает Кеке.

— Знаешь? Знаешь что?

— Они не сказали мне, где он. Они сказали, что это особое дело, потому что он очень опасен. Не хотели, чтобы пресса что-либо пронюхала. Чтобы что-либо просочилось из-под одеяла. Я пыталась узнать детали о суде, но никто, с кем я говорила, не смог мне ничего рассказать.

— Именно. Будто система просто проглотила его целиком.

— Такое случается, — говорит Кеке. — Помнишь того политика, который бросил вызов Шини Вама в дебатах? Она исчезла без следа. А тот журналист — Мпуми — помнишь его? Ты всегда говорила, что он выглядит, как модель с обложки журнала «Дра».

Мпуми выглядел ретросексуально, по-софиатаунски и обладал афровинтажным шиком, когда они познакомились. Теперь Кейт представляет его чуть старше: такого же безупречного, как и раньше, но, возможно, с легкой сединой в волосах.

— Проклятье! Он помогал мне с делом Бетти-Барбары.

— Исчез. Сегодня его назначают главным редактором «Эхо. новостей». А завтра его парень сообщает о том, что тот пропал. Словно их выдернули из нашей реальности. Похоже на какую-то космическую игру в шахматы.

— Ужасно. Зачем им его похищать? Он пытался разоблачить коррупцию?

— Не. Это слишком невинно. По слухам, он был своего рода двойным агентом. И довольно безжалостным. Он был готов на все ради истории. Заключил много сделок с кучей опасных людей.

Кейт вздыхает и постукивает по столу.

— А, тогда ясно. Забудь об услуге.

— Ты хотела, чтобы я нашла Зака?

— Да. Я понимаю, что это звучит безумно, но… что-то подсказывает мне, что он может быть нашим единственным шансом вывести Сильвер из этого состояния.

— Ну, тогда у меня для тебя хорошие новости.

— А? Но ты только что сказала…

— Я сказала, что полиция не стала говорить мне, где он. Я не сказала, что бросила поиски.

Глава 49

Бутоны ваших близких

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

— Извини за прошлый вечер, — говорит Зак Льюису за завтраком.

Льюис смотрит на него, выгнув свои седые брови, и жестом показывает присаживаться.

— Забудь. Я ожидал подобного. Новичкам всегда сложно осмыслить работу, которой мы здесь занимаемся. Но, — говорит он, отодвигая свою тарелку, — после того, что ты мне сказал, думаю, у тебя не будет проблем с тем, чтобы вписаться.

Зак садится и бросает взгляд на позабытую еду. Омлет без яиц? Голландские блинчики? Ему не нравится мысль о том, чтобы есть то, что он не может идентифицировать.

— То, что я сказал… не совсем правда, — сообщает Зак. — По крайней мере, не полностью.

— Мне нет нужды знать, парень. Я не твой священник. Или адвокат.

— Но я хочу, чтобы ты знал, что все не так, как выглядит. Не так, как я хотел, чтобы это выглядело.

— Лады.

— Я не серийный убийца, — говорит Зак.

Льюис смотрит на него поверх ободка кофейной кружки.

— В самом деле?

— Все сложно.

— Лады, — повторяет Льюис.

— Лады?

— Никто не идеален, так? Мы все ошибались. Тут и там.

Льюис принял его извинения?

— Но есть одна вещь.

Мужчина прочерчивает контур выбоины на столе.

— Я не хочу тебя обидеть.

Зак смотрит на него.

— Ты в последнее время смотрелся в зеркало?

— Что?

— Ты выглядишь дерьмово, парень.

Зак расчесывает волосы пальцами и трет глаза.

— Я не спал.

— Вижу. По твоим глазам видно, что твое прошлое насыщеннее, чем у супермодели.

— На самом деле мне кажется, что чувствую я себя еще хуже, чем выгляжу.

— Нет, невозможно, бл*ть, — отвечает Льюис, запрокидывает голову и смеется.

Несколько резидентов прекращают есть свой омлет-блинчик и смотрят на них, и Зак смеется тоже.

— Может, совет дашь? — спрашивает он.

— Совет? Конечно. Найди еб*ное зеркало.

Зак смеется.

— Нет, правда, — говорит Льюис. — Тебе лучше начать спать. И есть! То, как ты выглядишь… ну…

Он жестом обводит здание над ними.

— Если ты не будешь осторожен, в следующем видео они используют тебя.

Звучат теперь уже знакомые сирены, давая им понять, что начинается их рабочая смена. Мужчины вздыхают, выкидывают то, что осталось на их тарелках и выскакивают из столовой. В этот раз они идут в холл, который Зак еще не видел. Надзиратель показывает им, как пересаживать растения, которые переросли свои контейнеры. Розы, гортензии, клены, ползущие бостонские плющи, лианы из Вирджинии. Учитывая вчерашнее видео, он думает, что забрать домой цветущий саженец бостонского плюща лучше, чем прах. Вы можете поставить дома урну с прахом, с которым не знаете, что делать, или можете посадить это растение, которое разрастется по всей стене — по всему зданию — и будет менять цвет от сезона к сезону между зеленым и красным. Ежедневное напоминание о человеке, которого вы потеряли, но не совсем. Или розовый куст: можно всегда будет иметь бутоны ваших близких.

Они нажимают на контейнеры растений, чтобы высвободить корни, а затем помещают их в новую мягкую землю. Это работа-терапия, и Зак начинает расслабляться впервые с того, как он здесь. По аудиосистеме играют классическую музыку. Его плечи расслабляются; разум тоже. После пересадки им нужно перевезти немного земли в тачках, затем их инструктируют подмести и упаковать опилки и сжечь их в комнате для сжигания. Упражнение ощущается приятным. Работа легкая, монотонная и становится медитацией. Он продолжает проверять запястье на предмет новой награды и гадает, как много времени пройдет прежде, чем он получит первую полоску на лацкане.

Это место не такое уж плохое. Затем он поправляет себя: все могло быть хуже.

***

Их смена заканчивается, они принимают душ и ждут ужин, тусуясь в комнате Льюиса. Он все еще в хорошем настроении, делает жим и ест протеиновые крендели. Его обнаженная грудь бугрится мышцами, которыми гордился бы мужчина вдвое младше него, а его тату кажется темнее, чем обычно, а цвета насыщеннее. Иллюстрация словно пульсирует на его коже, как

будто дракон живой.

— Готов уже поплавать? — спрашивает Зак.

— Я уже чувствую, какова эта вода, ты же знаешь. Я чувствую, как она колышет мои волосы при первом погружении. Охлаждает кожу на голове.

— Должно быть, приятное ощущение, — замечает Зак. — После всего этого времени.

— О, да.

Он опускается от перекладины, затем опустошает полбутылки воды.

— О, да.

Льюис предлагает ему пакет кренделей с логотипом «СкайРест». Зак колеблется.

— Давай, — говорит Льюис. — Они не кусаются.

Зак засовывает руку в пачку, берет несколько штук, затем высыпает их на другую ладонь. Осторожно кладет один в рот. Совсем неплохо.

— Ты расскажешь мне остальное? — спрашивает Зак.

— Остальное?

— Конец видео. Расскажешь мне, как они это делают?

— Хорошо, — говорит он, садясь. — Конечно. Почему, бл*ть, нет?

Зак ест второй крендель. На самом деле, они довольно вкусные.

— Что ты хочешь знать?

— Все.

Глава 50

Материал, богатый азотом

— Когда-нибудь слышал об «Уроборос»? — спрашивает Льюис.

— Твое тату, — отвечает Зак. — Змея, пожирающая свой собственный хвост.

Зак узнает древний египетский символ замкнутого круга, обозначающего вечное возрождение, который использовали и переработали философские течения, начиная от греческих магов и алхимиков до гуру здоровья, проповедующих Кундалини.

— Все верно. Здесь они запустили подобную систему. Самоподдерживающуюся. Все, что ты ешь, носишь или к чему прикасаешься здесь, производится в этом месте. Их собственный вариант бессмертия.

— Реконструкция.

— Реконструкция — основная технология, да. Есть и другие, и даже больше, учитывая экспериментальные.

— И как работает реконструкция?

— Реконструкция — это, когда берут богатый азотом материал…

— Что?

— Богатый азотом материал. Так они это называют.

— Ты имеешь в виду тела? Мертвые тела?

— Да, их.

— Так значит, они берут богатые азотом тела и кладут их в гору материала, насыщенного углеродом… например, опилки и щепы. Добавляют немного влаги и дополнительно нитроглицерин, чтобы ускорить процесс. Может быть, немного люцерны.

Зак вспоминает красивые фиолетовые цветки люцерны, над которыми они работали в прошлую смену. Что сказал на счет них Льюис? Что это женская трава, элемент земли и особенно хороши в сандвичах.

— Затем в дело вступают микробы. Из-за активности микробов куча готовится. Их жар убивает все плохое. Патогены. Это можно почувствовать.

— О чем ты?

— Мы называем это подогревом пола. Тепло из глубины этого здания. Там ядро. Там все и происходит. Тела наверху служат удобрением внизу.

Человеческий компост.

Рот Зака увлажняется. Он пытается подавить отвращение.

— Затем они ухаживают за компостом. Иногда клиенты хотят забрать компост домой. Они сажают еб*ное дерево или еще что. Или позволяют сделать это кому-нибудь здесь. Высаживают один из этих саженцев в лесу за зданием. Вешают на дерево табличку или ставят рядом лавочку с серебряной доской под ней. Но большая часть компоста остается невостребованной. Его то мы и используем для аэропоники. На этом мы все здесь выращиваем.

Зак выплевывает крендель изо рта.

Льюис смеется.

— Ха, это обычная реакция.

Зак оглядывается в комнате. Его форма, хлопок, перекус Льюиса, мыло, зубная паста, на всем стоит логотип «СкайРест».

— Да, — говорит Льюис. — Даже туалетные принадлежности. Конопляное масло, мисвак и гомосапиенс. Так что привыкай.

Зак тянется к воде и полощет рот, выплевывает воду в раковину Льюиса.

— Как только у тебя будет время подумать, ты поймешь, что это абсолютно разумно. Это полный цикл. Никакого бальзамирования. Никакого отравления почвы. Никакой привязанности к мертвым телам. Если так об этом подумать, то

привязанность к мертвому телу страннее, чем позволить ему вернуться в землю. Никаких затрат, никакого вреда, лишь энергия, идущая в ход. Круговорот энергии, как это и должно быть. Процесс на самом деле, ебать как, красив.

— Все здесь… Остальные резиденты об этом знают?

— Большинство. Некоторые идут с красными флажками. Админ решил, что им лучше не знать. От правды лучше не станет.

Заку дурно.

Звонок зовет на ужин.

Глава 51

Никому не нравится хранить секреты

12 лет спустя. Институт Липворт, Йоханнесбург, 2036

— Ты знаешь, где Зак? — спрашивает Кейт Кеке.

— Конечно, я знаю, где он.

— Ты нашла его?

— Было нелегко, но, когда я не смогла найти на него файлы, вообще ничего о суде над ним или о приговоре, я выследила того копа.

— Копа, который…

— Да. Рамфеле. Парня, который надел на меня наручники, когда я была в больнице с Марко. Помогала и подстрекала серийного убийцу, как он сказал. Чушь собачья.

— Не могу поверить, что ты знала все это время. Почему ты мне не сказала?

— Тебе и так хватало. Люмин. «Воскресители». Операция и восстановление Мэлли. Я уже невольно втянула тебя в его безумие в тот день в «Гордане». Я думала, что ты быстро забудешь.

— Он мне все еще снится, — говорит Кейт. — Это безумие, потому что на самом деле я не знаю его. То есть я видела его всего пару минут, но, когда он мне снится, его лицо ясное, как день. Между нами словно некая странная и сильная связь.

— Знаю. Я думаю о нем каждый день, — говорит Кеке, — но по другой причине.

— По какой?

— Разве не ясно? Потому что он там из-за меня.

— Нет.

— Да. Это я заключила сделку с Рамфеле. Зак доверял мне, а я его подставила.

— Это не ты убивала тех людей. Он там, поточу что он убийца.

Кеке трясет головой.

— Зак не убийца.

— Двенадцать лет, — говорит Кейт, в неверии качая головой. — Мы были в той больнице, будто только вчера. Ты можешь представить, каково это находиться в тюрьме столько лет? Особенно, когда ты невиновен. Ты хоть представляешь, что с тобой будет?

— Я пыталась рассказать это детективу, но ему было все равно. Он преследовал Зака годами.

— Должно быть, ты его осчастливила, согласившись помогать ему.

— Это было странно, потому что он так отчаянно желал арестовать Зака, так? Словно от этого зависела его жизнь. Но потом, когда я увидела его после, он был… расстроен.

— Расстроен?

— Вроде как… в настоящей депрессии. Мы встретились в одной дыре в Рандбурге. Отвратительное место. Искусственный камень плитняк, от которого пахнет пивом недельной давности. Разбитое стекло на полу. Сломанные разливные автоматы. Они буквально подавали в баре тараканов.

Кеке содрогается.

— Я поняла, что он там завсегдатай. Пиво было дешевым; я знаю, потому что заказывала его и заказывала. У него была словно неконтролируемая жажда, будто никакое количество выпивки не способно ее утолить.

— Ты всегда была хороша в своей работе.

— Да, что ж. На самом деле, это легко. Никому не нравится хранить секреты. Я давно это поняла. Секреты обладают слишком большой силой. Их становится все больше… и люди теряют контроль. Большинство людей только и ждет повода, чтобы все рассказать.

— Это приносит облегчение, — говорит Кейт, — и уменьшает их силу.

— Именно.

— Так в чем признался детектив в депрессии?

— Рамфеле не стал признаваться. Он не хотел мне ничего говорить об этом деле, но там, определенно, происходило что-то нечистое — я чувствовала… видела, что это сжирает его изнутри. Затем после нашей встречи… Отгадай что?

— Что?

— Он пропал. В участке, в который я звонила, сказали, что он ушел на пенсию, но не было никаких документов, которые это подтверждали бы. Его личное дело просто исчезло, будто его и не было. Кто-то еще, с кем я говорила, сказал, что однажды он просто не пришел на работу.

— Что за нах*й?

— Так что я посчитала, что он либо совершил что-то, с чем не смог жить — например, посадил невиновного — и решил покончить с собой… или кому-то не понравилось то, что он мне рассказал. Его сочли ненадежным.

— Космическая игра в шахматы.

— Бл*дская космическая игра в шахматы. Но мне удалось узнать, где они держат Зака.

— И где он?

— В «СкайРест».

Кейт умолкла. Она почувствовала, что у нее горят щеки.

— «СкайРест». Серьезно? Это в Форвейз. Двадцать минут на тук-туке. Зак жил менее чем в получасе езды от нас на протяжении двенадцати лет, и ты ничего, еб*нный в рот, не говорила?

— А зачем?

— Я должна была спросить, что он хотел мне рассказать!

— Лишь потому, что это близко, не значит, что ты можешь заявиться туда на чашечку чая с булочками. «СкайРест» обладает самым высоким уровнем защиты среди всех исправительных колоний. Туда отправляют только самых опасных преступников. Там жесткие правила: никаких посетителей, политика никаких контактов. И там, вроде как, три уровня биометрической безопасности. Кроме того, знать, что он так близко… это лишь расстроило бы тебя еще сильнее.

— Оттуда нам знать, что он все еще жив?

— Потому что, если бы он был мертв, они бы об этом сообщили. Таково правило для любой колонии. Помнишь ту вертикальную колонию шахту в Фокенге? Преступники жили в шахте?

— Их закрыли. Недостаточно прибыли.

— Да, их закрыли, но не потому что бизнес прогорел. «Нэнси» просто еще раз втерли нам свою чушь. Бизнес шел хорошо — достаточно неплохо во всяком случае — их закрыли, потому что уровень смертности в их колонии был выше допустимого порога.

— Но они могли просто подделать цифры?

— Подделали бы, если могли. Без сомнений. Но совет по правам человека ООН проверял их, так что им пришлось проставить цифры или у них были бы проблемы мирового масштаба. Если был бы лишь намек на творческий подход к подсчету погибших, КПЧ закрыла бы их до того, как они успели произнести исправительный трудовой лагерь.

— А это ударило бы по нашей экономике.

— Значительно. Последние данные, которые я видела, гласили, что колонии приносят тридцать восемь процентов нашего ВВП.

— Ох*еть.

— Представь, что их закроют и вернутся к старой тюремной системе, которая стоит на финансировании государства вместо того, чтобы приносить деньги. Теперь ты видишь смысл сохранять их операции чистыми. Или, по меньшей мере, достаточно чистыми, чтобы не возникало проблем.

С минуту они просто смотрят друг на друга.

— Так что Зак жив. Он в «СкайРест», — говорит Кейт.

— Все факты указывают на это, да.

— Нам нужно вытащить его, — говорит Кейт, холодная, как «ТранИкс».

Кеке резко втягивает воздух.

— Ты слышала, что я сказала? Это невозможно.

— Это единственный способ спасти Сильвер.

— Ты этого не знаешь.

— Это лучшая догадка. Зачем бы ей еще искать его? Она его даже не знает. Никогда не слышала его имени.

— Я не могу этого объяснить. Я хочу сказать…

— Она не говорила больше ничего. Ни слова. Не «спасите меня», «мама» или «Мэлли», ничего, — говорит Кейт. — «Найти Зака».

— Как? — спрашивает Кеке. — В обычный день это было бы невозможно. А теперь мы имеем дело с бродячими ботами, да еще и с охотниками на ботов. Ты видела отчеты? Они убивают друг друга на улицах. Гражданские тоже. Все становится только хуже.

Они обе бросают взгляд на бота-официанта, который перестал пылесосить. Его глаза закрыты, будто он выключился на нано-сон. Верхние огни мерцают, затем снова стабилизируются.

Глава 52

Лимонная сердцевина ствола

Кеке встает и собирает вещи.

— Куда ты идешь?

— А ты как думаешь? — спрашивает Кеке. — В «СкайРест». Пойду за Заком.

— Нет, — произносит Кейт. — Это слишком опасно.

— А, ну, — произносит Кеке. — Это будет круто в любом случае.

— Не *би мне мозги, Кеке.

— Я и не *бу.

— Когда я попросила тебя об услуге… найти Зака… я не имела в виду, что хочу, чтобы ты пошла и привела его. Я бы никогда не попросила тебя рисковать своей жизнью ради меня.

— Я делаю это не ради тебя. А ради Сильвер.

Лиловый поток печальной благодарности спиралью вьется на периферии зрения Кейт.

— Ты не можешь. Ты права, это невозможно. Ты даже не сможешь войти.

— Какой крестной я буду, если даже не хочу сразиться с парочкой бродячих ботов и вломиться в самую защищенную Крим-колонию, чтобы найти персонажа из снов Сильвер?

Кейт улыбается.

— Ни за что. Я пойду за Заком. Ты останешься здесь и будешь с Сильвер.

— Мне здесь не рады, — говорит Кеке.

— Тут безопасно.

— Нигде не безопасно. Если ИИ действительно пытается убить нас, тогда… нигде не безопасно. Я с таким же успехом могу отправиться на улицу с оружием наготове.

Тогда в чем вообще смысл? В чем смысл находить Зака и спасать Сильвер, если они все всё равно умрут? Но Кейт знает, что должна что-то сделать. Она думает о теле Сильвер, лежащем в той белой комнате, такую близкую к жизни и к смерти. Она должна попытаться, несмотря на шансы против, потому что вот что происходит с сердцем, когда у тебя есть дети. Оно разбивается на две части — или в ее случае на три — и ощущается так, будто твое сердце бьется вне грудной клетки, чуть за пределами досягаемости, пульсирует и выносит удары стихий.

— Я сделаю это не важно, что ты скажешь, — говорит Кеке, — так что сотри это выражение опустошения со своего лица.

— Не надо, — говорит Кейт, но не совсем имеет это ввиду и ненавидит себя за это. Она уже и так о многом просила Кеке.

Кеке уже на полпути из ресторана, когда оборачивается.

— Заплатишь!

— Ха-ха, — отвечает Кейт. — Напиток был комплиментом!

— Ха-ха, — кричит Кеке. — У меня есть десятка!

А потом она уходит, все кругом омывает голубая акварель, и у Кейт появляется очень острое ощущение, что она больше никогда не увидит свою лучшую подругу.

Внезапно ее «косточка» издает звуковой сигнал, кто-то взял трубку в ответ на исходящий вызов. Когда она ранее не могла связаться с Сетом, она настроила в своем устройстве бесконечный беззвучный набор. Дозвон шел больше двух часов.

— Сет! — кричит она.

— Нет нужды кричать.

— Я пыталась… неважно. Ты нашел Мэлли?

— Пока нет. Я был в хостеле Веги. Тут все плохо.

— Что?

— Тут словно гражданская война разыгралась. Еб*ный апокалипсис. Мародерство. Взрывы. Охотники на ботов набирают силу, убивают все, у чего нет пульса.

— О, нет.

— Теперь, когда есть свет, я вижу все во всех красках. Это… ужасно, Кейт. Ужасно.

Тело Кейт напрягается от тревоги; ее рот превращается в

лимонную сердцевину ствола.

Сет прочищает горло.

— Они собирают антроботов. Отдел безопасности ИИ.

— И что с ними делают?

Обычно такие новости не окрасили бы ее внутренности в желтый, но она знает, что Мэлли там снаружи и сделает все, что угодно, чтобы спасти Вегу.

— Не знаю, — отвечает Сет. — Они говорят, что это для их собственной безопасности, но я в этом сомневаюсь.

Кейт вспоминает о револьвере, прикрепленном к ее бедру.

— Ах, проклятье.

В ее тревоге появляется ярко-зеленый шип. Она бежит за Кеке, зовет ее по имени, но та уже ушла. Она тяжело дышит в «косточку».

— Проклятье!

— Что такое? — спрашивает Сет, находясь все еще на линии.

— Кеке. Я забыла отдать ей свой револьвер. Если там все так плохо, как ты говоришь, тогда…

— Она отравилась в город? Без оружия? Безумие. Останови ее!

— Уже слишком поздно. Она ушла.

— Куда?

— Она отправилась в «СкайРест». Ради Сильвер.

— Что?

— Объясню позже. Мне нужно идти за ней.

— Встретимся там.

Глава 53

Крик, идущий из самих костей

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Зак в лесу. Темном, как ужас. Он бежит от чего-то. Или кого-то? Листья бьют его по лицу. Тонкие черные ветви хлещут по щекам и рукам, пока мужчина убегает от опасности. Где он? Должно быть это лес, который окружает Крим-колонию. Он сбежал? Гердлер бежит, несмотря на то, что не видит ничего больше, чем на метр перед собой, несмотря на то, что ноги увязают в мягких горках земли, а лодыжки подворачиваются. Парень бежит и бежит, несмотря на то, что в его ногах не осталось сил. Паника подталкивает его вперед; делает его ноги невесомыми.

Он одет в свой костюм и галстук. Не знает, как и в каком направлении бежит. Просто продолжает это делать, пока не достигнет границы, а там выработает стратегию, куда двигаться дальше. Ему нужно оставить опасность позади.

Но с его планом есть проблема или, скорее, с лесом. Потому что он бежит, но остается на месте. Чувствует, что, несмотря на свой стремительный темп, не продвинулся ни на сантиметр — заколдованный лес, проклятый.

Вдруг, мужчина летит по воздуху и приземляется в мелкий ров, полный листьев. Из его легких вышибает воздух. Он касается земли по бокам от себя и понимает, что это вообще не ров. Он слишком глубокий. Это прямоугольная яма, шести футов глубиной. Могила. Это осознание душит его. Воздух густой от запаха гумуса и глины. Гниющих листьев. Слишком густой, чтобы дышать. Он карабкается, чтобы выбраться из ямы; но не может найти край.

Он наполовину поднялся по стене из земли, но камень поддается, и Зак летит вниз. Тяжело падает на спину, от шока после удара он так и лежит, пока его голова не перестает звенеть. Но вместо звона появляется другой звук: шепот, шелест и шорох, как от сотен ножек насекомых. Его лодыжке щекотно, потом его руке. Он подскакивает и стряхивает насекомых. Один из них пытается залезть ему в ухо, и Зак с криком смахивает его. Еще одна острая боль в ноге, а потом острая боль по всему телу, насекомые атакуют его роем. Зак кричит, пытаясь стрясти их. Словно почувствовав его страх, они кусаются. Они хотят поесть, пока от их ужина ничего не осталось. Он начинает чувствовать влагу, потоки крови смешиваются вместе. Его пальцы лихорадочно скребут по стенам из черной почвы, один из его ногтей отрывается. В конце концов, он находит корень, за который можно схватиться, и использует всю силу, которую дает ему адреналин, чтобы подтянуться и вылезти из смертельного куба.

Зак стряхивает то, что осталось от поедающих плоть насекомых и топчет их ногами. Он истекает кровью. Как только он уверен, что насекомых больше нет, он упирается руками в колени и пытается отдышаться. Опасность все еще никуда не делась, в лесу есть некое невидимое зло, но еще есть опасность, что он отключится и не сможет уже выбраться отсюда живым. Как он сюда попал? Все, что он помнит…

Позади него раздается звук, хрустит сухая ветка. Он резко оборачивается кругом, его сердце пытается выскочить из груди. Зак пытается различить, что — кто? — произвел этот звук. Он начинает отступать и пятиться к широкому стволу дерева. Выставляет руки позади себя, чтобы не удариться об ствол, но, когда его ладони касаются его, он их резко отдергивает. На ощупь ствол какой-то неправильный. Он оборачивается и кричит от испуга. Крик, идущий из самих костей. Ветви представляют собой

хрящи и сухожилия. Там есть волосы и скулы. Зубы. Фрагменты бледной женщины из видео стали частью дерева. Глазное яблоко поворачивается, чтобы посмотреть на него, и он снова кричит, хочет убежать, но ужас пригвоздил его к месту. Поток лунного света отбрасывает на дерево тусклый свет, и Зак понимает, что это не женщина с видео. Это он.

Зак кричит в темноте. Большая ладонь закрывает ему рот. Губчатая, холодная кожа на его горящей челюсти. Он резко распахивает глаза. Бернард пытается удушить его. Он пытается бороться с ней, но у нее преимущество, так как она над ним и использует весь свой вес, чтобы придавить его книзу, ставит колено ему на плечо. Он борется и борется, но от голода он ослаб, ослаб от нехватки сна и кошмара про лес. Зак пытается позвать Льюиса, но ее рука заглушает его голос. Постепенно, он перестает бороться, думает, что теперь она его убьет, разве это будет так уж плохо? Но когда он перестает бороться с ней, она ослабляет хватку. Вскоре она оставляет лишь на его губах руку, другую подносит к своим губам, прижимает к ним указательный палец, приказывая ему, молчать.

— Ш-ш-ш, — произносит Бернард.

Глава 54

Возвышение

Наступает день доставки по желобу, Заку приходит аккуратно упакованная посылка с наградой. Лысый резидент — Спад, так они его зовут — отдает ему ее.

— Поздравляю! — говорит Спад, хлопая Зака по плечу.

Гердлер думает, что тот имеет в виду награду, но потом он опускает взгляд туда, куда смотрит Спад: на его лацкане появилась цветная полоска. Его первый этап.

Зак заходит в комнату Льюиса и шокирован, что та пуста — там нет не только Льюиса, но и всех его вещей. Она полностью освобождена, остался лишь матрас для сна на полу.

— Разве не замечательно? — спрашивает голос у его уха.

Зак разворачивается кругом, прижимая посылку с наградой к своей груди. Это должно было стать подарком для Льюиса. Спад лыбится.

Гердлер рассеян из-за событий прошлой ночи.

— Что?

— Разве это не замечательно? — снова повторяет Спад. — Он ушел! Повышен!

Зак качает головой. Конечно. Льюис был возвышен. Это хорошие новости. Это очень хорошие новости, но почему его желудок переполнил ужас? Он опускает взгляд на подарок. Под его ногтями грязь, а один из них оторван.

Глава 55
Помечена для резни
12 лет спустя. Форвейз, Йоханнесбург, 2036

Кеке спрыгивает с солнечного трамвая, едущего на север, и с секунду стоит неподвижно, пока привыкает к своей новой реальности. По пути к Форвейз, она видела то, во что никогда бы не поверила, если бы об этом ей кто-либо рассказал. Город будто начал пожирать сам себя.

Прямо сейчас перед ней школа дымится в свете раннего утра. Подросток в потемневшей, опаленной форме, спотыкаясь идет к ней, и Кеке ловит ее. Пепел летает по воздуху, словно серый снег.

— Эй, — говорит Кеке. — Ты в порядке?

Раненая девушка не может говорить. Слишком травмирована? Но затем Кеке видит, что у той проблемы со ртом. Ее нижняя челюсть будто вывихнута.

Иисусе.

— Ты в порядке? Что случилось?

Но девушка все еще не может говорить. Она просто прислоняется к Кеке и впивается в нее взглядом своих широко распахнутых глаз. Вдруг Кеке понимает, что ни одна из ран девушки не кровоточит, и она отпрыгивает назад, отчего школьница падает на рябой тротуар и обдирает колено. Нет крови.

Кеке показывает девушке ладони.

— Прости, что я испугалась.

Антробот продолжает пытаться говорить сквозь сжатые челюсти. Сейчас она стала еще отчаяннее. Она ковыляет к Кеке, которая пятится, не желая, чтобы к ней снова прикасались.

— Я не хотела, чтобы ты упала. Я просто не поняла…

Не-кровоточащая девушка продолжает приближаться; Кеке почти спотыкается об лопнувшее колесо.

— Оставайся на месте, — говорит Кеке. — Мы найдем помощь.

Ее обещание звучит пустым в туманном воздухе. Повсюду вокруг себя она видит разбитый тротуар, коричневую почву, острые камни.

Школьный бот начинает плакать. Она в ужасе.

Из-за чего?

Ответ становится очевидным, когда дюжина других школьниц выходит из-за красных сосен, прилегающих к медленно горящему зданию.

Словно хихикающие гиены, девушки рыщут вокруг них. Они вооружены различным самодельным оружием: осколками стекла,

молотками, камнями. Кучей камней. Антробот плачет: протяжным, завывающим воплем, почти, как человек. Кеке подтягивает бота к себе. Ее обгоревшая форма окрашивает руки Кеке черным.

— Все в порядке, — говорит ей Кеке. — Ты будешь в порядке.

Только затем она замечает синий круг, нарисованный на спине ее формы. Отмечена как не человек: помечена для резни.

Их окружили. Девушки швыряют красную пыль и приближаются ближе, сужая круг.

— Что происходит? — сердито спрашивает Кеке с властностью в голосе, которой не ощущает.

— Что происходит, — передразнивает девушка с каре и молотком. Она задрала вверх воротник своей школьной формы, а на ее лицевой маске изображено лоботомированное шимпанзе.

Кеке читала об издевательствах над подростками-ботами в школах. Сперва она отреагировала так, что антроботов не стоит отправлять в школы — зачем? — но, очевидно, что в этом есть польза. Важно, чтобы человеческие дети привыкали к окружающему их ИИ, а машины-подростки помогали детям заниматься. Еще они хорошо затарены, так что у них всегда можно попросить запасной стилос, нитку с иголкой, тромбоцитарный пластырь или протеиновый батончик. Присутствие ботов делает детей более склонными к соперничеству, что хорошо, как для академических успехов, так и спортивных, но это меч о двух концах: те, что более остро ощущают конкуренцию, обижают ботов, показывающих слишком высокие результаты.

— Отдай ее, — говорит блондинка, у которой в руках осколок стекла. На ее пальцах синяя краска.

— Зачем? — спрашивает Кеке. — Почему вы пытаетесь причинить ей вред?

— Ей? Это не она. Это оно. Это робот.

Кеке бросает беглый взгляд на форму бота. Голотег гласит: «Ксарина».

— Ее зовут Ксарина, — говорит Кеке.

— Мы не зовем ее так.

Журналистка делает шаг назад.

— Роботы здесь, чтобы помогать нам.

Девушки фыркают и оскаливаются.

— Похоже, у нас тут симпатизирующая роботам, — произносит, наклоняя голову, девушка с синими пальцами. — Они еще хуже, чем роботы.

Дети шагают ближе, поднимается еще больше пыли, похожей на красный дым в воздухе. Их отточенные движения посылают

озноб по спине Кеке. Хореографичная жестокость.

— Что она вам сделала? — требует ответа Кеке.

— Она ненастоящая, ты не понимаешь?

Рой дронов особого назначения жужжит в небе над ними. Они спешат.

— Но зачем причинять ей вред?

— Где ты была? — требует ответа девушка с веснушками. — Машины сошли с ума. Они убивают людей. Нам нужно защищаться самим.

Ксарина хнычет и дрожит. Незнакомцы проходят мимо зловещей толпы, отводя глаза, видя, но не видя.

Ублюдки. И кто теперь роботы?

— Этот андроид не опасна. Посмотрите на нее. Посмотрите на нее!

— Мы не можем рисковать, — произносит блондинка. — Тетю Терри убил эскалатор в супермолле.

Плоская девушка, Терри предполагает Кеке, кивает.

— А на миссис Ндади напал Эльф-бот.

Когда Кеке выглядит недоумевающей, девушка добавляет: бот домашней безопасности. Тот, что должен защищать.

— Они убьют нас всех, если мы их не остановим.

— Я заберу ее с собой, — говорит Кеке. — Удостоверюсь, что она никому не причинит вреда.

— Ты! — смеется брюнетка. — И что ты собираешься делать?

— Я могу за себя постоять.

— Неважно, — говорит Веснушки.

— Посмотрим, — говорит школьница с молотком. — Посмотрим, как ты можешь за себя постоять.

Глава 56

Тела, как холодное сливочное масло

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Во время завтрака в столовой царит веселая атмосфера. Распространились слухи о том, что Льюиса, наконец, возвысили, и другие резиденты оживились. Часть из них из-за Льюиса, а часть из-за возрождения их надежд на то, что их тоже однажды повысят. Двоим мужчинам за соседним столиком осталось лишь получить по одной полоске. Они смеются за поеданием своих соленых французских тостов над заключенными, которые шутят вокруг них о прозрачных голубых бассейнах, крафтовом мороженом и о камерах с фильмами все-что-только-хочешь-увидеть.

Заку все еще не хорошо на желудке, когда наступает время снова приступить к работе. Он оставил подарок Льюису в его

комнате — все еще завернутый — даже хоть уверен, что больше никогда его не увидит. Они идут в холл, где на эстакадных столах стоят старые швейные машинки, и мужчин разделяют на тех, кто может шить, а кто — нет. Зак во второй группе, так что ему поручают разворачивать и резать ткань согласно схемам, проецируемым над головой. Они приступают к работе, пока машинки шумят на заднем фоне. Обычно белый шум успокаивает, но сегодня он похож на жужжание в его голове. Его новый напарник — худой мужчина с нервными глазами, и он еще больше усиливает тревогу Зака.

После двух часов работы, звенит звонок, мужчины вздыхают с облегчением, потягиваются и возвращаются прежде, чем их назначат на новые задачи. Зак плетется в конце группы, пытаясь избегать своего нового напарника. Будет пятиминутный перерыв для похода в туалет, а затем начнется следующая работа. Не думая, даже не желая этого, Зак отделяется от толпы и проскальзывает в темную комнату. Он знает, что за ними постоянно следят — за каждым его шагом — так что не понимает, почему делает это. Если его поймают, лишат всех наград. Даже могут снять полоску за первый этап. Но его инстинкт сильнее страха, сильнее, чем желание подняться по лестнице, ведущей подальше от других.

Зак скользит внутрь тихо и ждет, когда его глаза привыкнут к тусклому освещению. В комнате пахнет землей — это одна из комнат с горшками? — но он не видит ни растений, ни почвы. Он моргает, пытаясь различить то, что перед ним. Он наклоняется вперед к огромной темной фигуре. Когда он приближается ближе, видит, что это дюжина самодельных платформ, построенных из старых строительных блоков, на каждой из платформ лежат мешки со вшитыми вручную, вторично использованными молниями.

Деревянные щепки? Опилки?

Но форма мешка неправильная. Слишком продолговатая. Горизонтально вытянутая. Это, плюс молния, делает их похожими на…

Он подходит к ближайшему мешку. Когда он к нему прикасается, звенит звонок к новой смене, и он подскакивает. Пора идти, но он остается там. Его тело и мозг застыли.

Скоро они его хватятся. У него будут проблемы. Его рука возвращается к молнии. Сейчас запах стал сильнее, темный запах гумуса, напоминающий ему о кошмаре из прошлой ночи. Влажная почва и что-то еще. Что это? Он тянет замок вниз.

Внутри мешка оказывается еще один коричневый мешок, обернутый вокруг сферы, словно одежда. Зак продолжает

расстегивать молнию и вздрагивает, когда видит, что круглая штука в бандаже присоединена к шее и торсу. В его ушах стоит шум, гул. Это адреналин, говорящий ему бежать.

Так значит, это мертвое тело. И что? Этого можно ожидать, разве нет, в таком то месте?

Тело бледное, как слоновая кость, с голубыми венами. Зак застегивает молнию обратно. Ему действительно нужно идти. Вероятно, они уже заметили, что его нет. Если он уйдет сейчас, он все еще может отмазаться, сказав, что ему пришлось задержаться в туалете — или что менее убедительно — он заблудился. Если он не вернется сейчас, сюда придет кто-то, кто выволокет его. Он переходит к следующему мешку и открывает его. Торс цвета пепельного мрамора, ждущий, когда его отправят на переработку. Еще один, говорит он себе, не зная, почему. Сеть знает, что он не хочет видеть еще одно из этих тел, похожих на холодное сливочное масло. Но следующее тело не бледное. Кожа на сильной шее цвета глины морщинистая. Молния расстегивается, зубчик за зубчиком, и что-то в Замке понимает, что внутри, до того, как его мозг это осознает. Он видит верхнюю часть тату, которую так хорошо знает: Уроборос.

Это Льюис. Льюис.

Льюис, который должен быть на десять этажей выше них, плавать в кристальном бассейне.

Зак рассматривает оставшуюся часть тату: голова дракона, его тело, свернувшееся в круг и пожирающее свой хвост. Он резко отстраняется, понимает, что близок к гипервентиляции легких. Затем он открывает мешок еще больше, появляется сильный запах земли, теперь Зак понимает, что это — грибы. Лесные грибы. Он видит дыры в теле Льюиса — на животе и бедрах — как морские губки, темные дыры растянуты и набиты цветущими грибами там, где они прокололи его кожу и засыпали туда споры грибов, которые пожирают его плоть. Темное мясо с грибными жабрами.

Зак отворачивает голову от тела в мешке и блюет на черный бетонный пол. Из него льются вода и желчь. Он хочет сбежать, но его тело сводит спазмами. Когда он снова выпрямляется, в дверях стоит силуэт.

Глава 57

Морозильник

Вбегают двое охранников, почти спотыкаются о Бернард и падают в своей спешке схватить Зака. Они восстанавливают равновесие и светят фонариками ему в глаза.

— Не совершай глупостей, — говорит она.

Уже поздно.

Охранники — Ксоли и Сэмюэл — выступают вперед и

захватывают руки Зака, который рассеянно удивляется, почему они просто не выстрелили в него током через наручники. В своем ошалевшем состоянии он снова вспоминает о поедаемом грибами теле Льюиса, и его почти снова рвет. Он прикрывает рот тыльной стороной ладони. Jщущает на своем теле руки, когда мужчины уводят его от Льюиса и других тел в мешках в комнате.

— Куда? — спрашивает Сэмюэл.

— В одиночку, пока что, — отвечает Ксоли. — Пока нам не дадут других распоряжений.

Что Льюис сказал об одиночном заключении? Избегай его любой ценой. Попадешь в Морозильник и уже никогда не будешь прежним. Это если тебе повезет выйти. Льюис сказал, что «удача» и «одиночка» не всегда идут рука об руку. У Зака кружится голова. Он просто не может переварить тот факт, что Льюис мертв.

Молодой охранник хлопает ресницами. Он кажется удивленным жестокостью наказания, но сжимает челюсть и уводит Зака.

— Остановитесь, — приказывает Бернард, когда они достигают двери. — Я с ним разберусь.

Она выглядит самодовольной. Как кошка, которая, наконец, держит в когтях канарейку.

— Но…

— Гердлер был угрозой с самого начала. Есть лишь один способ разобраться с ним, и я знаю, какой.

Женщина водит пальцами вверх-вниз по дубинке, облизывает губы.

Охранники выглядят неуверенными, но все равно его отдают. Она толкает Зака перед собой.

— Иди, заключенный, — приказывает она. — Морозильник по сравнению со мной ничто.

Зак ожидает, что его отведут в какое-нибудь темное место и изобьют до смерти, так что, когда он понимает, куда они идут, он замедляется и пытается понять. Бернард толкает его вперед.

— Прекрати тянуть время, Заключенный.

Его разум превратился в паутину вопросов и образов, которые не хотят блекнуть. Бернард берет два стула из общей комнаты и относит их в его комнату, заставляет мужчину сесть на один из них, а другой занимает сама. Резиденция пуста: все всё еще работают. Он должен бы уже привыкнуть к наблюдению, но все еще ощущает на себя взгляд ее уродливых глаз цвета воды, которой мыли посуду. Должен ли он быть благодарен, что она спасла его от одиночки? Или она запланировала для него кое-что похуже?

Слышен цокот приближающихся каблуков. Гаэлин. Она приходит и лучезарно улыбается Заку.

— Мистер Гердлер! — восклицает она, словно они встретились по случайности в каком-нибудь светлом и солнечном месте — на круизном корабле, может быть, с коктейлем «СиннаКола» в руке — а не в камере подземной исправительной колонии.

— Надеюсь, вы хорошо устроились?

Зак просто смотрит на нее, хлопая ресницами.

— Слышала, у нас произошел инцидент, — говорит Гаэлин, но Зак не отвечает. — Что ж, я не хочу, чтобы вы об этом беспокоились. Вполне естественно, что вам любопытно, как работает «СкайРест». Я лишь хочу, чтобы вы пришли с вопросами ко мне, а не исследовали территорию самостоятельно.

— Я просто…

— Знаю, знаю. Нет нужды объясняться.

Она пожимает его руку. Контакт, человеческое прикосновение посылают прилив тепла.

— Теперь я вижу, что нам нужно начать лучше заботиться о вас.

Бернард фыркает.

— Вы вдвое похудели с тех пор, как прибыли сюда неделю назад. Какая-то проблема?

Какой странный вопрос.

— Скажите мне, чем я могу помочь вам, — просит Гаэлин. — Моя работа заботиться о вас.

Он понимает, что постепенно отживает.

— У меня не было аппетита.

— Я вижу! — отвечает Гаэлин. — Ваш браслет сообщает об очень низком уровне сахара. Не переживайте, я знаю, как все исправить.

Она делает пометку на своем «Тайл».

— Мы разберемся с вами в кратчайшие сроки, хорошо? Я не хочу, чтобы вы о чем-либо переживали. Все в порядке?

Ищет на его лице признаки согласия. Зак не хочет ее злить.

— Что случилось с Льюисом? — спрашивает он.

На миг глаза Гаэлин вспыхивают, затем снова начинают дружелюбно светиться. Ее улыбка также широка.

— О, мы так рады, что он с нами наверху!

Зак смотрит на нее, хмурясь.

— Если кто и заслуживал повышения, так это Льюис! Всегда такой любезный. Он настолько перенял нашу философию, ну, мы очень рады, что он с нами. Мы надеемся, что после этой неурядицы, вы будете также усердно трудиться, чтобы

присоединиться к нам.

— Но его наверху нет, — замечает Зак. Глаза Бернард пылают огнем.

Заткнись, говорит она. Заткнись, черт тебя побери, Заключенный.

— Что вы имеете в виду?

— Льюиса наверху нет. Он в мешке для тела.

— Что?

— Льюиса не возвысили. Он мертв. Вы можете отрицать это, сколько хотите, но я видел его мертвое тело в той комнате.

Гаэлин выглядит озабоченной.

— Неудивительно, что вы сам не свой! Если вы думаете, что вы видели тело Льюиса, должно быть у вас шок.

— Я знаю, что я видел.

Она снова хмурится, надувает губы из притворного беспокойства.

— Хм-м. Какое несчастье. Может быть, другие были правы.

— О чем вы? Кто это другие?

— Команда заботы о резидентах. Ваша история… во время суда. Они предсказывали, что вам понадобится фармацевтическая помощь.

— Нет.

Гаэлин делает еще одну пометку на своем «Тайл».

— Всего какое-то время. Пока вы не привыкнете. Переезд сюда мог стать травматичным опытом! Нам нужно, чтобы вы были в состоянии справиться с новым для вас окружением. Нам не нужно, чтобы люди поднимали волнение, расстраивали других.

— Может быть, других и надо расстроить, — шепотом произносит Зак.

— Простите? — переспрашивает Гаэлин.

Бернард наступает ему на ногу. Она словно говорит ему «Заткнись!».

— Я сказал, может быть, других резидентов и нужно расстроить.

— Если бы я была на вашем месте, — говорит Гаэлин, — я бы очень осторожно выбирала слова.

Зак хочет закричать на нее, орать прямо им в лица. Он сдерживается. Если он попадет в одиночку, пользы ему от этого не будет.

— Я отпускаю вас с дружеским предупреждением. Вы даже можете сохранить свой первый Этап. Думаю, вы поймете, что жизнь здесь внизу становится намного легче, если вы сотрудничаете.

Гаэлин засовывает свой «Тайл» в чехол и поворачивается,

чтобы уйти.

— Что он сделал первым? — спрашивает Зак ей в спину.

Она поворачивается.

— Простите?

— Что первым сделал Льюис, когда поднялся туда наверх?

Гаэлин улыбается своей самой победной улыбкой.

— Он сбросил с себя всю новую одежду, которую мы ему дали, и прыгнул в бассейн!

Глава 58

Затемненное зеркало

12 лет спустя. Форвейз, Йоханнесбург, 2036

— Не подходите ко мне! — кричит Кеке, когда школьницы приближаются к ней. — Держитесь, бл*ть, подальше.

Раненая антробот продолжает выть на самой высокой ноте.

— Иуда, — шипит кто-то.

Иуда? Чего начитались эти детки? В любом случае, они здесь неверно толкуют историю.

— Ты предательница, — говорит девушка с синими пальцами. — Приняла сторону роботов.

— Я не принимала ничьей стороны, но не дам вам причинить кому-либо вред.

Она уже готова добавить: «Что бы сказали ваши родители?», но передумывает. Где они научились с такой легкостью ненавидеть? Кто научил их быть такими злыми? Она догадывается, что все это началось с дома.

Девушка с молотком наносит удар Ксарине по плечу. Ее вопль набирает новую высоту.

— Прекратите, сейчас же, — говорит Кеке.

Маленькие сучки!

Веснушки бросает в антробота камень, тот отскакивает от ее груди.

— Сильнее! — кричит девушка с зеркальными косичками.

Следующий камень попадает Кеке по щеке и временно лишает ее зрения. Перед глазами вспыхивают искрящиеся звезды.

Кеке прикасается к своей щеке там, где камень оцарапал ее до крови.

Суки! Больно.

Ей нужно бежать. Она не уверена, что детей можно отговорить от нападения. Журналистка должна была сбежать, как только увидела, что они подбираются к ним, как стая животных. Почему она колебалась? Теперь уже поздно.

Молоток снова наносит удар по антроботу. Блондинка с синими пальцами и глазами, как острые осколки стекла, нервно

смотрит на Кеке. Все действительно кончится так? В липких пальцах шакалов на школьном дворе?

Сочетание пронзительного визга Ксарины и пылающей щеки Кеке заставляют ее потерять контроль. Вдруг камень попадает боту в грудь, и что-то в Кеке щелкает. Она мажет два пальца в крови из пореза под глазом и рисует линии на лице: на лбу, вниз по щекам, по носу и подбородку. Затем она начинает кричать так громко, как может. Она бросается вперед на обладательницу молотка, борется с ней, затем начинает размахивать молотком и кричать на других, как сумасшедшая, надеясь напугать их. Она бьет по камням в руке Веснушки, в процессе ломая той костяшки. Веснушки вскрикивает и баюкает свою руку.

Девушка пытается вернуть свой молоток, но Кеке кричит: «Прочь! Прочь!». И когда та не движется, Кеке бьет ее по плечу молотком так же, как та ударила Ксарину. Девушка визжит и пытается уклониться.

Позади Кеке раздается безошибочное жужжание тазера, и Кеке чувствует, как тот жалит ее в бедро: электрическая кобра. Она вскрикивает от удивления и боли, но это всего лишь короткий шок, а не обычный лишающий сил поток — и она видит, что из-за того, что Ксарина придвинулась, чтобы защитить ее, она почувствовала лишь остаточный ток от того места, где ее тело касается тела бота. Кеке выбивает тазер из руки девушки, так что тот приземляется на замусоренную землю, прямо перед Ксариной, которая его поднимает.

— Ты нас не напугаешь, — говорит девушка с ядовитыми глазами.

Она устремляется к тазеру, но Ксарина добирается до курка первой, и бот посылает идеально нацеленный чистый выстрел кобальтового электричества прямо в грудь девушки. Поток такой сильный, что отбрасывает дергающееся тело девушки на тротуар, сшибая ее с ног. Она все еще дергается на земле, когда Веснушки допускает ту же ошибку и получает тоже лекарство. Другие девушки вскрикивают и кричат, но не помогают своим подругам. Ксарина показывает им тазер, словно спрашивает, кто следующий. Три члена банды отступают от драки и медленно пятятся из круга. Кеке делает ложный выпад в сторону робкой — Терри? — заносит молоток, и та тоже отступает. Девушка с неоновой розовой лицевой маской бьет Ксарину в грудь ногой. Это не приносит вреда — за исключением, возможно, вреда лодыжке девушки — но это вдохновляет других тоже атаковать, и вскоре уже четверо из них пинают антробота. Бот роняет тазер, когда они начинают молотить ее кулаками, рвать ногтями и зубами. Они срывают ее опаленную одежду и штампованную

силиконовую кожу. Вырывают волосы клоками. Бьют по суставам, и она падает на колени, и, когда все выглядит так, что она уже собирается сдаться, бот поднимает взгляд на Кеке с ярко горящими глазами, словно в ее процессоре что-то щелкнуло, и она поняла, что она сильнее них.

Вопль Ксарины теперь перешел в глубокий истошный крик. Она издает рев и сбрасывает нападающих со своего тела, словно те не больше, чем куклы. Проталкивает пальцы себе в рот и отрывает нижнюю челюсть, затем использует оторванный кусок титана, чтобы ударить одну из девушек сбоку в голову, и та, кружась, отлетает от них. Ксарина все еще кричит, когда поднимает девушку с глазами, как блюдца, и швыряет ее на двадцать метров в грязную кирпичную стену. Ломаются кости. Ксарина поворачивается к следующей девушке; осталось еще три, включая блондинку с осколком стекла, девушку с зеркальными косичками и выглядящую злобной брюнетку с короткой стрижкой. Кеке оглядывается на лежащих вокруг раненых девушек с ужасом, все еще слышит в ушах звук ломающихся юных костей и чувствует, будто попала в сон.

Брюнетка бросает свой камень. Зеркальные косички поднимает руки, сдаваясь.

— Прекрати, — говорит Кеке антроботу. — Не причиняй им вреда.

Она не хочет видеть еще больше насилия.

Ксарина поворачивается, чтобы посмотреть на Кеке. Половина лица антробота отсутствует, большая часть волос тоже.

— Мы больше не в опасности, — говорит Кеке, — тебе больше не нужно сражаться.

Освежеванная бот хлопает ресницами. Она опускает руки и перестает кричать; на мгновение замирает, обрабатывая информацию. Ее тело видимо расслабляется, и, будто устав, она роняет свою металлическую челюсть на землю.

Без колебаний, брюнетка бьет Ксарину сзади, отчего школьный бот падает лицом вперед на красный песок. Девушка с зеркальными косичками поднимает тазер и нажимает на курок, посылая пятьдесят тысяч вольт в тело Ксарины, парализуя ее. Она продолжает нажимать на курок, посылая импульс за импульсом в синтетическое тело школьного бота, пока в воздухе не появляется запах горелой резины и металла, но все равно не останавливается. На лице Косички жуткое выражение лица, холодное безразличие. Изуродованное лицо робота, повернутое набок смотрит на Кеке, пока тело Ксарины дергается. Отчаяние, мольба — образ, который Кеке знает, что никогда не забудет. Некоторые пешеходы замедляются, чтобы понаблюдать, теперь,

когда помогать уже не надо. Многоцветные лицевые маски словно плывут мимо в странной замедленной анимации на периферии зрения Кеке.

— Хватит, — произносит Кеке.

Она вытягивает руку, хоть даже и знает, что уже слишком поздно, но девушка игнорирует ее и продолжает плавить Ксарину.

— Хватит, — повторяет Кеке.

Двигается, чтобы забрать тазер, а затем ощущает горячую, острую боль в пояснице, колющая боль превращается в пылающую, словно кто-то ударил ее горячим ножом, и она оборачивается и видит блондинку, смотрящую на нее снизу с шоком на лице, словно она не ожидала, что стекло проникнет сквозь кожу Кеке. Словно вонзить прозрачный клинок в сухожилие и орган было слишком легко. В этот миг, соединенные оружием и плотью, Кеке словно может читать мысли девушки с синими пальцами, она будто гадает, как нечто столь простое и быстрое может привести к таким тяжелым последствиям.

Они смотрят друг на друга с одинаковым шоком на лицах, затемненное зеркало паники.

«На это похоже большинство актов насилия?» — думает Кеке, когда звезды снова лишают ее зрения. Обычные люди шокированы как своими собственными, так и чужими поспешными решениями?

Она чувствует себя так, будто вся кровь отлила от ее головы разом через новую рану, ее жизнь вытекает из нее. В голове Кеке также легко, как на небе свыше. Ее сознание парит ввысь, чтобы соединиться с серыми облаками. Она не ожидала, что смерть будет такой радушной или такой быстрой.

Затем времени на философские размышления не остается, когда она падает в обморок на землю.

Кеке падает рядом с Ксариной, два поваленных тела на жесткой, ржавой почве. Придурки начинают собираться вокруг них, снимают видео для своих лент во «Флиттере». Яркая кровь Кеке собирается вокруг них в лужицы. Антробот пытается сказать что-то, но без модулятора в ее нижней челюсти, слова лишь кажутся грустным вздохом. Кеке издает такой же. Ксарина пытается поднести руку к Кеке, и смотрят друг другу в глаза, отключаясь.

Глава 59
Рвотные позывы

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Ксоли и Сэмюэл приходят к двери Зака. Первый несет

портфель с логотипом «СкайРест».

— Мистер Гердлер, — произносит Ксоли своим голосом, похожим на шелест гравия.

Зак переводит взгляд с них на Бернард, а затем обратно.

— Куда его? — спрашивает Сэмюэл.

Ксоли поднимает взгляд, после того, как открыл серебряные щеколды на портфеле.

— Тот стул, на котором он сидит, сойдет.

Зак хмурится.

— Что вы собираетесь со мной делать?

Мужчина постарше кашляет.

— Ничего особенного, братец. Лишь немного полечим тебя.

— Мне не нужно лечение.

Охранник пожимает плечами и показывает на потолок.

— Приказы свыше.

Сэмюэл привязывает Зака к стулу каким-то широким, эластичным поясом, который он закрепляет сзади. Еще одним крепит его руки. Зак борется с путами, но знает, что это бесполезно. Охранник постарше достает прозрачный силиконовый пакет из портфеля — тот заполнен кремовой жидкостью — затем тонкую пластиковую трубку. Он разрывает пакет зубами и соединяет их вместе.

— Готово?

— Готово, — отвечает Сэм, удерживая неподвижно голову Зака.

Ксоли засовывает трубку Заку в нос и проталкивает в горло, вызывая рвотные позывы. Зак сопротивляется и часть белой хрени выплескивается на пол.

— Полегче, — говорит Ксоли, поправляя трубку. — Просто расслабься.

Он бросает жесткий взгляд на Бернард.

— Ты можешь помочь?

Бернард подходит и зажимает шею Зака своими мясистыми предплечьями, удерживает его неподвижно.

Зак кричит, его снова начинает выворачивать, а потом он чувствует, как прохладная жидкость течет по его горлу.

Его зрение затуманивается, после появляется Гаэлин. Пакету на опустошение нужно двадцать минут, к тринадцатой минуте он лежит отвязанный и спящий на своем матрасе.

***

Когда Зак просыпается, он один. Он ощущает прохладу облегчения. Его язык распух, горло пересохло и расцарапано, они

силой кормили его. Силой кормили его чем? Чем-то вроде утраивающего силы питательного шейка. С наркотиками, вне сомнения. Он всегда узнает головную боль после седативного.

Что еще они ему дали? Что-то психотропное, как он догадывается, какое-то успокоительное.

«Кое-что, чтобы контролировать твои галлюцинации, — сказала Гаэлин. — *Кое-что, чтобы помочь тебе отдохнуть».*

Что было дальше — размытое пятно.

Зак пытается встать, но падает обратно. Его мозг превратился в ледяное месиво с водой.

Они бы не стали прибегать к принудительному кормлению, если бы он ел свою еду. Наркотики они могут доставить через его браслет, но, к несчастью, кормление все еще требует не автоматизировано. Зак ползет к своей раковине, плещет на лицо. Выпивает полбутылки воды. Прохладная жидкость, как бальзам для его израненного горла; его мысли, как летящие облака.

Что он сделал, чтобы вляпаться в такие неприятности? Он не может вспомнить. У вас возникает не утихающее ощущение предчувствия, когда вы знаете, что что-то натворили?

К нему приходят смутные образы: круглая татуировка с драконом. Ясный голубой бассейн: пустой. Красивая байкерша с кожей цвета жженой карамели. Он не может вспомнить ее имя, не может вспомнить, как они встретились. А затем тревожная мысль о женщине с длинными красными волосами. Катрин? Ему нужно увидеться с ней. Он должен рассказать ей нечто важное, но не помнит, что именно. Оно в его голове и, когда он думает, что уже ухватил эту мысль, она исчезает в наркотическом тумане.

Глава 60

Подслащенные галлюцинации

12 лет спустя. Форвейз, Йоханнесбург, 2036

— С дороги! — кричит Кейт, расталкивая зевак. — Кеке!

Кеке открывает глаза. Она словно пьяна и видит какое-то видение, какую-то ослепительную, рассветную, сладкую галлюцинацию. Кейт почти спотыкается об нее, спеша добраться до своей подруги.

— Кеке! — кричит она, не зная, что кричит, потому что малиновая лужа пугает ее.

Она опускается на колени прямо в лужу и осматривает Кекелетсо на предмет ранений. Огромный осколок стекла торчит в ее пояснице. Откуда он? Был взрыв? Или это несчастный случай? Кейт не знает. Она прикрывает глаза и поднимает взгляд на вспыхивающие «косточки» зевак, окружающие их.

— Кто-нибудь вызвал амбудрон? — спрашивает она, и кто-то

отвечает, что они не в сети.

Они не в сети?

— Здесь есть врач?

Качают головами.

— Медсестра?

Вперед выступает невысокий мужчина, он поднимает руку лишь наполовину и со стыдом отключает функцию камеры.

— Однажды я проходил курсы первой помощи.

Кейт держит в руках лицо Кеке; та все еще в сознании. Хорошо. Поток ярко-зеленого облегчения.

Джеймс однажды сказал ей, когда они смотрели фильм о мужчине, которому в грудь воткнулась ось, что инородный объект нельзя вынимать, потому что станет хуже. Объект в некотором смысле запечатывает повреждение и/или останавливает кровотечение. В зависимости от формы, его удаление может вызвать больше вреда, чем изначальное проникновение.

«Подумай о звездах ниндзя», — сказал Джеймс. Но это не предмет с колючками, да и тому совету уже пятнадцать лет, это было еще до появления кожных молний и тромбоцитарных спреев. Этот совет еще работает?

«Оставь это команде травматологов в больнице», — слышит она, как говорит он, но сейчас больницы скорой помощи переполнены, и даже в самую ближайшую слишком опасно ехать на такси.

Кейт не знает, что делать. Она ломает руки, размышляя, затем нащупывает пульс Кеке. Слабый. Или это лишь биение крови в ее собственных нервных пальцах, делающее Кеке в ее глазах слабой?

— Не бойся, Кекс, — говорит она, пытаясь убрать с лица тревогу и принять более успокаивающее выражение. — Все не так плохо, как выглядит.

Последнее предложение она говорит, скорее, для себя.

Кейт тянется через Кеке к металлическому корпусу Ксарины и открывает ее грудную клетку при помощи найденного ею молотка. Достает аптечку и роется в ней. Тут много всего. Может быть, в конце концов, она сможет помочь. Женщина подтягивает аптечку к Кеке, снова заламывает руки и приступает к работе. Первым делом обрабатывает руки антисептиком, после щедро опрыскивает дезинфицирующим анестетиком рану Кеке. Вспышки камер в толпе подобны легкому блеску металлической фольги в ее голове, от них у нее болят зубы.

— Я о тебе позабочусь, — говорит Кейт. — Ты будешь в порядке.

— Ха, — произносит Кеке, пытаясь выдавить улыбку. — Ты

забыла, что я знаю, что у тебя нет никаких медицинских знаний.

— Верно, — отвечает Кейт. — Но того, чего мне не хватает в виде знаний и опыта, я компенсирую за счет обаяния и дополнительного анестетика.

— Пойдет.

Видя храбрость Кеке, Кейт колеблется.

Что, если…

Она не сможет потом жить. Осколок блестит в свете поднимающегося солнца.

— Сейчас, — говорит Кейт. — Думаешь, я должна вытащить осколок?

Глаза Кеке чуть расширяются.

— Что ты имеешь в виду под «думаю ли я, должна ли ты вытащить осколок»? Конечно же, ты должна вытащить сраный осколок. Что ты за доктор?

— У тебя может сильнее потечь кровь.

— Бл*ть, в моей пояснице торчит стеклянный клинок. Какой выбор у нас есть? Иисус Христос, ты можешь хотя бы притвориться, что ты знаешь, что делаешь?

«Ладно, — думает Кейт. — *Ладно»*. Спрей облегчения. Если они достигли консенсуса, то ей морально полегче. Она его вытащит. Она готовится, раскладывает инструменты на белом медицинском фартуке на земле: обезболивающая ручка, плоскогубцы, физраствор, марля, гель со стволовыми клетками, кожная молния. По второй мысли, она натягивает биолатексные перчатки, которые пахнут, как живица молодого деревца и тальк. При виде хирургического оборудования, смелость Кейт возвращается. Она может это сделать. «Волантер» особого назначения прибывает по небу, разрезает винтами воздух над ними, раздувает сухой красный песок, затем улетает.

Не на что здесь смотреть. Лишь обычная суета Судного дня.

Кейт использует инъектор в виде обезболивающей ручки, чтобы вколоть шесть доз лидокаина в поясницу Кеке. Также она делает впрыск обезболивающего при помощи ингалятора в ее нос.

— А-а-а, — вздыхает Кеке. — Спасибо.

— Я еще ничего не сделала.

— О, нет, сделала, — возражает Кеке. — Ты гребаная богиня.

Кейт громко смеется.

— Серьезно. Тебе никто этого не говорил? — спрашивает Кеке.

— Отправляйся домой, Кеке, ты пьяна.

— Ха! Умная мысль.

Кейт берет плоскогубцы и морально готовится.

— Готова?

— Готова, — отвечает Кеке.

Кейт обхватывает край осколка зубчиками инструмента, готовится применить силу и плавно вытаскивает его. Они обе ахают: Кеке от боли, а Кейт с сочувствием. Поначалу рана едва кровоточит, и на миг Кейт испытывает такое сильное облегчение, что чувствует, будто может летать, но затем кровь начинает литься так, будто включили насос. Кейт неуклюже хватает физраствор. Она работает так быстро, как может, сжимает зубы, промывая зияющую рану, от вида которой ей хочется упасть в обморок, просушивает ее марлей, заполняет гелем, дрожащими пальцами срывает бумагу с задней части кожной молнии. Наконец, она размещает молнию, закрывает рану и заклеивает большим тромбоцитарным пластырем, в котором, вероятно, нет нужды, но от этого ей легче.

— Готово.

Кейт шумно стягивает перчатки. Этот звук пахнет, как свеже накрахмаленные простыни.

Кеке открывает глаза.

— Серьезно?

Придурки-зеваки начинают расходиться.

— Знаю. Я удивила даже себя своими крутыми хирургическими навыками.

— Когда я встану, увижу, что моя задница пришита к локтю?

— Нет.

Кейт смеется. Чувство облегчения вернулось.

— Но ты потеряла много крови, и я не знаю, как сильны внутренние повреждения, так что…

— Не переживай. Я не собираюсь подавать на тебя в суд за недостаток практики.

— Серьезно. Твоя почка может быть разрезана пополам.

— Ах, ну, к счастью, у меня есть другая.

— Ты все еще под наркотой.

— Мне нравится. Кстати, что было в том ингаляторе?

Кейт читает, что на нем написано.

— Пексидин.

— Потрясная штука.

Женщина отдает его ей.

— Он весь твой.

Кеке пытается встать.

— Эй! — произносит Кейт. — Эй. Не думаю, что тебе стоит вставать.

— Чушь, — отвечает Кеке. — Я как новенькая.

Она резко выдыхает воздух, морщится и ложится обратно.

Кейт оглядывается вокруг на мертвого робота и разбросанное

оружие. В ее мозгу вспыхивают вспышки белого насилия.

— Что за х*йня здесь произошла?

— Потом расскажу. Кстати, что ты здесь делаешь? — спрашивает Кеке. — Ты должна быть с Сильвер.

— Я не могла позволить тебе сделать это в одиночку и забыла отдать тебе это.

Кейт показывает на револьвер.

— Пригодился бы, — замечает Кеке.

— Кроме того, я подумала, что помогу Сильвер больше, если приведу Зака, чем буду сидеть в больничной палате, держа ее за руку.

— Наверное, в моем состоянии, прорыв в Крим-колонию теперь выпадает из повестки дня?

— Ты правильно думаешь. Десять минут назад я даже не была уверена, будешь ли ты жить.

— А?

— Единственное место, в которое ты отправишься — это Липворт Фаундейшн.

— Они меня не пустят, — говорит Кеке.

— Не как посетитель, — отвечает Кейт, — но, как пациент, которого они обязаны пустить.

Последний вопрос повисает в воздухе. Кто будет сопровождать Кеке? Она плоха и не сможет добраться туда сама на солартрамвае, а сошедшие с ума такси слишком опасны. Но, если Кейт отвезет ее, она не успеет добраться до Зака и спасти Сильвер. Они сидят там в молчаливом тупике, когда на кону все — Кеке не спрашивает, Кейт не хочет ей отказывать.

Глава 61

Скорлупа

12 годами ранее. «СкайРест», Йоханнесбург, 2024

Зак завершает работу — производство мыла из конопляного масла — и плетется обратно в резиденцию вместе с другими. Сколько смен он уже отработал? Они все словно превратились в одно размытое пятно. Они автоматически переходят от одного занятия к другому: работа, душ, отдых, еда. Мускатные дольки на ужин, губчатые воспроизведенные персики с соевым кремом на десерт. Теперь Зак научился съедать свою еду. Неважно, насколько она неаппетитная — лучше есть. Он набрал немного мышечной массы. Мужчина больше не хочет быть таким слабым, каким он был, когда Бернард удерживала его, чтобы силой накормили. Ему нужны силы, чтобы работать.

Теперь на лацкане Зака две полоски, и он усердно трудится, чтобы заработать третью. Ему нужно быстро взобраться по этой

карьерной лестнице. Он не знает, почему нужда такая сильная, но это так. Каждый раз, когда он думает, что устал, вспоминает об Этапах, которые ему нужно заработать, чтобы возвыситься, выбраться отсюда, и это придает ему сил.

Несмотря на седативное воздействие психотропных веществ, он все еще просыпается каждую ночь и видит Бернард в своей комнате. Он должен быть сильным. Должен быть в состоянии защитить себя.

Резидента рестлера тоже возвысили. Это случилось неожиданно. Ему все еще оставались две полоски до повышения, но во вторник на прошлой неделе он ушел, а его комнату очистили. Люди воодушевились. Что этот мужчина сделал, чтобы так быстро подняться? В чем его секрет? Кто-нибудь может вспомнить, что он говорил или что делал по-другому? В этот день все работали с удвоенной силой, думали о бывшем резиденте, наслаждающимся своим мороженым со вкусом соленых ирисок, по которому тот так тосковал.

Возвышение посредством упорной работы

Резиденты рады за рестлера, но Заку на душе не хорошо. Это зависть или еще что? По какой-то причине, он просто не может представить рестлера там наверху, среди выглядящих сообразительными рабочих пчел. Что-то в этом просто кажется ему неправильным.

Зак залезает на свою новую кровать и прижимает неоткрытый подарок к своей груди. Он не может вспомнить, что там, или для кого это купил, но каждый раз, как он испытывает соблазн открыть, его останавливает сильное предчувствие. Он мог накопить достаточно наград, чтобы приобрести новый матрас и пару других вещей для уюта. Пару раз он просил книги, но его просьбы натыкались на глухую стену.

«Зачем тебе книги? — представляет Зак, как спрашивает его Гаэлин. *— У тебя здесь есть все, что тебе нужно».*

Потому что мне нужно проснуться, ответил бы он ей.

Потому что я потерял себя.

Потому что я чувствую себя так, будто застрял в скорлупе.

Глава 62

Двенадцать лет спустя

12 лет спустя. «СкайРест», Йоханнесбург, 2036

Зак слышит, как Гаэлин зовет его по имени. Он заканчивает расчесывать свои волосы цвета соли с перцем и втирает в них немного геля для укладки. Использует растворимые стерильные салфетки с логотипом «СкайРест», чтобы вытереть руки перед тем, как выйти в коридор резиденции. Когда он достигает

открытой двери пустой комнаты, Гаэлин приветствует его широкой улыбкой и жестом показывает на нового резидента.

— Зак, — говорит она, — это Дэвид.

Зак кивает мужчине.

— Дэвид, Закери один из наших самых опытных резидентов. Если у вас есть вопросы, задавайте ему. Он поможет вам осмотреться.

Мужчины измеряют друг друга взглядами.

— Хорошо! — произносит Гаэлин, которая, похоже, совсем не постарела с того дня, когда Зак сюда прибыл. — Моя работа здесь окончена. Позовите меня, если вам что-нибудь понадобится.

Зак дергает подбородком в сторону новичка.

— Давай возьмем по сандвичу, пока не вернулась толпа.

Дэвид смотрит, как Зак поедает свой шамвич с выражением лица, которое можно описать только как полнейшее отвращение.

— Давай, — говорит Зак. — Поешь что-нибудь. Тебе нужны силы. Здесь много работы.

— Какой работы? — спрашивает мужчина.

— Разной, — отвечает Зак, вытирая губы салфеткой из рисовой бумаги. — Чтобы было интересно. Выполняешь свой лимит, получаешь награду.

— А потом тебя повышают? — спрашивает он.

— Возвышают. Да.

— Я попаду наверх?

— Ага, — отвечает Зак. — Усердно трудись и поднимешься по лестнице.

— И сколько времени на это надо? Как давно ты здесь?

Он смотрит на лацкан Зака, на котором есть все полоски, кроме одной.

Зак пожимает плечами. Эти молокососы всегда так нервничают.

— Двенадцать лет, — отвечает Спад.

— Что?

Дэвид оглядывается. Другие резиденты заходят: грязные, покрытые потом. Они плетутся в душ. Спад вытирает рукой пот со лба.

— Зак здесь уже двенадцать лет.

— В самом деле? — спрашивает Зак. Ощущается странным клеить цифру ко времени, которое он провел здесь.

— Я здесь уже шестнадцать лет. Я начал вести календарь сразу по приезду. Единственное, что имеет значение — эти детки, — он постукивает по своему лацкану.

Дэвид бросает взгляд на рубашку Спада и сдерживает слезы. Через шестнадцать лет, у Спада всего восемь полосок из

двенадцати.

— Выше нос, молокосос, — говорит Зак, сминая салфетку и бросая ее в урну. — С тобой все будет в порядке.

Глава 63
Внутренности ящика Пандоры
«СкайРест», Йоханнесбург, 2036

Заку снова снится сон. Похожая вариация каждую ночь, словно его сознание пытается подтолкнуть его к какому-то пониманию — персонажи из прошлой жизни пытаются достучаться до него. Мужчина с татуировкой дракона говорит ему что-то, но его голос так сильно искажен, что Зак не может различить слов. Иногда сон принимает зловещий оборот, и он оказывается лежащим в лесу под грудой мертвых листьев. А бывает и хуже: его хоронят живьем. Настоящие кошмары — это когда он покрыт жуками, которые кусают его спину и ноги, заставляют кровь течь темными потоками.

Во сне сегодняшней ночи нет зла. Сегодня ночью ему снится байкерша, которая в замедленном движении целует его в щеку и шепчет что-то ему на ухо. Она буквально излучает жизнь. Он хочет удержать ее, хочет забраться в нее, сделать что угодно, чтобы почувствовать ее жизнь на своей одинокой коже.

Затем случается чудо. Она вырывается из его сна и оказывается в комнате с ним. Он ощущает прикосновение ее рук к своему лицу. Как это произошло? Он желал этого момента… действительно ли уже двенадцать лет?

Но что-то ощущается неправильным. Поначалу он это игнорирует, так отчаянно желая, чтобы сон оказался правдой, но кожа кажется неправильной. И запах. Не мускатный орех, каким он должен быть, а йогурт.

Зак вздрагивает, распахивает глаза и узнает того, кто перед ним еще до того, как его глаза привыкнут к темноте. Конечно же, это Бернард. Но она никогда прежде не будила его так, прикосновением своих жабьих рук к его щеке. Ее слишком бледное лицо напоминает зловещую луну. Он слышит вздох и понимает, что он исходит от него. Зак вжимается в подушку, подальше от нее.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он. — Какого, бл*ть, траха ты хочешь?

Он ненавидит ее. Ненавидит каждую часть ее, даже то, как она дышит. Мужчина хочет, чтобы она перестала дышать. И женщина ему не отвечает.

Зак не может так больше, не может больше вынести и ночи. Так или иначе, все это закончится сегодня.

— Почему ты это делаешь? — спрашивает Зак.

Он удивлен, когда, наконец, слышит ее голос.

— Что?

— Зачем ты наблюдаешь за мной спящим?

— Разве не очевидно? — спрашивает Бернард.

Двенадцать лет. Двенадцать лет! Почему-то из-за этого Заку хочется разнести это место к чертям, вместе с Бернард в нем. Внезапно его чаша терпения переполнилась. Что-то внутри него свернулось, готовясь к атаке.

Одна полоска. Всего еще одна полоска до возвышения. *НЕ ТВОРИ ГЛУПОСТЕЙ.*

— Не очевидно, — отвечает Зак.

— Тогда я выполнила свою работу.

— Она закончилась? — спрашивает Зак. — Твоя работа? Ты уезжаешь?

— Это ты уезжаешь. Пора.

Теплый бриз надежды.

— Ты имеешь в виду… меня возвысят?

Сердце в его груди подпрыгивает от радости.

— Поэтому ты разбудила меня? Мы уходим сейчас?

— Ты должен получить свою последнюю полоску завтра вечером.

Зака атакуют противоречивые эмоции. Он закрывает лицо руками.

Двенадцать лет.

Он должен ощущать чистую радость, ведь так? Вместо этого, его желудок превратился в цементную смесь из тоски, ужаса и чего-то еще, что он не может идентифицировать.

— Это хорошие новости. Очень хорошие новости.

Его голос лишен эмоций.

Бернард морщит лицо. Ее презрение практически осязаемо; комната будто наполнилась ее презрением.

— Хорошие новости? — шипит она. — Ты ничего не понял?

— Ты расстроена, что я уйду, — говорит Зак. — Тебе больше некого будет изводить.

Она фыркает с неверием.

— Изводить?

— А как бы ты это назвала? Ты так замучила меня, что я даже больше не знаю, кем являюсь.

— Что ж, я напомню тебе, кто ты. Ты Закери Гердлер. И тебе лучше начать им быть, пока не стало слишком поздно.

Зак ошарашен. Она никогда прежде не называла его по имени.

— И что это… что это значит?

— Это значит, что тебе пора, бл*ть, просыпаться.

Еще он никогда прежде не слышал, чтобы она ругалась. Никогда не видел ее такой взбешенной.

— Проснись! — говорит она, и он чувствует, что она хочет затрясти его, но сдерживается. — Вспомни, зачем ты существуешь.

— Я…

— Ты действительно веришь, что Льюиса повысили? После того, что ты видел?

Льюиса?

Он смутно помнит этого мужчину.

Льюис? О ком она говорит? Что он видел?

— Льюиса повысили, — говорит Зак, словно загипнотизированный. Слова будто произносит не он.

— Что насчет Мулало? Стивена? Азви? Ты думаешь, они все там наверху? — она машет в воздухе пальцем. — Играют в еб*ный футбол?

Ему вдруг это кажется маловероятным, но где еще они могут быть? На досрочном освобождении?

— Я думала, ты умнее!

Бернард бьет кулаком по постели.

— О чем ты?

— Из всех людей ты должен был узнать правду об этом месте.

Слова Бернард эхом разносятся в его голове. Что-то резонирует сквозь туман в его мозгу.

Он знает. Знает. *Знает*. Но почему этого не видит? Потому что его изнурило это место. Изнурило, забило, отупило. Они подавляют наркотиками его воспоминания. Зак больше ничего не знает. Он сдался давным-давно. Утратил план.

— В первый день здесь я увидел верхние уровни, — говорит Зак. — Видел разные этажи. Комнату виртуальной реальности, ресторан, офисы открытой планировки.

— Ты видел то, что хотел видеть, — говорит Бернард. — Льюис видел бассейн. Стивен видел магазин мороженого. Тур инициации — еб*ная голограмма. Почему ты думаешь, мы не выходили из лифта?

Когда он это слышит, понимает правду.

— Тогда куда отправляются те, кого повысили?

— Ты знаешь ответ. Ты видел мешки с телами.

— Что?

— Кароши *(прим.: с япон. «Смерть от перегрузок»)*, — произносит Бернард.

— Нет, — Зак трясет головой. Думает о друзьях, которых он потерял.

— Кароши, — повторяет она снова. — Они следят за твоим угасающим здоровьем, пока ты трудишься до смерти. А потом, однажды, цикл завершается.

Зак теперь четко видит татуировку с драконом. Уроборос. Льюис. Цикл завершен.

Бернард взволнована. Она постоянно проводит пальцами по своим сильно загеленным волосам.

— Хочешь знать, почему я здесь каждую ночь? Почему наблюдаю за тобой спящим?

Конечно же, хочет. И одновременно не хочет.

— Я защищаю тебя.

— Что?

— Ты ничего не понимаешь? Я защищала тебя все это время.

У Зака кружится голова. Бернард хватает его за ногу, заставляя вернуться в настоящее.

— Сосредоточься, — приказывает она. — У нас мало времени.

— Сосредоточиться на чем?

— На своей финальной игре.

— Я больше не знаю, что это.

— Подумай, Зак. Подумай. Я не знаю деталей. Только ты можешь их вспомнить.

Бернард размещает ленту вокруг его висков и вставляет в нее черный ромб «ИксДрайв». В его голове вспыхивает свет и горячие искры, когда восстанавливаются его воспоминания. Он вспоминает картонный суд, «Орб», первые зомбирующие наркотики. Другие концепции приходят к нему тоже, но пока он их не понимает.

— Я смогла получить доступ к твоему браслету. В течение последних сорока восьми часов я отключила тебя от наркотиков «СкайРест». Теперь ты сможешь мыслить более ясно.

Поэтому-то ему приснился тот сон. Тяга к правде. Изображения, ситуации, имена всплывают в его уме, поначалу медленно. Его разум словно раскрывается и рискует поглотить каждую беззвездную концепцию вокруг него: внутренности ящика Пандоры. Зомбирующие наркотики слабеют и открывают то, что он всегда знал, глубоко внутри. Оно обрастает слоями, размахом, силой и скоростью, и он чувствует, что это способно сбить его с ног и убить.

В голове Зака расцветает цветок лотоса.

— Мне нужно выбираться отсюда.

Глаза Бернард блестят.

— Я могу тебе помочь.

Часть 3

Глава 64

Навороченные прокси

Ашрам «Раманана», Холмы Панчари, Индия, 2036

Марко делает все, что мог, чтобы предупредить «Нэнси» о V1R1S, и отправляет им рекомендуемую процедуру закрытия. Он четко обозначает, что необходимо отключить электричество во всей стране и прилегающих к ней странах, чтобы остановить распространение вируса. Если заражение не остановится после применения процедуры закрытия, тогда они используют переключатель убийцы, но никто не захочет к этому прибегать; если до этого дойдет, они с тем же успехом могут бомбануть ядерным оружием по всей стране. Он пока не знает, воспользуются ли они его советом.

Теперь Марко чуть ли не готов кончить от того, что, наконец, нашел человека, ответственного за создание V1R1S. Он работал без перекура пятнадцать часов. По колено погрузился в подземелья подпольной сети и навороченные прокси. Его колючая роба из необработанного хлопка насквозь промокла от пота. На боковом столике стоит тарелка с остывшим супом дал. Своми призывает его поесть, но у него нет времени. Он не смог связаться с Кеке, и у него ужасное предчувствие, которое подсказывает ему, что она в настоящей опасности.

Наконец, наступает долгожданное просветление Марко, и оно не имеет никакого отношения к приветствию солнца или же обетам молчания. Все дело в Кеке.

Он был таким глупцом. Как только эта катастрофа закончится, он даст себе такого пинка, какого не давал никто за всю историю. А потом он помчится на всех парах в Южную Африку и будет с Кеке столько, сколько им осталось. Кеке! Любовь его жизни; топливо для его огня. Каким еб*ным тупым ублюдком он был. О чем только думал? Он любит ее так же, как огонь любит древесину. Если он птица, тогда она соединение между его грудью и крылом. Он был никем до того, как встретил ее, и теперь никто. Кеке его творец. Она сделала его лучше. Мужчина будет поклоняться ей так, как она любит, чтобы это делали. Так, как она заслуживает. Неспешно, своим языком, медленными круговыми движениями. Пока она не закричит и не зажмет его между своих роскошных и божественных бедер. Марко чувствует, что становится твердым. Он поправляет штаны, на экране появляется уведомление.

Образ Кеке медленно блекнет, пока он изучает IPX.

— Иди к папочке, — шепчет он, ерзая на месте.

Облизав свои пересохшие губы, он ощущает на языке соленый вкус. Ему нужны электролиты. Ему нужна вода. Марко все равно;

он так близок к ответам, что ощущает покалывание на кончиках пальцев.

— Да, да, да.

Верное место. Безошибочная подпись сервера. Теперь все просто, нужно лишь найти, кому она принадлежит, и заблокироватьь ублюдка нахер. Он отправляет фиктивное электронное письмо от «NASP» на адрес, который он нашел. Если владелец адреса откроет письмо, тогда Марко получит права доступа и сможет определить и уничтожить основу. Он автоматизирует отправку быстрого СМПР *(прим.: многоуровневая распределенная автоматизированная система сбора, обработки и хранения данных синхронизированных векторных измерений параметров электромеханических переходных процессов и установившихся режимов)* сообщения, которое транслирует личность ублюдка, и его адрес каждому в Южной Африке по «косточке». Он шлепает по клавише «отправить», а затем смотрит на экран и ждет. Парень собирается поймать крысиного выродка, который подверг Кеке опасности, даже если это последнее, что он сделает.

Марко играет на невидимом пианино на поверхности стола. Напевает придуманную мелодию. Обыскивает свою тайную заначку с ореховым печеньем и ждет.

Он пугается, когда в дверь раздается стук. Проклятье, ему что, придется драться со своми, чтобы отделаться от яджны? Но, когда он поднимает взгляд, там стоит маленький местный мальчик, который протягивает белую курьерскую сумку. Еще больше детей прыгают на своих босых ногах и хихикают у порога. Они чему-то рады. Марко берет сумку и смотрит на квитанцию, датируемую прошлой неделей. Он раздает детям все печенье и говорит им проваливать.

Это доставка дроном из Йоханнесбурга, но адрес отправителя отсутствует.

Глава 65

Счастливый час

Форвейз. Йоханнесбург, 2036

Когда Кейт снова слышит раздражающее жужжание «Волантера», ей хочется прихлопнуть его прямо в токсичном небе. Она не может выносить того, что они зависают над ними, зависают и зависают. Пусть или приземлятся, или улетят. Что угодно, кроме этого крайне раздражающего жужжания гигантского москита, словно раздающееся в твоей голове. Затем, словно по волшебству, тот начинает опускаться, разметая в стороны красный дым и мусор, и ей приходится прикрыть глаза,

чтобы туда не залетел песок.

Это не вертушка особого назначения. А красивый борт цвета темно-синего металлика с полосатым днищем и блестящими винтами. Он приземляется и, когда пыль оседает, оттуда выходит Сет.

— Как? — все что удается выдавить Кейт.

Определенно, она испытывает облегчение, а еще, возможно, последствия травмы после того, как она нашла Кеке, истекающей кровью на земле — поначалу она подумала, что та умирает. Она смаргивает слезы.

— Как?

Ответ не важен. Важно то, что Сет прилетел сюда на «Волантере», — «Волантере»! — и она знает, что у Липворт Фаундейшн есть площадка для дронов.

— Она ранена! — кричит Кейт Сету, который кивает.

Он осторожно поднимает Кеке и относит ее на борт, помогает ей устроиться на сидении и пристегивает ее ремнями. Кеке вздрагивает, затем надевает наушники и нажимает на кнопку зажигания. Она отключает «умного» пилота; знает, что должна лететь, управляя вручную. Над ними начинают вращаться лопасти.

— Ты в порядке? — кричит Сет.

Кеке кивает. Показывает им большие пальцы вверх. Он наклоняется к ней, целует в щеку и продлевает поцелуй чуть дольше необходимого.

— Увидимся на той стороне! — кричит она и тянет рычаг назад.

«Волантер» начинает набирать высоту, и через несколько секунд он уже жужжит высоко в небе, а затем исчезает.

Сет смотрит в небо.

***

Они отправляются в «СкайРест» в двух кварталах от них. В голове Кейт много вопросов.

— Мэлли?

Уголки губ Сета опускаются.

— Я его не нашел.

У нее сжимается сердце. Она не может думать об этом сейчас. Сама того не зная, она останавливается.

— Пошли.

Сет мягко тянет ее за собой.

— По одной проблеме за раз.

— Ты украл этот «Волантер»?

— Мне не нравится слово «украл». Оно подразумевает нечто отрицательное.

— Чей он?

— Не знаю. Какого-нибудь миллиардера? Я нашел его на поле для гольфа.

— Поле для гольфа.

Кейт думала, что гольф постигла та же участь, что и сигареты, и бассейны. Она даже не слышала это слово больше десяти лет.

— Клуб «Астрогольф».

— Ты украл вертушку у миллиардера на фальшивом поле для гольфа?

— Это был счастливый час.

Кейт бросает взгляд на цифровой дисплей своих часов.

— Девять утра.

Сет пожимает плечами.

— Миллиардерам все равно.

Кейт смеется. Ощущения приятные. То, как жизнь может быть такой страшной и такой глупой одновременно, заставляет ее снова почувствовать себя немного человеком. На ее коленях все еще кровь Кеке.

— Я вытащила гигантский кусок стекла из спины Кеке.

Сет бросает на нее взгляд, вероятно, чтобы посмотреть, шутит ли она.

— Прости, если я считаю, что в это сложно поверить.

— Клянусь.

— Ты даже не можешь посмотреть на иглу, чтобы не упасть в обморок.

— Неправда. Больше нет.

Когда у Кейт появились дети, она закалилась. Ей пришлось иметь дело с разбитыми лицами, сломанными костями, даже… перед ее глазами появляется образ луга. Темная ночь, длинные ленты аромата роз, потные ладони Люмина и хруст, который она никогда в своей жизни не забудет. Нет, она не будет об этом думать. Не сейчас. Она должна сосредоточься на том, чтобы найти Зака.

— Каков твой план? — спрашивает Сет, когда они добираются до здания «СкайРест».

— У меня нет плана, — отвечает Кейт. — Не смотри на меня так.

— Думаешь, мы сможем просто войти и забрать его? Серийного убийцу. Из самого защищаемого ИТЛ в Южной Африке?

— Когда ситуация становится такой невероятной, я склоняюсь к тому, чтобы не слишком много думать.

— Или вообще не думать.

— Заткнись. Я в режиме выживания. Действую на одних инстинктах. Это лучшее, что я могу сделать.

Между ними все всегда было так. Сет думал, Кейт

чувствовала. Математика и цвета.

Она испытывает искушение добавить: *«Просто доверься мне»*, но у Сета есть правило, что никогда не стоит доверять тем, кто так говорит.

Регистратор на входе приветствует их широкой улыбкой. Пока Кейт искала информацию по поминальным вечеринкам, получила несколько рекламных сообщений из ленты, которая автоматически подстраивается под интересы.

Правда ли, что только вчера они ели те образцы похоронных тортов?

«СкайРест» — ведущий инноватор в индустрии городской смерти. В последней рекламе, которую она видела, ей предлагали напечатать пепел во все, что она пожелает: флеш-диск, загруженный воспоминаниями; декоративную керамическую чашу для фруктов; крутое дизайнерское кресло для сада.

Охранник с весельем забирает у них оружие.

***

— Добро пожаловать в «СкайРест»!

Регистратор показывает на свой голотег.

— Я Гаэлин.

Несмотря на ситуацию снаружи, ее макияж идеален, а на лице ни одной морщинки.

По сути, все это место выглядит великолепно организованным, несмотря на хаос, творящийся на улицах. Может быть, они даже рады апокалипсису. Это, в конце концов, то, на чем они специализируются. Еще больше тел, чтобы превратить их в мыло и брелоки «Фонг-Конг». Гаэлин даже глазом не моргнула, увидев грязную и окровавленную одежду Кейт.

— Я бы хотела получить экскурсию по вашим продуктам и услугам, — говорит Кейт.

— Простите за дерзость, — говорит Гаэлин. — Но, когда вы вошли, система просканировала ваши ДНК-коды.

Кейт вспыхивает.

— Есть какая-то проблема?

— Нет, что вы. Я просто хотела предложить вам обоим свои искренние соболезнования по поводу вашей матери.

— Благодарю, — отвечает Кейт.

— Она долго болела?

— Не слишком.

У Энн четвертая стадия рака матки. Он распространился на ее лимфоузлы еще до того, как она согласилась увидеться с доктором, так что хоть существует множество различных и

эффективных лекарств от рака, для нее уже слишком поздно. Болезнь уже пожирает ее внутренности. Ее умные часы «СОС» показывают боль в восемь баллов из десяти. Вместо того, чтобы томиться в больнице, она выбрала, как умрет. Живые похороны запланированы на следующую неделю. Она планирует находиться в окружении дорогих ей людей, попрощаться и выпить пентобарбитал.

— Мы надеемся, что здесь в «СкайРест», вы научитесь более позитивно смотреть на смерть. В древние времена, она рассматривалась, как переход в лучший мир, и ее соответственно праздновали. Лишь на современном западе ей сопутствует страх. Скоро ваша мать перестанет страдать, а об остальном мы позаботимся. Надеюсь, что вас это утешит.

Гаэлин приклеивает на каждого из них по маленькой зеленой точке, затем ведет их мимо ресепшена, кулера с водой, лестницы запасного выхода и через выставочный холл. Как только она отходит от стойки регистрации, ее заменяет углеродная копия.

Внезапно в воздухе раздается оглушающий вой сирены. Он заполняет пространство красными зигзагами. Кейт с Сетом оба вздрагивают от этого резкого шума, но Гаэлин остается абсолютно невозмутимой. У главного входа слышится шум. Появляются мужчины в кевларовых костюмах, держащие длинное, гладкое оружие с двумя ручками, что выглядит так, будто они появились прямо из космического фильма. Откуда они? Будто выпрыгнули из стен.

— Оставайтесь на месте, — произносит голос в динамиках. — Оставайтесь на месте.

Двое охранников подбегают к Кейт с Сетом. Кроме пуленепробиваемых костюмов, на их лица надета графеновая броня с подвижными элементами, которые движутся при разговоре.

— Идите с нами, — говорят они.

Глава 66

Переключатель убийцы

— Нет, — произносит Кейт.

Охранник «СкайРест» смотрит на нее.

— Это для вашей собственной безопасности.

— Я это уже слышал, — говорит Сет.

— Какова ситуация?

Улыбка Гаэлин еще шире, чем прежде.

— У нас ТХ599. Все посетители должны пойти с нами.

Сет оглядывается вокруг. Как и следовало ожидать, других посетителей нет.

Гаэлин делает шаг вперед.

— Боюсь, нам придется продолжить экскурсию в другое время. У нас произошла нестандартная ситуация.

— Что такое?

— Такого у нас никогда прежде не случалось, но не переживайте. Если мы все просто будем следовать протоколу, все наладится.

Кейт не знает, что делать. Она ни за что не пойдет с этими головорезами. Ни за что не позволит засунуть себя в еще один темный фургон. Она будет пинаться и кричать.

Гаэлин трясет головой, что похоже на нервный тик.

— Все будет отлично, — говорит она. — Все будет хорошо.

— Сброс, — произносит один из охранников.

— Сброс, — произносит Гаэлин. — Подтвердите.

Она наклоняет голову и смотрит на Кейт.

— Если мы все просто будем следовать протоколу, все будет отлично.

Регистратор пытается сделать шаг вперед, но ее тело застывает в этом неуклюжем положении, и, похоже, она не может из него выйти.

— Все будет отлично.

Охранник поднимает ее и забрасывает себе на плечо. Другой кивком показывает, чтобы тот ее уносил.

— Идите со мной, — произносит оставшийся охранник.

Близнецы стоят на месте.

— Я не предлагаю вам выбор, — говорит он. — Вы должны пойти со мной прямо сейчас. У нас серьезная брешь в безопасности, здесь опасно.

— Что вы имеете в виду, — говорит Сет, — под брешью в безопасности. Что это значит?

— Вам не нужно знать деталей. Вам нужно…

— Нужно, если вы хотите, чтобы мы сдвинулись с места, — возражает Кейт.

Охранник с раздражением смотрит на зеленый стикер. Он бы унес их, как Гаэлин, если бы ему было дозволено. Что-то в этом стикере его останавливает.

— Из-за ситуации, вышедшей из-под нашего контроля, нам нужно заблокировать здание.

— Какой ситуации? — спрашивает Кейт. — Вы имеете в виду бунт?

— Заблокировать? Что? — спрашивает Сет. — Все здание? Вы не можете.

Это будет катастрофой. Или нет?

Охранник сжимает зубы, и у него ходят желваки. Очевидно, что он раздражен, что упрямые гражданские тратят его время, но

он не может их тронуть или оставить их здесь. Сирена звенит, и красные зигзаги все еще царапают Кейт глаза. Сет проверяет свою новостную ленту.

Интернациональный эксперт по технологиям в Индии утверждает, что «Неисправность» — это вирус.

V1R1S распространяется со смертельными последствиями.

Выключайтесь, отсоединяйтесь, вы можете остановить V1R1S.

V1R1S достиг республики Кейп, тысячи погибших.

Готовьтесь к Национальному отключению.

Звоните, заказывайте Переключатель убийцы сейчас.

Бродячие боты не восстали: знакомьтесь с V1R1S, который распространяется со скоростью света.

— Они утверждают, что это вирус, — говорит Сет. — И собираются отключить город.

— Отключить?

— Вырубить электричество.

— Правительство? Они не могут этого сделать. Это место питается от солнечной энергии.

— Не правительство. Все, повсюду. Неважно, в сетке они или нет. Откуда идет энергия. Каждый несет ответственность за то, чтобы отключить у себя всю энергию на следующие несколько часов до отложенного дедлайна, от севера до юга, или они встретятся с последствиями распространения V1R1S.

— Почему отложенного?

— Не знаю. Может, чтобы дать им время разграбить национальную казну до того, как та навечно уйдет в офлайн?

— Но разве у бродячих ботов нет резервных аккумуляторов?

— Надолго их не хватит. И, в сочетании с переключателем убийцы, это остановит большую часть ИИ от убийства людей.

— Они собираются запустить переключатель убийцы?

— Похоже на то.

Это решение правительства по трем подписям. Не только уничтожить все сознание роботов Переключателем-убийцей, включая хирургов, медсестер и учителей, он убьет каждый искусственный интеллект в стране, от умных холодильников до светофоров и искусственных сердец. Активация Переключателя приведет к тому, что самолеты попадают с небес. Он расколет страну пополам, сотрет триллионы единиц криптовалюты и приведет к смерти тысяч граждан. У Машини Вама действительно хватит яиц, чтобы это сделать? Они хотят, чтобы она это сделала?

Кейт представляет себе недоношенных детей в умных инкубаторах, и ей хочется плакать. Затем она думает о своем собственном ребенке, Сильвер, и чувствует, как кровь отливает от ее лица.

— Сильвер, — говорит она. — Она не сможет вернуться.

Губы Сета превращаются в жесткую линию.

— Нам нужно забрать Зака, — говорит она тихо, — и вернуться к ней до того, как отключат Липворт.

Кейт оглядывается вокруг в поисках свидетельств отключения, и, словно в сказке, предметы начинают исчезать в темноте. Сначала, это лампы на стендах, подсвечивающие продукты в задней части выставочного зала, затем тьма устремляется к ним, и механизмы вокруг них застывают во времени. Сет с Кейт стоят в темноте, мгновенно потерявшись в пространстве.

— Сколько времени у нас есть? — спрашивает она.

— Мало.

Глава 67

Призрачные кортики

Если миссия найти Зака казалась сложной прежде, теперь она кажется невозможной. Да, Кейт хотела, чтобы в «СкайРест» отключили электричество, чтобы обезоружилась система безопасности, но она не продумала, что делать дальше. Не подумала о том, что будет стоять здесь в темноте, в здании, которое тянется ввысь на одиннадцать этажей, а вниз — кто знает насколько? Она не думала, что окажется здесь в ловушке в окружении густого темного не фильтрованного воздуха без малейшего понятия, как найти Зака. Еще она не подумала, как отключенная система безопасности позволит выйти лишь Заку, но не другим опасным преступникам тоже. Не желая того, она представляет, как застряла в недрах этого здания с убийцами и насильниками и, что больше не может выбраться. Сильвер, отключившуюся на больничной койке, Мэлли убитого во сне его Степфордской подружкой. Вдруг ее легкие охватывает ярко-желтая паника, воображаемые голоса кричат на нее, Сет слышит, как ее дыхание становится рваным, и берет ее за руку.

— Не паникуй, — говорит он, будто так легко подавить паническую атаку.

Кейт пытается унять пульс, чтобы сердце не выпрыгнуло у нее из горла. Она размышляет о других ситуациях намного опаснее, чем эта, которые пережила. Не просто пережила, но доминировала в них. Медленно, эта мысль, воспоминания вытягивают страх из адреналина и заменяют его энергией. Ее грудь все еще тяжело вздымается, но разум ясен.

***

Одна за другой, отдельные лампы включаются, словно белые сабли в темноте (Призрачные Кортики). Они исходят от голов охранников; на их лицевой броне есть встроенные фонарики.

— У нас мало времени, — говорит охранник. — Идите со мной.

— Дайте нам фонарик, что у вас на голове, — просит Кейт.

Он колеблется.

— Дайте нам фонарик, и мы пойдем с вами.

Охранник качает головой, затем отсоединяет что-то со своего пояса. Повернув его часть, он включает фонарик, и отдает Кейт. Она никогда в жизни не была так рада видеть ручку-фонарик. Это новая разработка — светлячок, которого можно разорвать пополам. Она так и делает, отдавая вторую половину Сету. Как и договаривались, они следуют за охранником из комнаты с выставочными продуктами, и, когда достигают главного входа, Кейт хватает Сета за руку, и они отделяются в сторону пожарной лестницы.

***

Они бегут по лестнице так быстро, как могут бежать, не падая. Кейт снова ощущает то знакомое жжено-апельсиновое ощущение, дежавю. Она вспоминает, как была на лестнице в «Офисе» в день, когда они нашли друг друга, как они обсуждали проект «Генезис» и не-ящериц. Они спускаются ниже, ниже, ниже, воздух становится прохладнее. Вокруг них разворачивается пространство: ступеньки спроектированы в виде трапеции. Ветреный зеленый, синий, как синяк, пурпурный лед, сухой хаки, цедра лимона. Вскоре они попадают на этаж свежего граната и слышат голоса. Они покидают спиральную лестницу и бегут по высеченному из камня проходу, толкают отключенную дверь. Темнота здесь другая: тут пахнет дрожжевым тестом, дезинфецирующим средством для рук и больными горлами. Несмотря на недостаток света, зрение Кейт пронизано мягкими, переливающимися цветами: Тюрьма в виде питательных желе.

— Кто там? — спрашивает мужчина, отчего Кейт почти что роняет фонарик от испуга.

Она светит им в направлении голоса. Появляется монохромное лицо. Он закрывает глаза и жмурится, пытается разглядеть, кто держит свет.

— Что происходит? — спрашивает кто-то еще. — Почему свет

отключился?

— Что-то произошло?

— Нас наказали?

Кейт рассматривает комнату. Тут их, должно быть, пятьдесят. Почему они собрались здесь? Почему не рванули к открытой двери, к выходу?

— Когда снова включат свет?

— Автомат с водой не работает.

— Становится трудно дышать.

Мужчины с блестящими лицами начинают волноваться. Потный, Скользкий.

Сет закидывает удочку.

— Нас прислала Гаэлин.

— А, — произносят некоторые из них.

Слышится облегчение.

«Гаэлин знает об их ситуации. Скоро все исправят».

— Вас не наказали, — говорит Кейт.

Настроение меняется; все будет в порядке.

— Запланирован перерыв в подаче по причинам технического обслуживания. Гаэлин извиняется, что заранее вас не предупредила.

— А, — отвечают они.

«Гаэлин лучшая. Все любят Гаэлин».

Дверь осталась широко открытой. Кейт знает, что свет выключен, но… конечно же, при отсутствии вблизи охраны, по меньшей мере, парочка из них попытается сбежать?

Иррациональность того, что мужчины так робки перед лицом того, что, возможно, является их единственным шансом на побег, беспокоит Кейт сильнее, чем тот факт, что она окружена опасными преступниками. Что-то в этом месте кажется неправильным.

Сет хватает ее за руку, и этот жест вырывает ее из тревожных размышлений.

— Послушай, — говорит он.

Высоко над ними слышится металлическое громыхание, и оно становится все громче.

— Где Зак? — спрашивает Кейт.

— Зак? — спрашивают они.

«Зак-зак-зак? Какое отношение это имеет к Заку?»

— Он ушел, — отвечает мужчина впереди группы. Свет падает на его лысый череп.

— Что значит «ушел»?

— Его возвысили, — отвечает мужчина.

Другие шепчутся.

— Возвысили? — спрашивает Кейт.

Сет тянет Кейт в сторону.

— Повысили! — кричит он. — Прошлым вечером его повысили.

Брат тянет Кейт прочь из холодной и влажной резиденции в каменный проход, где находится запасная лестница и свежий воздух. Они бегут вниз по ступеням, но спускаются всего на один пролет, когда слышат, как громыхание снова идет в их направлении, слышится звук тяжелых ботинок на металлических ступенях, и они видят мельтешащие лучи фонариков над ними. Им приходится спрыгнуть с железной витой лестницы и спрятаться на корточках в темном углу позади нее.

Пару секунд спустя, охранники в кевларовой коже проносятся мимо них и устремляются в проход и комнату, что за ним. Кейт выжидает, затем они снова выходят на лестницу. Сет первый. Когда Кейт ставит ногу на первую ступеньку, огромное тело хватает ее сзади и прижимает мясистую руку к ее губам. Кейт кричит, но Сет ее не слышит и продолжает путь. Кейт борется и пытается сбросить с себя этого человека, но ей удается лишь уронить свой фонарик. Тот улетает, отскочив от края ступеньки в черном вихре, и разбивается о каменный пол далеко внизу.

Глава 68

Скалистая кроличья нора

Кейт бьет напавшего локтем в защищенные кевларом ребра и кричит, зовя Сета на помощь, но к ее губам крепко прижата рука, и у нее не вырывается ни звука.

— Ш-ш-ш-ш, — раздается шипение слишком близко от ее уха, от этого ощущения ее крик становится громче.

Она представляет себе гигантского шипящего таракана, устроившегося рядом с ее головой, и ей хочется упасть в обморок, это жутко и звучит неприятно. Она почти ожидает, что колючие лапки насекомого коснутся ее лица, но то, что задевает ее ухо, не панцирь, а мягкая кожа на щеке, женская, она пахнет дзадзики.

Женщина толкает Кейт в бок, и, ничего не видя, Кейт ожидает, что ее голова ударится о скалистую стену. Она удивлена, когда стены нет, и тяжело заваливается в комнату, ударившись локтем о каменный пол. Девушка ахает от боли, но затихает, когда снова слышит бегущих охранников.

— Ни звука, — шепчет женщина.

Это Гаэлин? Нет, эта слишком крепкая, чтобы быть ей. Слишком сильная. Ее белая сабля разрезает воздух, освещая еще одну дверь на противоположной стороне узкой комнаты — или это коридор? — в которую они вошли. Она предлагает Кейт руку.

— Кто ты?

Женщина не отвечает. Кейт встает сама.

Кейт держится за локоть, пока электрически-голубой поток вибрирует в ее кости.

— Чего ты от меня хочешь?

— Пошли, — говорит она.

— Нет, — говорит Кейт и начинает пятиться к лестнице, к Сету.

— Мы ждали тебя двенадцать лет, — говорит женщина, и ноги Кейт останавливаются.

— Что?

— У нас мало времени.

Фонарик снова отбрасывает свет на дверной проем, в который женщина хочет, чтобы пошла Кейт.

Я сошла с ума, если собираюсь довериться этой женщине, но затем она вспоминает Бетти/беБарбару на подземной парковке, когда та предупредила ее и дала ключ, сообщение привело ее к Сету и спасло ей жизнь. Она думала, что Б/Б была сумасшедшей, ведь от нее пахло соусом барбекю, на свитере была куча собачьей шерсти, и она без остановки твердила об убийцах и Судном дне, но она была права, и Кейт без нее здесь бы не было.

Сделав глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, Кейт следует за женщиной через дверь. Они спешат через холл, затем еще один коридор, который петляет из стороны в сторону, так что Кейт теряет ориентацию в пространстве. Как раз тогда, когда она начинает сомневаться в своем решении последовать за женщиной, они достигают двери со старинным замком, который женщина отпирает маленьким серебряным ключом, висящем на шнурке у нее на шее. При виде ключа, в голове Кейт проносится множество мыслей — она спит? Когда включится свет, у этой женщины окажется лицо Бетти-Барбары, и она начнет болтать о списках целей и банках семян? Но это просто разошлась паника Кейт. Она знает, что Б-Б мертва, мертва уже почти два десятка лет, и эта женщина — еще один вид безумия, и Кейт просто сошла с ума, что последовала за ней так глубоко в Богом забытую скалистую кроличью нору.

Женщина открывает дверь и заталкивает Кейт внутрь. Звук запираемой за ее спиной двери посылает лед по ее позвоночнику. Больше никаких коридоров, больше никаких дверей, лишь небольшая пустая комната, заполненная клаустрофобией. В камере один бетон, капающая вода и тонкий, грязный матрас в серо-голубую полоску. От внезапной паники Кейт хочется броситься всем телом на дверь, выломать ее, пусть будет проклят разбитый локоть, и бежать так быстро, как только может. Она умрет здесь внизу, если не будет сражаться за свой выход на свет

и воздух. Кейт ощущает на себе вес всех тех людей, которых избивали здесь, словно свинец на своей груди. Кто знал, что души могут быть такими тяжелыми?

Кейт поворачивается к женщине и морально готовиться сражаться изо всех сил, но из угла раздается знакомый голос. Кейт поворачивается кругом.

На конце луча света виднеется серая маска.

— Ты пришла, — говорит Зак с удивлением на лице.

Глава 69

Мертвым все равно

Сет поднимается по лестнице. Его ботинки стучат по металлическим ступеням, но что-то вдруг кажется ему неправильным. Он останавливается и оборачивается. Кейт пропала.

— Кейт? — с беспокойством шепчет он. — Кейт?

Паника вцепляется в него своими когтями. Он не хочет спускаться вниз. Не хочет умирать там внизу. Разницы, на самом деле, никакой быть не должно. Мертвецам все равно, но он не может избавиться от чувства, что предпочел бы умереть где-нибудь на открытом пространстве, откуда сможет видеть небо и лица людей, которых любит, а не под этим огромнейшим весом земли, который на себя ощущает.

— Кейт?

Его желудок переполняется ужасом и страхом. Тело предупреждает убираться отсюда, пока он может. Каждый шаг вниз возносит его тревогу на новый уровень. Когда мужчина ступает на лестничную площадку, холод каменной поверхности словно просачивается в его костный мозг. Куда она запропастилась?

Сет передвигается так тихо, как может, обратно в теплую глубину здания. Как он сможет найти Кейт в лишенном свете лабиринте? Он уже миновал коридоры и проемы, которые все выглядят на одно лицо. Пустые черные ангары и двери в никуда. В его груди беснуется тревожное предчувствие.

Наконец, появляется комната, которая не пуста. Тут никого нет, насколько он видит, но в центре стоят платформы с какими-то высокотехнологичными холодильными боксами, составленными один поверх другого. Что может быть на этих платформах? Ему не стоит смотреть. Ему действительно не стоит смотреть. Он должен найти Кейт и выбраться из этой мрачной преисподней, как можно скорее.

Но, правда, что это может быть? Его сводит с ума незнание. Он будет думать об этой комнате всю оставшуюся жизнь, гадать, что находится внутри этих чертовых холодильников. Все равно

проверка займет всего пару секунд.

Есть ряд коричневых боксов и ряд красных. Он подходит к первому ряду и светит фонариком на крышки.

Там написано «Крайне опасно». Биологическая опасность. Прикреплен 3D тег с мужчиной в костюме химзащиты. «Опасно. Ingozi (прим.: с зулу «Опасно»). Не трогать».

Старый трюк.

Сет видел этот трюк сто раз в черных клиниках и корпорациях зла, которые он разоблачил. Они шлепают парочку стикеров «биологической опасности» на все, о чем не хотят, чтобы пронюхали любопытные сотрудники. Поместите наполовину менее убедительную наклейку «радиоактивно» на дверцу сейфа, и вам никогда не придется беспокоиться, что его кто-либо взломает.

Еб*ные любители, как думает он, открывая щеколды на первой крышке.

Внутри камеры лежат аккуратно заполненные конверты из гибкого стекла, на всех приклеены цифровые коды. Он достает оттуда один наугад и светит фонариком-ручкой в его центр. Похоже на какую-то печать. Круглую печать размером с его ладонь, составленную из небольших точек из черного материала с пустым кругом внутри. Геометрическая, но, определенно, органическая, как радужка глаза. Ему кажется, что он узнает схему, но не может понять, что это. Есть что-то в архитектуре этой вещицы: четко видны фрактальные слова Фибоначчи, но почему напечатанные и почему здесь, в этой камере, в этой подземной пещере? Он поднимает еще один конверт, затем другой. Они почти идентичны.

Сет открывает один из конвертов, чтобы рассмотреть поближе. Светящиеся линии и точки действительно являются каким-то органическим веществом. Мицелием? Он подносит их еще ближе к лицу, и, когда он это делает, точно понимает, что это. Он принюхивается. Безошибочно можно узнать запах земли, похожий на запах леса после дождя, трюфельной стружки. Теперь круглый дизайн обретает смысл: пластины. Это штаммы грибных спор.

Сет не удосуживается закрыть бокс, сразу же переходит к следующему. Снова похожий дизайн, но слегка другой — разница в размере и плотности, словно они работают над выведением подвидов. Он понимает, что во всех коричневых боксах находятся споры грибов, так что переходит к другим платформам с красными холодильными боксами. На них такие же предупреждения о биологической опасности, а крышки защищены соответствующими лентами с желто-черными значками. Они тоже

слегка другие. На них узор из крошечных дырок. То, что внутри, нуждается в воздухе, и он колеблется прежде, чем открыть крышку. Ему действительно не стоит этого делать. Он даже не должен быть здесь. Ему нужно найти Кейт, но это займет лишь еще десять секунд, а затем он уйдет.

Он подносит ухо к вентиляционным отверстиям. Внутри слышится легкое потрескивание, шорох. Там, определенно, что-то живое. Сет начинает срывать ленту с боков бокса так быстро, как может, не устраивая много шума. Открывает защелки и осторожно приоткрывает крышку, его сердце грохочет. Он почти ожидает, что оттуда на него что-то выпрыгнет. Теперь шелест становится громче, пахнет старыми листьями, разложением и чем-то еще, отчего у него сводит желудок. Свет фонарика освещает содержимое, Сет вздрагивает и практически роняет крышку. Сотни жуков копошатся и роятся друг на друге, из-под их ореховых панцирей идет вибрация, они голодны. Сет уже готовится закрыть бокс, когда замечает там кое-что еще: большой круглый предмет в самом низу, они его полностью покрывают. Он хочет присмотреться лучше, но ни за что не станет подносить лицо к жукам.

Что это? Чему они так радуются?

Кладет руки по обе стороны контейнера и хорошенько трясет его, сбрасывая жуков с предмета, а затем сразу же жалеет о своем решении. Холодильный бокс наполовину съезжает с платформы. На него смотрит отрубленная голова. Половина кожи на ней съедена, открывая виду большие участки белой кости. Обе глазницы зияют пустыми провалами вместо глаз — зубы цвета чая застыли в гримасе.

От испуга Сет совершает неловкое движение, и контейнер опрокидывается на бок, а вместе с ним и бокс, рассыпая колонию на бетонный пол. Почувствовав долгожданную свободу, жуки разбегаются по всем сторонам, а разлагающийся череп катится и ударяется об стену.

Бл*ть. Дерьмо. А затем мысль совсем не к месту: автогол.

Жук кусает его в руку, и Сет стряхивает его, встает и давит его ногой. Он хлопает руками по телу, сшибая с одежды голодных жуков; находит одного в волосах и швыряет его через всю комнату.

Сет видел достаточно, он направляется к двери. Пытается закрыть за собой дверь, чтобы насекомые не выползли, но умный замок не работает. Услышав шаги, направляющиеся в его сторону, прижимается к стене, скрываясь из вида. Это трио тюремных охранников — должно быть, они слышали, как бокс упал на пол. Он задерживает дыхание, когда они пробегают мимо него с ярко

сияющими фонариками в комнату с биологически опасными веществами. Их ботинки давят ранее сбежавших насекомых.

— Что за х*йня? — спрашивает один из них.

— Нам сюда нельзя, — отвечает второй.

— Срань Господня. Это плохо.

Сет заворачивает за угол, из-за которого они только что пробежали. Он старается дышать, как можно тише.

Первый охранник произносит по своей «косточке».

— Нужна зачистка в биосекции.

Слышится шум помех.

— Алло?

— Иисусе, Сэмюэл. Ты действительно думаешь, что их сейчас волнует пара насекомых?

— Я не могу связаться с Гаэлин.

— За стойкой никого нет, идиот. У нас две сотни осужденных убийц и педофилов и никакой возможности удержать их там. Ты думаешь, они пришлют ебаного уборщика? Очнись, бл*ть!

— Я просто… — начинает Сэмюэл, — ну, знаешь ли, знаки. Предупреждения об угрозе. Я просто подумал, что это нужно убрать, или будут проблемы.

— Ты такой же тупой, как и свиное дерьмо, Сэм. Ты в курсе?

— Сэм в чем-то прав, — говорит третий мужчина. — Помнишь, когда мы жили в бараках во время обучения?

— Только и не ты тоже. О чем вы, бл*ть, оба толкуете? У нас здесь катастрофа с брешью в безопасности. Вероятно, нас линчует толпа еще до того, как настанет время есть хлопья, а вы двое переживаете из-за каких-то жуков.

— Я просто имел ввиду, помнишь там тараканов? Сначала был один, а на следующий день сотня. Эти твари умеют размножаться.

Он прав. Сет чертовски уверен, что пожирающие плоть насекомые откладывают яйца в невидимых щелях, пока они разговаривают. Он содрогается. Сэмюэл прав. Это плохо.

— Вы два долб*еба. Поспешите, нам нужно вернуться к осужденным.

— Да, сэр.

Мужчина качает головой и идет в сторону резиденции, подальше от Сета, бормоча что-то себе под нос.

— Как же мне повезло, что я застрял с этими тупицами в еб*ный Судный день. Траляля и, мать его, Труляля.

— Я просто думаю, сэр… — начал Сэмюэл.

— О, Бога ради! — взрывается мужчина. — Ладно! Ладно, свиное ты дерьмо! Оставайся здесь и убери этот беспорядок, а, когда закончишь, можешь присоединиться к взрослым в

резиденции, хорошо?

— Да, сэр.

Двое охранников маршируют прочь, а мужчина, которого назначили ответственным, для верности, бьет в стену на случай, если его крик не совсем полно отразил его недовольство.

Сэмюэл снимает со спины автомат и прислоняет ее к стене. Может быть, Сет, в конце концов, переоценил его сообразительность. Мужчина заходит обратно в комнату с биологически опасными веществами и, судя по звукам, начинает давить насекомых невидимым инструментом.

Как только двое охранников оказываются достаточно далеко, Сет подкрадывается к автомату и, обхватив рукой, крадет. Кейт близко — он чувствует ее сквозь стены. Сет прижимает оружие к телу.

Спасибо тебе, Свиное дерьмо.

Глава 70

Серый череп

Внешность Зака настолько шокирует Кейт, что ей приходится посмотреть на него дважды, чтобы убедиться, что это он. Его тело сильное, крепкое от мускулов, которые можно заработать только тяжелым ручным трудом, а не как у любителей целовать бицепсы в куртках с охлаждением, которых можно увидеть в рекламной ленте. Но его лицо… превратилось в серый череп. Костный пепел. Что они сделали с ним? Годы, проведенные здесь, лишили его искры жизни.

— Зак?

Девушка все еще не уверена, что это он.

— Ты пришла, — произносит он, словно в трансе.

— Я же говорила тебе, что она придет, — говорит Бернард. — Хоть она и не торопилась.

— Что теперь? — спрашивает Зак.

— Не смотри на меня, — Бернард показывает на Кейт. — Это она должна освободить тебя.

— Я не знаю, как отсюда выбраться, — говорит Кейт.

— Да, но у тебя есть это, — говорит Бернард, показывая на зеленый пиксель на ее груди. — И это наш билет. Охранники не трогают посетителей, а это значит, что, если ты защитишь Зака, они не смогут прервать наш уход.

Кейт опускает взгляд на зеленую точку.

— Это все, что нужно? Пиксель?

— Ну, пиксель и апокалипсис.

— Без него не сбежать. Зака застрелят, как только он сделает шаг отсюда. Они всадят пулю и в меня. Приказ был ждать тебя, мы так и сделали.

Бернард показывает жестом, что они должны следовать за ней.

***

Кейт видит сквозь грубость стражницы. По тому, как та смотрит на Зака — то, что осталось от Зака — Кейт видит, что той не все равно, будет ли он жить. Они следуют за ней через дверь и поворачивают направо в коридор.

— Мы пришли не оттуда, — замечает Кейт.

— А выйдем сзади, — отвечает Бернард.

Они спешат по тому, что кажется лентой Мёбиуса *(прим.: трехмерный объект, проекцию которой можно воссоздать с помощью полоски бумаги, перекрученной на 180 градусов и склеенными после этого концами)*, и Кейт чувствует себя невероятно потерянной, но затем она слышит голоса людей, поначалу слабые, затем становящиеся громче. Радостная болтовня, похожая на пузыри в воздухе.

Кейт хватает Бернард за руку.

— Мы не можем пойти тем путем. Там люди.

— Это единственный путь.

Бернард достает с пояса свою дубинку.

Они приближаются к источнику шума. Адреналин в теле Кейт теперь светится неоновым желтым, а инстинкт подсказывает ей бежать в обратном направлении. Воспоминание о маленькой сырой камере подталкивает ее вперед.

— Осторожно, — предупреждает Бернард. — Другие ведут себя не так хорошо, как те, которых вы видели.

— Ты имеешь в виду, что они сидят не на таких сильных препаратах, — замечает Кейт.

Бернард бросает на нее взгляд.

— Да.

Они замедляются, приближаясь к резиденции.

— Ведите себя, как можно тише.

Бернард выключает свой фонарик, и Кейт делает то же самое со своим. Они скользят в темную общую комнату, где толпа оживленных мужчин болтает, как стая обезьян. У них два фонарика — откуда они их достали? — прыгают и пинают что-то в центре комнаты. Ругаются. Это охранник. Нет, два охранника, свернувшиеся на полу в попытке защититься от ударов.

Кейт пытается игнорировать ужас, бушующий в ее груди. Тьма приобретает зловещий оттенок, а воздух вокруг нее сгущается. Она пытается дышать не так тяжело, но ее легкие сжимаются от тревоги.

Они вжимаются в стену, как можно глубже, и медленно перемещаются по комнате к двери на другой стороне. Движутся плавно и быстро, отворачивая лица в надежде, что мужчины будут слишком отвлечены на охранников и не заметят, что кто-то идет вдоль стены в темноте. Кейт не может перестать бросать взгляды в сторону мужчин, глупо вытягивая шею, в ужасе из-за чистого насилия в монохроме. Похожего на сцену в старом фильме — авангардной пьесе.

***

Кейт, Зак и Бернард всего в нескольких шагах от двери, когда раздается громкий: «Эй!», и мужчина с раздутым лицом смотрит прямо на Кейт, пойманную в луче рассеянного света.

— Бежим! — кричит Бернард.

Они бросаются вперед, но спотыкаются в темноте. Кейт сильно ударяется о бетонный пол. Рука хватает ее за ногу.

Кейт кричит и пинается. Ее адреналин превратился в поток, молнией несущийся по ее телу.

— Помогите нам! — кричит один из заключенных. — Вытащите нас отсюда! Мы умрем, если вы оставите нас здесь!

Она пинает мужчину в лицо, но он лишь вскрикивает, усиливает хватку и тащит ее по полу в центр комнаты. Девушка лягается, но мужчина намного сильнее нее. Появляется Бернард и бьет его по голове дубинкой, он отпускает Кейт и откатывается, но затем другой заключенный занимает его место и хватает Кейт за бедра. Она кричит и бьет его кулаком в лицо, борется с ним, пока Бернард наносит столько ударов, сколько может на других приближающихся мужчин и их алчные руки. Страх душит Кейт — она задыхается желчью, пока пинается и кричит, а ее утаскивают все дальше в толпу. Зак пытается найти что-то у себя в карманах, пока мужчины толкают и бьют его кулаками. Он даже не сопротивляется. Он словно ушел вглубь себя, в какой-то защитный режим, чтобы не воспринимать происходящее.

«Дерись! — хочет крикнуть ему Кейт. — *Борись!»*. Но он лишь смотрит вниз и роется в карманах.

Кейт кричит и царапается, пытается вырваться. Ее локоть мерцает ярко-синей болью, когда она толкает их ими. Ее голос затихает, а мышцы дрожат от страха и усталости.

«Я умру не так».

Она наносит удачный удар в челюсть мужчины, и он отпускает ее. Другой хватает ее, на его бледном лице безумная усмешка. Она пытается пнуть и его тоже, но мужчина ловит ее ногу и выкручивает, из-за чего Кейт кричит, когда боль

простреливает ногу.

Бернард использует свои сильные руки, чтобы растолкать нападающих и отбить удары любого, кто встанет на ее пути. Она смачно бьет по мужчине, чьи руки вцепились в таз Кейт, ударяет его в висок так сильно, что Кейт слышит хруст, и он падает ничком, оставляя комету из красного на ее груди.

— Помогите нам! — повторяют твердить они. — Вытащите нас отсюда! — кричат они, атакуя.

Кейт смогла встать на колени, но ее тянут назад за волосы. С ревом она поворачивается, чтобы ударить мужчину в пах, и тот оседает на пол. Другой мужчина залезает на Кейт сверху, затем еще один. Она оказывается распластанной на твердом полу, в процессе падения, ударившись виском. У нее перехватывает дыхание, и она чувствует, что вот-вот потеряет сознание. Электричество, будто взрывается в ее теле и угрожает закрыть ей глаза. Все ее тело пульсирует темно-синим. Несмотря на стоны и бормотание, раздающиеся вблизи, Кейт слышит, как Бернард кричит и дубасит заключенных дубинкой. Сейчас глаза Кейт закрыты, но она представляет женщину вдвое больше нее, ревущую и раскидывающую мужчин на своем пути, как Годзилла. Сознание покидает Кейт, но, если она отключится сейчас, то умрет. Не только умрет, а хуже: так как она ощущает на своем теле мужские руки, хватающие ее за грудь, живот, между ног, тянущие ее за волосы, пальцы и губы, как будто они хотят растащить ее на части. Они словно дикие псы, готовые разорвать ее, и, когда один из заключенных давит ногтями у нее за ухом, пытаясь оторвать его, это придает Кейт яростную энергию, чтобы взбодриться и с силой ударить его в нос. Хрящ с хрустом поддается, мужчина заливает Кейт своей горячей, тошнотворной кровью.

Ужас придает ей сил.

— Я умру не так! — кричит она.

Затем вскакивает и пинает следующего мужчину в грудь, отчего тот отлетает назад, затем она бьет коленом в пах следующего нападающего. Другой мужчина готовится прыгнуть на нее, но ему сбоку прилетает дубинка Бернард, как и следующему, а затем, наконец, появляется немного пространства, чтобы покинуть комнату.

— Зак! — кричит Кейт.

Зак все еще роется в карманах.

Нашел время!

Бернард подходит, чтобы схватить его за руку, выдернуть из комнаты. В этот момент осужденный сотрясает ее ударом в челюсть, затем выдергивает у нее из рук дубинку и бьет ей

Бернард по затылку. Ее тело с грохотом падает на пол.

Мужчина собирается пнуть Бернард в окровавленную голову, но Кейт изо всех сил бьет его кулаком в живот, ломая костяшки. Он резко выдыхает, но даже не шатается. Переводит взгляд на Кейт. Она трясет своей больной рукой и укрепляет стойку, готовая защищаться, но ее уверенность тает, когда приближается еще больше мужчин, и еще больше, и Кейт понимает, что неважно, как сильно она будет драться, они победят ее числом. Они умножаются снова и снова, как агент Смит, пока их не становится сотня. От нее ничего не останется.

Глава 71

Темная плоть венериной мухоловки

Кейт обезумела. Ей удается сбить с ног одного из мужчин своевременным пинком в пах и разбить нос другому осужденному, временно лишая его зрения. Она должна продолжать драться, но она одна, а их, похоже, дюжины. Заключенные теперь перемещаются, как единое целое, желая поглотить ее: темная плоть венериной мухоловки. Мышцы Кейт горят, у нее больше нет сил драться с ними. Толпа отрывает ей рукав, затем она чувствует, как ее тянут за голую руку, будто хотят выдернуть ее из сустава. Они набрасываются на нее. Голос Кейт охрип, но она все равно кричит, ее рваный стон теряется в хаосе из тел. Бернард истекает темной кровью на темном полу.

Кейт напрягает глаза, чтобы увидеть Зака, который, наконец, перестал возиться с карманом своей тюремной формы и вытащил осколок острого блестящего металла. Он машет им, и они вскрикивают от удивления и боли, когда парень перерезает горла, режет руки и все, до чего может дотянуться. Они отшатываются от него, фонтанируя кровью, а он режет и режет, будто выкашивает поле сорняков. Пол становится скользким от теплой артериальной крови. Мужчины, нависшие над Кейт, исчезают один за другим. Наконец, оставшиеся, решают, что у них нет шансов выжить, отступают и исчезают в прилегающих комнатах. Кейт выкашливает рвоту. Ее лицо мокрое от слез, хотя она не помнит, чтобы плакала.

Зак убирает острую бритву обратно в карман и поднимает Кейт с земли. Он блестит от пота и других жидкостей. Появляется Бернард, трясет головой и нетвердо стоит на ногах, у нее кружится голова. Она находит свою стальную дубинку и прижимает ее к животу. Они выбегают из резиденции в коридор, сворачивают налево, затем направо. Пока они бегут, Бернард то и дело прислоняется к стене, по пути рассматривая ее. Вдруг, она останавливается и хватается за край скрытой двери.

— Сюда.

Бернард снимает крючок и открывает дверь, позади которой оказывается проем, ведущий в темный туннель. Воздух там холодный и пахнет землей. Они пролазят внутрь, и Бернард закрывает за ними дверь. Несмотря на крутой склон, они ускоряют шаг и оставляют жар подземного центра позади. В тайном проходе на земле имеются рельсы, как в самодельной шахте.

— Что это? — спрашивает Кейт.

— Лучший способ вывозить отсюда тела, будучи незамеченными, — отвечает Бернард.

— Тела?

— Трупы.

Кейт дрожит. Она видела достаточно мертвых тел на сегодня. Пережитое отражается на ее воображении, ей мерещится, что стены туннеля состоят из глазных яблок и зубов, и она отдергивает руку от песчаной стены.

— Мы почти на месте, — сообщает Бернард, скорее для Зака, который, похоже, слабеет.

Кейт надеется, что скоро они выйдут на свежий воздух, но Бернард произносит ругательство, и Кейт почти натыкается на ее спину. Фонарик освещает огромную кучу земли в том месте, где шахта обрушилась, блокируя туннель. Бернард произносит ряд ругательств, таких грязных, что даже Кейт удивляется. Теперь позади них слышатся какие-то звуки.

Охрана? Преступники?

— Они найдут нас здесь, — говорит Зак. — Они идут по нашему следу.

Кейт с Бернард смотрят на землю, где сияют свежие малиновые капли. Преданы собственной кровью.

Бернард использует дубинку, чтобы простучать потолок. На них сыплются комки грязи. Земля поддается свободно, достаточно свободно, чтобы ее удалить. Бернард осыпает еще больше земли. Это их единственный выход.

— Копайте, — говорит она.

Они копают и копают жесткую почву над ними. Та покрывает их пылью и грязью, то, что обвалилось, становится их лестницей наверх, они могут рыть то, что раньше не доставали. Дубинка в особенности полезна, они копают ей по очереди. Зак откапывает маленький, острый камень и использует его, как молоток, чтобы ускорить работу. Когда Бернард забирает дубинку, Кейт использует свои руки, сдирает кожу на пальцах и ладонях, теряет ногти, пока отчаянно прорывает себе путь к свежему воздуху и свету. Если из подземелья и идет шум, они уже не прислушиваются.

— Поспешите, поспешите, — просит Кейт, скорее для себя, чем для других.

Они все знают, что на кону. Зак отдает Кейт свою острую бритву. Вероятно, он будет использовать свой острый камень, как оружие, если нападающие решат попробовать атаковать их снова. Тяжело копать в направлении верха, так как кровь отливает от рук, если их держать поднятыми слишком долго, не говоря уже о том, чтобы удалять неподатливую землю. А ее так много. Она повсюду, включая рот и глаза Кейт. Наконец, они на что-то натыкаются, какой-то рыхлый слой, над ними слышится грохочущий звук.

— Осторожно! — кричит Бернард как раз перед тем, как оползень накрывает их всех, и им приходится бороться с землей, чтобы иметь возможность дышать.

Они ползут, распихивают землю ногами, чтобы не потонуть в ней. Плывут вверх через ил и, когда их головы показываются из груды, которая только что почти поглотила их, радостно кричат и улыбаются, их лица покрыты грязью — видны лишь белые глаза и зубы — потому что воздух снаружи устремился потоком, приветствуя их: пятнистый свет, прохладный лесной воздух и запах разлагающихся листьев. Они это сделали. Кейт словно прокопала себе путь из могилы, если бы ее похоронили заживо, но вот она здесь, вот они здесь, живые, оставившие все худшее позади.

Прикладывают усилия, чтобы высвободить конечности из-под тяжелой земли, и как только они оказываются над землей, снова оглядывают друг друга с глупыми улыбками. Кейт смеется, нелепо, отчаянно, потому что, конечно же, тут не над чем смеяться. Все же она здесь с двумя практически незнакомцами, и они только что избежали верной смерти не единожды, но дважды. Теперь они стоят в Богом забытом лесу, и у нее есть то, за чем — или, скорее, за кем — она пришла.

На миг кажется, будто время остановилось, ее неотложные проблемы кажутся далекими: Сильвер, спящая на больничной койке, и Мэлли, глядящий в опасные глаза Веги. Кеке, зарезанная школьницей. В данный момент Кейт просто вдыхает воздух, богатый хлорофиллом и стирает землю с щек, вспомнив в процессе, что ее локоть, вероятно, сломан — по меньшей мере раздроблен — и, конечно же, это та самая рука, которую она ломала в 2021, и повреждала в 2024, и она думает: «великолепно». Потому что она жива.

И, когда часы начинают тикать снова, она вспоминает, что ей нужно добраться до Сильвер до того, как «Липворт» отключат. И это заставляет ее вспомнить о Сете, и ее сердце становится серым.

Глава 72

Трупный компост

Они втроем спешат вперед, лес пестрит светом. Это первый раз, как Зак оказался снаружи за двенадцать лет. Тут абсолютно безмятежно, в квартале от здания «Скайрест» и его подземных камер, и еще дальше от неровного горизонта Джози и того хаоса, что творится в нем.

Кейт спотыкается о то, что кажется корнем дерева. Она летит телом вперед и пытается смягчить падение, выставив вперед здоровую руку. Ее лицо оказывается достаточно близко от земли, чтобы увидеть слезающую кожу на мраморной руке, высвободившейся из-под земли. Она кричит от испуга и пятится, ползя на спине, но ее локоть погружается в мягкую почву. Там оказывается еще одна конечность — короткая нога — и полуразложившееся лицо с обнаженными в смертельной гримасе зубами. Кейт вскакивает на ноги, но снова спотыкается. Зак неожиданно оказывается рядом и ловит ее за руку.

— Не паникуй, — говорит он, женщина смотрит на него, словно тот сошел с ума. — Они не могут причинить нам вреда.

Они по голень увязли в разлагающейся плоти и костях, земле и заплесневевших листьях (Трупный компост). От этой мысли Кейт становится дурно, но правда в словах Зака, уменьшает ее страх. Эти скелеты безвредны. Мужчины, пытавшиеся разорвать ее на части под землей, вот кто был настоящей угрозой. Бродячие боты, охотники на ботов и V1R1S — реальная угроза. В любом случае, у них нет времени на страх.

Думая о детях, Кейт удается как-никак не обращать внимание на кости, хруст которых она ощущает под ботинками, и на хлюпанье гниющей плоти, которое она слышит.

— Это одно из их экспериментальных полей, — сообщает Бернард, слегка запыхавшись от попыток идти по мягкой жиже.

— Мне снился лес, — говорит Зак. — Снился много раз, и я знаю, что он не может причинить нам вреда.

Кейт наступает на в особенности скользкий участок, ее нога немного проскальзывает, и у нее возникает рвотный позыв.

— Сосредоточься на деревьях, — говорит он.

Кейт поднимает взгляд, Зак прав, деревья сияют здоровьем, силой и свежими листьями. Новая жизнь питается смертью под ней. Она понимает, что все они свободно дышат без лицевых масок, словно находятся в пузыре кислорода.

Кейт хочет позвонить Сету, но вспоминает, что ее «косточки» больше нет; ее сорвали преступники. Она посылает быструю глупую молитву в мультивселенную, надеясь, что Сет возвращается в «Липворт Фаундейшн». У нее дурное

предчувствие.

Кейт вздрагивает.

— Мне нужно найти Сета. Что, если он отправился назад на мои поиски?

— Он бы не хотел, чтобы ты возвращалась, — отвечает Зак. — Он бы хотел, чтобы ты спасла Сильвер.

Глава 73

Академия антроботов

Квартира Сета. Йоханнесбург, 2036

Мэлли с Вегой сидят лицом друг к другу на кровати парня, держась за руки. Он наклоняется вперед и целует ее в губы, с осторожностью и нежностью. Ее тело теплеет и изгибается. Она запускает руку ему в волосы, и кожа на его голове оживает от ее прикосновений. Другие части его тела тоже. Она точно знает, что его возбуждает.

Вега начинает тянуть за его джоггеры. Он мягко останавливает ее.

— Не надо, — говорит он. — Не сегодня. Не после того, через что ты прошла.

— Я этого хочу, — говорит Вега. — Я очень люблю тебя.

— Люблю тебя, — говорит Мэлли, — но нам не нужно заниматься сексом, чтобы доказать это.

— Я этого хочу, — повторяет Вега. — Этот мир сошел с ума. Что, если это наша последняя возможность?

Вега распахивает свою рубашку перед Мэлли. Он проводит пальцами по идеальным очертаниям ее груди в гладком бюстгальтере, ощущает пульс через теплую силиконовую кожу. Не спешит убирать руку с грудного кармана, в котором хранится живой жесткий диск, Осколок ее души. Вега скользит пальцами под пояс его брюк и стягивает их вниз. Его желание очевидно. Она целует его, а он плавится под ней, утопая в подушке. Вега проводит языком вниз по его телу.

— Это не потому… — начинает Мэлли, но затем желание побеждает его, и предложение перетекает в стон.

Вега все равно понимает.

Она знает, что он встречается с ней не из-за этого. Другие мужчины, конечно же, так делают, заказывают подружек из академии антроботов в качестве одновременно и домработниц, и секс-рабынь, но не он. Он думает, что влюбился в Вегу впервые, как увидел ее в виртуальном классе. Его чувства были так сильны в ту первую встречу, что он утратил свою обычную застенчивость и спросил ее, встретится ли она с ним ВРЖ *(прим.: в реальной жизни)*. С тех пор они были практически неразлучны, но он

отказывался от всех ее приставаний, за исключением поцелуев и легких ласк, потому что он не хотел обращаться с ней, как с предметом. Он обожает ее ум, тонкий юмор и ее дух. Ему нравится видеть искры в ее глазах, нравится то, что они постоянно учатся друг у друга, и то, как они понимают друг друга.

«О, сеть, я люблю ее», — думает Мэлли, когда она начинает тянуть вниз его джоггеры с охлаждением.

И она права. Кто знает, что там происходит, или что произойдет завтра? Завтра вообще настанет?

Он не знает. Но чувствует, что время настало — и это знание вспыхивает в нем, поднимая его желание на новую высоту. Они ждали довольно долго. Это отличное время, чтобы консумировать их отношения. Он садится и начинает стаскивать с Веги рубашку, а она одной рукой расстегивает за спиной лифчик. От вида ее обнаженной груди, у него перехватывает дыхание, с секунду у него кружится голова, затем он перемещается вниз, чтобы поцеловать ее грудь.

Звенит дверной звонок, и они оба подпрыгивают. Вероятно, это его родители, или вечно пропадающая Сильвер. Стала бы Кейт звонить в дверь, если она может воспользоваться биопанелью? Может быть. Если со входной дверью возникли проблемы. Что бы то ни было, они вздыхают, улыбаются и надевают одежду обратно.

— Чистейший из людей, — шепчет Вега, застегивая рубашку, в то время как Мэлли идет, чтобы открыть дверь.

Арронакс опережает его.

— …здесь, как представитель национальной безопасности андроидов… — говорит незнакомец.

Девушка чувствует позади себя Мэлли и поворачивается, чтобы включить его в диалог.

Мужчина смотрит на Мэлли, словно оценивая его. Глаза-бусинки. Подергивающиеся пальцы. На нем надет дешевый синий костюм, такой новый, что у Мэлли сразу же появляются подозрения. Как его не забросали яйцами на улице в таком прикиде? По меньшей мере, он мог его немного потрепать.

— Доброе утро.

На его голотеге вспыхивает логотип НБА. Его зовут Говендер.

— Я говорил… что здесь, чтобы опросить мисс Альфа Лиру об инциденте, произошедшем прошлым вечером.

— Зачем? — спрашивает Мэлли.

— Для регулирования, — отвечает Арронакс. — Обо всех нападениях на антроботов нужно сообщать.

— Что ж, это больше не имеет значения, — говорит Мэлли.

Мужчина нервно поправляет свою «косточку».

— Почему вы так говорите?

— Скажем просто… что придурок, ответственный за нападение, больше этого не сделает.

— Мы знаем, — говорит Говендер. — Мужчина мертв, а на месте преступления были найдены пули от револьвера мисс Лиры. Я уверен, что вы понимаете, что этот инцидент нуждается в расследовании.

Арронакс хмурится.

— О чем это вы?

— У Веги проблемы? — Мэлли чувствует, что к его щекам приливает краска. — Из-за того, что она защищалась? Из-за того, что спасла мне жизнь?

— Никаких проблем, — отвечает мужчина. — Нет, если она не сделала ничего, чего нет в протоколе.

— Не делала, — говорит Мэлли и пытается закрыть дверь, но Говендер подпирает ее ногой.

— Я хочу поговорить с ней, — сообщает он.

— Она многое пережила, — возражает Мэлли.

— Это не займет много времени.

— Затем вы уйдете?

— Затем я уйду.

***

Они устраиваются на кухне открытой планировки. «Разговор» включает в себя загрузку Говендером воспоминаний Веги о нападении. Арронакс занята в своем «СнэпТайле», пока они завершают перенос. Представитель просматривает версию нападения от лица Веги и вздрагивает при каждом выстреле. Как только он получает копию видео, вставляет ключ диагностики сзади ей в шею, и тот вспыхивает красным.

— Это плохо, — сообщает Говендер. — Хуже, чем я думал.

— И что это значит?

— Это значит, что мы ее забираем.

Вега встает, расправляет морщинки на своей одежде, готовясь на выход.

— Черт, нет, — говорит Мэлли. — Вы никуда не заберете Вегу.

— Боюсь, что решать не вам, мистер Ловелл, — отвечает мужчина. — Альфа Лира имеет значительное внутреннее повреждение, как на аппаратном, так и на программном уровне. О ней нужно позаботиться.

— Позаботиться?

— Она опасна в таком состоянии, но не переживайте, мы сможем ей помочь.

— Нет, — возражает Мэлли. — Ни за что.

Он видел новости. Видел, как полицейские особого назначения загребали ботов всех видов и мастей и помещали их в концентрационные лагеря с заборами, украшенными гирляндами из электрических проводов.

— Мы ее починим. Перезагрузим. Она будет как новенькая.

— Я не позволю вам этого сделать, — говорит Мэлли.

— Со всем уважением, — произносит Говендер, — это решать не вам. Согласно пункту 17С акта НБА, мы имеем право забирать всех неисправных ботов и…

— Не говорите о ней так. Будто она чья-то собственность.

— Но… это так и есть, — говорит он. — Я понимаю, что вы молоды и…

— Неважно, сколько мне лет, — возражает Мэлли. — Дело в нормах приличия.

— Альфа Лира собственность правительства.

Говендер начинает приближаться к Веге, протягивает руку, чтобы увести ее.

— И поэтому она…

— Не трогайте ее!

— Все хорошо, Мэлли, — говорит Вега. — Таков протокол.

— Плевать я хотел на этот протокол, — отвечает Мэлли. — Меня тошнит от этого сраного протокола. Он никуда тебя не заберет.

— Я арестую вас за препятствование возврату, — предупреждает Говендер.

— Нет, — произносит Вега, одаривая представителя НБА своей лучшей улыбкой. — Нет нужды для арестов. Я пойду с вами.

Мэлли блокирует мужчине дорогу.

— Ни за что я не позволю этому случиться.

Арронакс поднимает взгляд от своего устройства, и Мэлли наблюдает за тем, как от ее лица отливает краска. Она сигналит ему глазами и хватает «Вектор» Сета из-за инстачайника. Пистолет не станет стрелять без отпечатка Сета, но Говендер этого не знает.

— Убирайтесь, — Арронакс дергает пистолетом в сторону двери.

Говендер резко вскидывает руки.

— Что вы делаете?

— Убирайтесь, — рычит Арронакс. Ее волосы меняют цвет с серебристо-лилового на темно-фиолетовый с черными

кончиками.

Вега выглядит растерянной.

— Что происходит?

— Это ваш последний шанс отсюда уйти, — предупреждает Арронакс.

Мужчина держит руки поднятыми и, спотыкаясь, пятится назад по направлению к входной двери.

— Знаете, она убьет и вас. Нет такого понятия, как хороший робот.

— Чушь, — не соглашается Мэлли. — Вы не знаете, о ком говорите. Вы должны проявить уважение.

Это застает Говендера врасплох. Он переводит взгляд с Мэлли на Арронакс, затем снова на Мэлли.

— Замолчи, Мэлли, — говорит Арронакс.

Мэлли игнорирует ее.

— Это доктор Арронакс?

— Заткнись, Мэлли! — кричит Арронакс, но Мэлли не может остановиться.

— Она ведущий инженер по робосапиенсам седьмого поколения и основательница движения «Права роботов».

Говендер округляет глаза и спотыкается, пятясь в прихожую.

— Что ж, — произносит он, возвращая самоуверенность, — доктор Арронакс. Может быть, вы заслуживаете умереть от рук одного из монстров, которых вы создали.

Мэлли шагает вперед, чтобы ударить его в лицо, но Вега останавливает его. Говендеру больше не нужно поощрений, чтобы он ушел. Уходя, он прищуривает глаза.

— Мой совет — убить робота. Убейте ее до того, как она убьет вас.

***

— НБА должны защищать антроботов, — замечает Мэлли.

— Этот человек был не из НБА.

Арронакс показывает Мэлли экран. Она глубоко залезла на сайт НБА, и там не оказалось такого члена.

Теперь очередь Мэлли растеряться.

— Тогда, кем он был?

— Не знаю, но его цель ясна. И к данному моменту, он передаст этот адрес и наши личности всем своим дружкам — охотникам на ботов.

— Ох, дерьмо, — говорит Мэлли. — Я не подумал. Мне так жаль.

— Не переживай. Ты не знал. Важно лишь убраться отсюда,

как можно скорее.

В процессе разговора, Арронакс упаковывает свой кардиган и «Тайл». Она открывает пару кухонных шкафчиков и забирает хрустящие пакеты с едой: манговый бельтонг, попкорн с маслом и протеиновую соломку, засовывает их в рюкзак. «Вектор» отправляется в карман ее лабораторного халата.

— Куда мы поедем?

— У меня есть безопасное место. В городе. Мы сможем остаться там, пока…

Пока что? Пока угроза не минует? Вероятно, этого не случится. Пока у нас не закончится еда? Пока мы не умрем?

Он не видит положительного исхода. Он даже не знает, увидит ли он свою семью снова. Он ощущает на своей спине руку, поворачивается и видит Вегу. Ее глаза сияют.

— Пошли, — говорит она.

Глава 74

Вы можете не ходить на работу

Чайнасити/Сэндтон. Йоханнесбург, 2036

Кейт, Зак и Бернард несутся через город, перепрыгивают с трамвая на трамвай и обходят стороной худшие районы, где бушует гражданская война. После удара в «СкайРест», у Кейт все еще кровоточит голова. По пути они прихватывают упаковку горячих полотенец из разбитого вандалами торгового автомата, чтобы они могли хотя бы очистить лица от покрывающих их крови и грязи. Рука Кейт пылает от боли. Она не может оторвать взгляда от серого лица Зака.

«Что они с тобой сделали?» — хочет спросить она, но сейчас не время.

***

На солнечном трамвае, едущим в южном направлении, они проносятся мимо пешеходов: контуженных, злых, сбитых с толку. Некоторые люди выглядят так, будто идут на работу, но не совсем верят, что им нужно туда идти. Не похоже, чтобы о Судном дне оповещали. Объявление об апокалипсисе.

Уважаемые граждане. Сегодня конец света. Вы можете не ходить на работу. Наслаждайтесь днем.

— Кеке будет чертовски рада видеть тебя.

Лицо Зака оживает.

— Кеке?

— Она пыталась прийти к тебе на суд.

— Суда не было.

— Именно это ее и беспокоило.

— Они наняли актеров и устроили картонный суд. И вот так просто…

— Ты на нее зол? — спрашивает Кейт.

— Зол на Кейт? Нет. Никогда.

— Но…

— Я попал в Крим-колонию не из-за нее. Моя работа стала основной причиной, по которой меня арестовали. Потому что придурки не понимают картины в целом.

— Что это? Что у тебя за работа? — спрашивает Кейт.

— Ты знаешь аллегорию «Миф о пещере» Платона?

Кейт качает головой. Она слышала об этом, но не представляет, что это значит, и она, определенно, не в настроении для загадок.

— А про Лотофагов? — спрашивает Зак.

— Нет, — отвечает Кейт. — Так ты можешь, пожалуйста, рассказать мне, что, черт возьми, происходит?

Они минуют гигантский костер, извергающий едкий дым. Люди бросают обломки тротуара в огонь. Туда же летит разбитая мебель, коробки и конечности антроботов. Некоторые люди обнажили грудь и намазали себя чем-то вроде военной раскраски: кровью? Смесью пепла и слюны? С дикими глазами они подкармливают огонь, время от времени что-то выкрикивая.

— Да, — говорит Зак, беря ее за руку. Они прибывают в пункт назначения и спрыгивают с трамвая. — Почти вовремя.

***

Система безопасности «Липворт Фаундейшн» ни за что не впустит в здание сбежавшего заключенного. Бернард чувствует сомнения Кейт.

— Оставь это мне.

Она перекидывается словечком с ботом-охранником, и тот кому-то звонит. Огонек с коротким звуковым сигналом меняет цвет на зеленый, им разрешают вход. Бернард явно более влиятельна, чем думала Кейт. Регистратор предупреждает их, что свет отключат к четырнадцати часам. Они спешат по сверкающим, ярко освещенным белым коридорам, избегая лифтов.

— Двенадцать двадцать девять, — сообщает Кейт, глядя на свое голое запястье: привычка, от которой она никогда не сможет избавиться.

Они добираются до частной палаты Сильвер. Кейт толкает дверь и видит свою дочь в кислородной камере в той же позе и том же состоянии, будто она оставила ее всего минуту назад.

Темный Док встает, на его лице виднеется облегчение.

— Кейт.

Он берет ее за плечи и удерживает на расстоянии вытянутых рук, разглядывая ее.

— Боже правый. Что случилось? Ты в порядке?

Кейт сжимает свой локоть и морщится.

— Я буду в порядке после приема обезболивающего.

— Боюсь, что у нас их нет, — говорит Морган.

— Ты шутишь? — спрашивает Кейт. — Ты же шутишь, да?

— Они поместили все наркотики под двойной замок. Чтобы мародеры сюда не наведались.

— Как Кеке? — интересуется Кейт.

Доктор Морган отвечает своим голосом, напоминающим мурлыканье винтажной машины.

— Она в порядке. Я проверял ее полчаса назад. Сильвер крепкий орешек. Она хотела, чтобы ее выписали… хотела отправиться на твои поиски. Я сказал ей потерпеть, сказал, что ты вернешься.

— Ее оперировали?

— Нет. Боты-хирурги отключены.

— А люди? Люди-хирурги?

— Таких здесь нет. Это не больница. Готов поспорить, что они отрабатывают свою третью или четвертую смену подряд в приемных отделениях скорой помощи по всему городу.

Еще одни люди, не получившие предупреждение. Или может быть они захотели провести свой последний день, помогая незнакомцам. Для Кейт подобная щедрость души не свойственна. Инстинкт побуждает ее быть эгоисткой: защищать себя, а уже потом других.

— Я так рад, что ты вернулась, — говорит Морган. — Я беспокоился.

Зак подходит к кислородному куполу, расстегивает его, засовывает голову внутрь и осматривает затылок Сильвер. Он выглядит обеспокоенным.

— Так ты Зак, — говорит Морган. — Сильвер раз за разом повторяла твое имя. Она, похоже, думает, что ты единственный, кто знает, как спасти ее.

Кейт вспоминает толпу в «СкайРест».

— Хорошо, если она права.

— Будет нелегко.

Лицо Зака все того же оттенка переваренной овсянки.

— Что нам делать? Как мы ее разбудим?

Зак лишь хлопает ресницами, глубоко задумавшись.

— Дело не в том, чтобы ее разбудить. Она на самом деле не

спит, хотя выглядит, будто спит.

— А потом?

— Ты не захочешь это услышать.

— Скажи мне, — просит Кейт.

— Это будет крайне… сложно для тебя.

Боже, мужчина, который не может нормально ответить. Если бы он только что не спас ей жизнь, она бы его придушила. Он просто не способен отвечать прямо. Ее лицо начинает гореть: от гнева, отчаянья (Напряженная французская роза). — Я сделаю, что угодно.

Ее слова будто выводят его из транса.

— Апгрейд Сильвер…

— Знаю, — говорит Кейт. — Его сделали где-то в подворотне… Не могу поверить…

— Нет, — возражает Зак. — Не в подворотне. На самом деле наоборот. Это чрезвычайно тонкая работа…

Темный Док перебивает его.

— Я никогда прежде не видел такого «нейронного кружева». Мне кажется, что какой-то биопанк собрал его из того, что он мог доставить дроном в свой подвал. И то, как его установили, ну, в лучшем случае, это шарлатанство.

— Соглашусь, что операция была проведена неаккуратно, — говорит Зак, — но…

— Доктор Морган — ведущий техноврач на континенте, — говорит Кейт. — Если кто и знает об апгрейдах, так это он.

— Послушайте, — говорит Зак. — Вы не узнаете «Кружево», потому что…

Зак завладел всецелым вниманием доктора.

— Потому что эта технология еще не была изобретена.

Глава 75

Серая печаль

— Хм-м, — произносит Темный Док и почесывает голову, вероятно, думая, что Зак сошел с ума. — Еще не была изобретена?

— Знаю, — говорит Зак, — это нелегко понять.

— Так помоги мне понять.

В голове Кейт сумбур. Еще не была изобретена?

— Пришельцы? — закидывает она удочку, снимая напряжение в комнате.

Они все смеются, кроме Бернард, которая выглядит жертвой вечного отсутствия чувства юмора. Кейт вдруг представляет Бернард пухленьким ребенком, сидящим на винтажном высоком стульчике, ее молодая мать воркует с ней и строит рожицы, играет с ней в прятки, пытаясь рассмешить свою вечно серьезную дочь. В воображении Кейт, Бернард ребенком не обращает

внимания на свою мать и просто смотрит вперед.

— Не совсем.

К лицу Зака, наконец, приливает краска. Он выглядит более живым, больше похожим на Зака, которого она встретила в «Гордан», когда близнецы были еще малышами. Как будто его целеустремленность, нахождение здесь и желание помочь ей делают его моложе.

— Тогда что? — спрашивает доктор Морган.

— Почему ты? Почему она просила прийти именно тебя?

Не произнесенные слова плывут в обеззараженном воздухе, как белые шары.

— Обещаю, что отвечу на все ваши вопросы, — говорит Зак.

Когда он встречается взглядом с Кейт, она понимает, что между ними все еще есть связь — странная, электрическая, невозможная связь — после всего этого времени.

— Я отвечу на каждый из них, но прямо сейчас нам нужно усовершенствовать вас, как можно скорее, если вы хотите спасти Сильвер до того, как они отключат электричество в этой части сетки.

Кейт бледнеет.

— Что?

— Согласно моим подсчетам, — говорит Зак, — электричество будет работать еще…

Он смотрит на часы на стене.

— Семьдесят три минуты. Этого времени едва хватит, чтобы установить «Кружево», погрузить вас и вытащить Сильвер.

— Слишком рискованно, — замечает доктор Морган. — Слишком рискованно. И даже если бы было безопасно, нам нужно гораздо больше времени.

— Мне нужно поставить апгрейд? — спрашивает Кейт, все еще шокированная тем поворотом, который принял разговор.

— Честно? Риск значителен, — сообщает Зак.

— Намного больше, чем значителен, — не соглашается Морган. — Мы не знаем, с чем имеем дело.

Зак стоит на своем.

— Это единственный способ.

— Ты не можешь это сделать, — обращается Темный Док к Кейт. — Ты закончишь… ты закончишь так же, как Сильвер.

Они смотрят на бледное, как кость, тело Сильвер в кислородной камере.

Кейт усилием воли переводит взгляд на Моргана.

«Ты не видишь? — говорят ее глаза. — *Я не могу не сделать этого».*

— Это простая процедура, — сообщает Зак Темному Доку.

— Не смотри на меня так! — говорит Морган. — Я ни за что не смогу провести такую операцию.

— Ты проводил технические операции намного более незаконные, чем эта, — говорит Кейт.

Как бы иронично это ни звучало, так они и познакомились. Морган согласился провести операцию, бывшую опасной и незаконной — которая в то же самое время стоила Марко глаза и спасла жизнь Сильвер — и вот они снова стоят перед тем же выбором.

— Ты никогда не считался с законом.

— Дело не в законе.

«Дело в тебе», — говорит его взгляд, но она отворачивается, чтобы ей не приходилось видеть его умоляющий взгляд.

— То были пациенты, — говорит Морган. — Почти незнакомцы.

Кейт меряет шагами комнату, пока они говорят. У них заканчивается время. Из-за нервов ей кажется, будто она ходит по воздуху.

— Неважно.

— Конечно, важно!

— Это спасет Сильвер, — говорит Кейт. — Это все, что имеет значение.

— Я не хочу быть ответственным за то, что отправлю тебя в состояние кататонии. Потому что именно это я и сделаю.

— Ты сделаешь то, что я попрошу тебя сделать. Это мое решение.

— Посмотрите на часы, — просит Зак. — У нас нет времени на споры.

12:49. Линию Чайнатаун/Сэндтон отключат в 14:00.

— Пожалуйста, — говорит Кейт.

Они уже это проходили. Именно Кеке в конце концов убедила его это сделать. Кеке очень убедительна, когда дело касается людей противоположного пола. Или, на самом деле, любого пола.

— Пожалуйста, Морган. Пожалуйста. Это наш единственный шанс.

Он уходит в себя, подходит к ней.

— Я не хочу потерять тебя, — когда она не находится с ответом, он продолжает: — Но что-то подсказывает мне, что я уже потерял.

***

Они выдвигаются в операционную. Бернард толкает койку Сильвер, чтобы они все оставались вместе. Они устраивают Кейт

на том, что выглядит, как операционное кресло. Зак надевает на нее через голову больничный халат и поверх простыню, пока Морган моет руки и собирает инструменты, которые ему понадобятся. Инструменты позвякивают на серебряном подносе, холодные металлические звуки окатывают позвоночник Кейт холодной водой. Зак с Бернард надевают хлопковые халаты и тоже моют руки.

Почему они помогают ей?

Вокруг Темного Дока холодная, жесткая аура горя (Серая Печаль). Он держит поднятыми свои свежеобеззараженные руки, как делают хирурги в старых фильмах. Автоматически оглядывается вокруг в поисках своей команды, ожидает, что они знают, что делать, но тут лишь сбежавший преступник и его надзирательница.

Темный Док трясет руками, закрывает глаза и на секунду замирает. Он наполняет шприц оранжевой жидкостью, надевает иглу, а затем осторожно берет руку Кейт в свои руки в перчатках.

— Что это? — спрашивает Зак.

— Обезболивающее, — отвечает Морган и подносит иглу к изгибу руки Кейт.

— Остановись, — говорит Зак. Доктор смотрит на него и хмурится.

— Ты не можешь использовать для этой операции общий наркоз. Кейт должна быть в полном сознании в погружении. Мы не можем позволить себе промедление.

— Местное обезболивающее под замком, — говорит Темный Док. — Я не могу сделать операцию без обезболивающего.

— Нет, можешь, — говорит Кейт.

Костяшки ее пальцев белеют.

Глава 76

Галактика яркой перекатывающейся боли

— Боже, Кейт. Ты вообще понимаешь, что говоришь?

— Продолжай, — говорит Зак. — Мы не можем терять ни секунды. Я буду отвлекать ее во время сложных мест.

— Сложных мест? — спрашивает Темный Док. — Мы собираемся провести хирургическую операцию на мозге вообще без анестезии. У нас даже нет обезболивающих, Сети ради.

Они все смотрят на Морган, ждут. Вспышка гнева проходит, и его лицо проясняется.

— Превосходно, — говорит он. — Нам нужна лазерная бритва. Хирургические лазеры заперты.

Зак вспоминает о Льюисе и достает старую лазерную бритву, купленную на его первую награду в «СкайРест» двенадцать лет назад. Подарок, который он так и не смог отдать.

— Сгодится?

Бритва заляпана засохшей кровью. Пейзаж из темно-коричневых цветов и травы на сверкающем фоне из серебра.

— Острая? — спрашивает Темный Док.

— Да.

— Тогда сгодится.

Зак быстро моет ее на станции стерилизации, пока Бернард разделяет волосы Кейт и ножницами срезает длинные пряди. Зак захватывает с собой по пути назад мыльный спрей, опрыскивает местами кожу на ее голове, которую нужно побрить, затем берет в руки бритву и кладет ладонь на плечо Кейт.

— Замри.

Пока Зак бреет ей затылок, Кейт практически ослеплена ярко-оранжевым дежавю. Конечно же, она знает почему. Девушка делала это прежде, только вот в прошлый раз она вырезала чип из своей головы, чтобы спасти жизнь себе. Оранжевый пульсирует в ее висках, она никогда прежде не ощущала его таким ярким.

— Нам нужно привязать ее, — говорит Темный Док. — Если

она пошевелится во время важных моментов в операции, последствия будут катастрофическими.

Бернард находит большие хирургические ленты, и они привязывают Кейт. Каждая часть ее тела прикреплена к хирургическому креслу. Странным образом ее это успокаивает, но, когда она слышит, как Морган берет в руки скальпель, ее охватывает ужас. Свирепая собака страха.

— Мне нужно разметить твой ламбдоидный шов, чтобы установить апгрейд правильно.

Кейт пытается кивнуть, но не может пошевелиться. Перед ней появляется Зак.

— Ладно, говори со мной, — просит Кейт, у нее дрожат зубы.

Зак садится перед ней и ставит стул так, чтобы они могли смотреть друг другу в глаза.

— Вся эта процедура займет всего десять минут, — говорит Зак.

— Восемь, — поправляет Морган.

— Восемь минут, Кейт. Хорошо? Будет адски больно, но все закончится.

— Ладно.

— Я буду все это время разговаривать с тобой. Сосредоточься на том, что я говорю, а не на том, что ты чувствуешь.

— Ладно.

— Восемь минут.

— Хорошо.

Зак кивает Темному Доку, и тот делает свой первый надрез.

Кейт резко втягивает воздух через сжатые зубы. Боль острая, но терпимая.

— Сначала я собираюсь ввести тебя в курс дела насчет того, что тебе нужно сделать, чтобы вернуть Сильвер. Затем, когда боль станет невыносимой, ты должна найти место в своем разуме, в своей памяти, куда ты можешь отправиться и оставить эту комнату позади. Подумай о том месте, куда ты хочешь отправиться. Мысленно приготовься. Тебе нужно будет отстраниться от происходящего. Поняла?

— Поняла.

Кейт знает, какое воспоминание использует. Она чувствует, как скальпель делает еще два надреза, как небольшой кусочек кожи снимают. Девушка сжимает челюсть. Ощущает приглушенный голубой огонек боли.

— Итак, — говорит Зак. — Как только тебе поставят апгрейд, ты сможешь погрузиться полностью.

— Как?

— Ты увидишь. Оно будет вокруг тебя. Как проекция, но

глубже. Более реально.

— Как моя синестезия?

— Как твоя синестезия или как при приеме экстази.

— Где я найду Сильвер?

— Позволь своему сознанию это сделать. Вы двое имеете такую связь, которую сложно объяснить. Ты знаешь, где она, тебе нужно лишь найти ее и сделать это быстро, и уходить.

— Я боюсь, что не справлюсь. Что не смогу найти ее.

Она ощущает острую боль в затылке и вскрикивает.

— Просто помни, что погружение не что-то незнакомое. Это не чей-то проект. А твой. Он использует твои мысли для воссоздания. «Кружево» лишь связь. А ты операционная система.

— Да.

Кейт помнит об этом по своей терапии в виртуальной реальности, которую она проходила, чтобы излечиться от посттравматического синдрома. Этот опыт был таким настоящим, потому что шел напрямую из ее мозга. Это было все равно что жить и дышать в действующем загруженном воспоминании.

— Так что иди, следуй за своим инстинктом и найди Сильвер, как можно быстрее. Она будет близко.

Еще одна острая боль, словно кто-то ударил ее ножом в мозг, в голове взрываются звезды. Зак продолжает говорить, но из-за боли она его не слышит. Ей удается лишь тихо стонать. Синие фейерверки, серебряные звезды, шипящая агония — такое ощущение, что места для ее мозга больше нет, все заполонила галактика из яркой, перекатывающейся боли.

— Ты слышишь меня, Кейт? — спрашивает Зак, но она не может говорить или пошевелить головой. Девушка отчаянно желает знать, что еще сказал Зак, ей нужно это знать, но лишь слышит стон, который не смогла удержать внутри.

Бернард передает Моргану медицинскую лазерную пилу.

— Почти все, — говорит Зак. — Сейчас будет самое сложное. А потом все закончится.

Кейт ощущает влагу на своем лице. Она плачет? Вспотела? Прозрачная жидкость капает на дорогую плитку под ней. Она не представляет, как боль может стать сильнее.

— Готовься покинуть комнату, — наставляет Зак. — А теперь посети свое воспоминание.

Морган начинает разрезать ее ламбдовидный шов. Лазер издает потрескивание, разрезая шов на черепе Кейт. Боль такая сильная, что тело Кейт начинает трястись. Из ее рта течет слюна.

— Две минуты, — произносит Темный Док.

Кейт хочет остановить их, она сделает, что угодно, чтобы они остановились. Она борется и пытается сказать им, что не может

вынести эту боль.

— Покинь комнату, — говорит Зак, но она не может.

Боль такая невыносимая, что она удерживает ее в клещах ужаса. Это все равно, что замерзнуть, но в то же время гореть. Она хочет закричать, но ее голос пропал.

Вибрация продолжается, она чувствует, будто ее мозг взрывается в замедленном движении. Кейт рвет. Желчь окрашивает пол горьким зеленым. Зак вытирает ее рот, нос и очищает пол.

— Покинь комнату, — произносит он резким шепотом.

Кейт закрывает глаза и уплывает из операционной. Проплывает через потолок и выплывает из здания, пока не оказывается наверху, где больше нет смога: сейчас 2022 год, а небо кристально ясного холодного голубого оттенка.

Глава 77

Другой вид семьи

Кейт летит по небу подальше от города к Южному побережью, обратно во времени, к воспоминанию, которое так дорого, что возвращение к нему ощущается карабканьем в теплую постель. Она проносится по воздуху, над городами и городками, замедляется почти до остановки, когда достигает Вествилля, Квазулу-Натал, где она родилась.

Сверху, Кейт узнает свой наемный электромобиль, стоящий у реки, пестрящей плакучими ивами, камышами и тростником. Она видит свою мать, свою настоящую биологическую маму, идущую к реке, и вдруг ее тянет прочь с неба, словно засасывает гигантский пылесос, тянет с силой вниз. Девушка оказывается в своем помолодевшем теле, сидящей в своей машине. Зеркало заднего вида подсказывает девушке, что ей снова около тридцати, и, когда Кейт опускает взгляд на свой живот, он большой и круглый. Она проводит по нему руками. Сильвер.

Кейт делает вдох, задерживает дыхание и выдыхает, позволяет себе полностью погрузиться в воспоминание.

***

Вествилль, Квазулу-Натал, 2022

Кейт сидит в арендованном автомобиле, припаркованном недалеко от реки под переливающейся тенью ив. Она отстегивает ремень безопасности, поудобнее устраивается в кресле. Ее левая рука чуть бледнее и тоньше правой, все еще восстанавливается от экзоскелетного гипса, который ей пришлось носить несколько месяцев.

Она вдыхает грязный зеленый запах реки (Увядшая водяная лилия): мягкий, волнистый запах. Ароматные травы. Холмы.

Боже, Кейт скучала по вождению, по свободе, которую ощущаешь, езжая по простирающейся перед тобой дороге под грохочущий саундтрек по твоему выбору. По остановкам для заправки водородом — не таким едким, как бензин — и по жирному жареному сыру в вощеном бумажном пакете. Тонким бумажным салфеткам. Ванильному соевому мороженому в твердой шоколадной глазури, которое можно с хрустом откусить зубами. Она замечает, что в магазине исчезли все холодильники «Фонтус». Кейт представляет, как они валяются в блоках утилизации, лишенные всех драгоценных металлов, используются вторично в качестве кроватей или столиков для столовых в мелких городках.

Кейт опускает стекло еще ниже, впуская больше свежего воздуха в салон. Выбросив освежитель воздуха в агентстве по аренде машин (Отвратительный Розовый), она ехала первый час, открыв все окна, пытаясь выветрить запах. Искусственные розы: слишком сладкий запах прочерчивал густые вертикальные линии перед ее глазами. Ее обоняние, кажется, в последнее время находится в раздрае, фигуры стали более живыми.

Сегодня прекрасный день: теплый, влажность смягчается прохладным бризом, а небо ярче, чем когда-либо. Ветви плакучих ив метут по земле, шепчут, словно желают успокоить. Кейт ощущает запах сотен различных оттенков зеленого, скрытый в движениях листьев.

Вдалеке появляется женщина, она идет к реке. У нее густые серебряные волосы, скрученные и заколотые, со свежим цветком в них. В ее руках старая плетеная корзина для пикника. Женщина высока и движется элегантной походкой — не торопится, не плетется, в ее шагах сквозит целеустремленность. Она не ищет хорошее местечко — уже знает его.

Женщина ставит корзинку на землю, расстилает одеяло для пикника, разглаживает его отточенными движениями. Сняв туфли, она садится, вытянув перед собой ноги и скрестив их в лодыжках, откидывается на спину, оперевшись на локти, и закрывает глаза, подставляя лицо солнцу.

Она снимает заколку и позволяет своим волосам рассыпаться вниз, как жидкая ртуть. Кейт бездумно прикасается к своим коротким, проводит пальцами сквозь отросшие пряди.

Кейт делает снимок при помощи «ЛокитКэм», затем достает с заднего сидения переносной холодильник, который упаковала этим утром. Достает подтекающую бутылку холодного чая, упаковку чипсов «Блэксолт» и шоколадный батончик

«КараКранч». Наблюдая за женщиной у реки, Кейт открывает пакет из фольги и начинает есть, затем вспоминает про аппетитное зеленое яблоко в своей сумке — Грэнни Смит — и съедает его тоже.

Так вот как выглядит ее настоящая мать. Не просто ее мать не-похитительница, больше, чем просто биологическая мать, но ее настоящая мать. Кейт это чувствует. Она узнает Сета-Сэма в языке тела этой женщины, в прямоте ее носа. Но волосы и глаза женщины такие же, как у Кейт.

Она снова смотрит на свое отражение в зеркале заднего вида, прикасается к недавно появившимся седым волоскам у виска (Серебряный Шелк). Кейт чувствует давление в груди, понимает, что ее дыхание участилось, и глубоко дышит, пытаясь успокоиться. Теплые слезы льются по ее щекам, она уже привыкла к ним, даже рада высвобождению эмоций. За прошедшие пару месяцев она выплакала столько слез, сколько не плакала за всю жизнь.

Женщина выглядит такой безмятежной, находится в такой гармонии с миром. Это качество Кейт не унаследовала, но женщина не всегда была такой, у нее тоже выдавались не лучшие времена. Ее родители так и не переехали — все еще жили на Гибискус Роуд, 22 — словно думали, что, если переедут, потеряют любую надежду на то, что близнецы вернутся домой.

Энн Чапман приходит к реке почти каждый день, на то место, где она сидела в тенечке, пока в воде плескались близнецы, а затем позже, их другие дети: еще один сын и еще одна дочь, рожденные через пять лет после Кейт и Сэма с разницей в три года. Дети, уже выросшие, часто приезжают в гости, и семья выглядит, как любая нормальная, счастлива и любящая семья. Сложно, увидев их смеющимися, перебрасывающимися шутками за семейным ужином, догадаться о печальном, трагичном прошлом.

Тоска Кейт пропитывает весь салон. Как бы она хотела познакомиться со своей матерью, взять ее за руку, попробовать ее готовку, расспросить о годах до похищения и после. Но, глядя на нее и видя, какая она счастливая, Кейт понимает, что не может этого сделать. Это будет все равно, что разбить потрескавшееся зеркало, которое склеивали десятилетиями. Оно хрупкое, испещренное трещинами, Кейт не будет той, кто вновь разобьет его.

Никаких свежих сердечных ран.

У ее матери новая жизнь, думает Кейт, как и у меня сейчас. Девушка вспоминает о Сете дома в Иллово, сидящем с ребенком Мармелада: как хорошо он с ним справляется, с какой нежностью.

Сет решил сохранить имя, данное ему «Генезисом», а не свое «Сэм», говорит, что оно ему не подходит, и он прав.

У него тоже новая жизнь, хоть он и не поменял имя. Кейт представляет, чем они сейчас занимаются, скорее всего, сидят на диване перед домашним экраном, малыш Мармелада уснул у него на руках, бигль Бетти/Барбара дремлет на своем привычном месте — на коленях Сета. Деревянный пол усыпан подгузниками, салфетками, зубными кольцами и игрушками.

Другой вид семьи, сказал бы Джеймс.

Необычная семья, но, тем не менее, семья: дожидающаяся ее возвращения домой и нового прибавления.

Кейт думает о своей Черной дыре, которая никуда не делась, но сжалась до размеров ее серебряного медальона, нагревшегося от кожи. Такой маленькой дыра еще никогда не была, но она зияет, когда девушка думает о Джеймсе.

Кейт замечает, что ее мать начинает собирать вещи, встряхивает одеяло, складывает его и убирает, а затем уходит в том направлении, из которого пришла. Кейт тянется к дверной ручке, но останавливает себя.

Нет. *Нет*. Но, когда ей становится невыносимо, она делает себе уступку, думая, пока крайней мере, не сегодня. Может быть, завтра, но не сегодня.

Через пару шагов, ее мать оборачивается и смотрит прямо на машину Кейт вдалеке. Кейт не видит выражение ее лица. Момент проходит, и Энн отворачивается и продолжает путь домой.

Кейт, откинув голову назад, делает пару вдохов с закрытыми глазами, затем надевает ремень безопасности и заводит двигатель, сдавая назад. У нее снова болит спина, лодыжки опухли. Девушка устраивается поудобнее и потирает разросшийся живот.

— Пора отвезти тебя домой, малыш.

Рожденные с разницей в семь месяцев, ее дети будут почти как близнецы. Другой вид близнецов.

Кейт начинает уезжать, но доезжает до знака стоп на вершине дороги и передумывает. Она разворачивает машину и мчится обратно к парковочному месту у реки. Ее мать уже ушла.

Глава 78

Зеркальная ртуть

Вествилль, Квазулу-Натал, 2022

Кейт онемевшими пальцами возится с ремнем безопасности. Вылезая из машины, почти спотыкается, торопясь догнать свою мать. Оставляет дверцу открытой — ей все равно. Она бежит изо всех сил, держась за живот, по склону цвета перечной мяты.

— Энн! Энн! — кричит она.

Ей в голову приходит запоздалая мысль, что, должно быть, она выглядит сумасшедшей со своей странной, короткой стрижкой и руками, поддерживающими круглый живот, бегая и пытаясь дозваться женщину, которую считает своей настоящей матерью… той самой, у которой ее похитили давным-давно. Ей все равно. Сейчас она уже у реки, слышит плеск воды и отчаянно ищет взглядом женщину, которая только что была здесь. Прикрывает рукой глаза от солнца и, прищурившись смотрит в сторону, куда та ушла. Там лишь пустая тропинка.

Отчаяние накатывает на нее вспышками черно-белого. Впивая в нее свои когти, оно ощущается иглами под кожей.

— Энн! — кричит она изо всех сил. — Энн Чапман!

Но вокруг ни души. Лишь река и бриз со вкусом зелени, да птицы.

Кейт останавливается и, согнувшись, опирается ладонями о колени. Ее легкие превратились в застывшую резину. Когда девушка выпрямляется снова, из-за ив выходит женщина, на ее лице читается удивление, она все еще держит в руках предметы для пикника.

— Энн Чапман? — спрашивает Кейт теперь уже шепотом, испытывая боль от тихой надежды, наполнившей момент. Они стоят всего в паре метров друг от друга.

Женщина моргает и роняет корзинку с травянистым стуком. Ее руки взлетают к лицу, и она прикасается к своему носу, своим губам, словно желая удостовериться, что это реальность, а не сон.

— Простите, — говорит Кейт. — Я знаю, что это слишком. Я не собиралась… — запинается. — Я хотела подождать и…

— Этого не может быть, — произносит женщина, надежда озаряет ее щеки. — Или может?

Сердце Кейт пускается вскачь, она прижимает ладонь к груди, приказывая ему успокоиться.

«Успокойся. Успокойся. Волнение вредит ребенку».

Они стоят, с удивлением рассматривая друг друга. Серебряный шелк вместо волос и глаза цвета шума океана. Это все равно, что смотреть в зеркало, переносящее во времени (Зеркальная Ртуть). Затем Энн протягивает руку сквозь зеркало и касается подбородка Кейт, так нежно, что Кейт хочется растаять от этого прикосновения и волшебства момента. Ощущение невероятной потери — тридцати лет нежности и беззаветной любви, которой она была лишена — почти сокрушает ее. Похищенная жизнь. Ошеломляющее ощущение личной трагедии раскрашивает ее мир всплесками фиолетового.

Двухлетний похищенный ребенок в Кейт хочет закричать:

«Мама!» и броситься к ней в объятия, но их воссоединение странное, безсценарное и совсем не похожее на сцену с канала «Холмарк», которую она воображала. Да, их объединяет одна плоть и кровь — этого не изменить — но их отношения навечно испорчены разлукой. Разрывающая сердце правда в том, что они практически незнакомки, и это осознание в сочетании с накатывающим ощущением потерянного времени, бьет Кейт в живот, ей так больно, что она вздрагивает и хватается за живот.

— Ох, — произносит Энн, подходя к ней и беря ее за плечо, — ты в порядке?

Еще один укол боли, Кейт вскрикивает, резко втягивая воздух. Энн расстилает одеяло и, подхватив девушку под здоровую руку, помогает Кейт присесть.

— Мне кажется, — говорит Кейт, придя в себя, — кажется, ребенок только что толкнулся.

Тут же холодное стекло между ними опадает и разбивается, и они обе начинают плакать. Они обнимаются, держатся за руки, плачут и плачут. Прижимаются друг к другу солеными щеками, дорожки их слез перемешиваются друг с другом. Шмыгая носом, они обе принимаются искать носовые платки, но не находят. Кейт вытирает лицо рукавом.

— Кейт. Моя милая Кейт. После всего этого времени. Это правда ты?

Но Кейт и не нужно отвечать.

Глава 79

Мозг в огне

«Липворт Фаундейшн». Йоханнесбург, 2036

Когда воспоминание подходит к концу, Кейт вновь оказывается в операционной. Ее затылок все еще объят обжигающей болью, но это не тот тип невыносимой, пульсирующей боли лишающей сознания.

Темный Док приклеивает на рану тромбоцитарный пластырь.

— Готово.

— Кейт? — спрашивает Зак. — Ты с нами?

Кейт низко стонет.

— Бл***ть. Это было…

Но не находит слов для описания.

— Понадобится время, чтобы ты привыкла к апгрейду, — говорит врач.

— У меня нет времени.

Они освобождают ее конечности, так что она снова может двигаться свободно. Морган светит ручкой-фонариком ей в глаза.

— Как ты себя чувствуешь?

Она хочет ответить, что пьяной. Мозг объят огнем. Но происходит что-то еще. Она обводит взглядом комнату, разглядывает лица людей. Ко всему словно добавилось новое измерение.

— Мощно, — все, что ей удается произнести. Боль слабеет.

Существует обычный мир, реальная жизнь, так воспринимают жизнь обычные люди — Кейт называет это «монохром» — он лишен дополнительных форм, звуков и цветов, которые она видит, синестезия расширяет восприятие реальности. Но теперь, теперь появился дополнительный слой, и он богат и прекрасен. Продвинут. Словно вы всегда видели лишь черно-белые фильмы, а потом щелкнули переключателем, и внезапно вас атаковали гиперцвета с текстурами в четырехмерной HD, и вы словно можете ощущать их глазами.

— Кейт? — спрашивает Зак, вставая у нее перед глазами.

Боже мой, он прекрасен. Он самый красивый мужчина, которого она только видела. Ей хочется прикоснуться к нему.

— Я чувствую, — говорит Кейт, — чувствую, будто мои глаза опьянели.

— Не глаза, — возражает Темный Док, появляясь на виду.

Он тоже великолепный мужчина. Такой сильный, такой грубоватый и красивый. Он и правда ее любовник? Ей это вдруг кажется маловероятным.

— А мозг.

От врача исходит насыщенная красная энергия. Словно из его чакр вырываются короткие потоки света. Кейт кажется, что она видит, как бьется его сердце, словно она обладает каким-то рентгеновским зрением в реальном времени, настроенным на тепло. Ей хочется прикоснуться и к нему тоже. Она ошибалась, когда говорила, что ее глаза опьянели. Вернее будет сказать, что каждый нейрон и нерв в ее теле пропитался какой-то футуристической радужной версией ЛСД.

— Теперь я понимаю, — говорит Кейт. — Я понимаю, почему Сильвер этого хотела.

— Это лишь начало, — сообщает Зак.

— Сколько времени у нас осталось?

Кейт забыла о надзирательнице. Она смотрит на нее, разглядывает ее коренастую фигуру, твердые мышцы. Как она сильна, словно амазонка! Но более царственна со своей серебряной дубинкой. Королева войны.

— Сорок восемь минут, — говорит Зак, привлекая внимание Кейт. — Это, если они отключат электричество в четырнадцать часов ровно.

— Времени не хватит, — говорит Морган.

— Это все, что у нас есть.

Кейт окидывает взглядом Сильвер, лежащую под прозрачным куполом. Ей он кажется пузырем, будто они все находятся под водой, а спящую Сильвер защищает ее собственный пузырь воздуха. Кейт словно очутилась в сказке.

— Скажите мне, что я должна сделать.

Глава 80

Ярко-конфетный канал

— Ладно, — отвечает Зак. — Наша с доктором Морган теория заключается в том, что Сильвер застряла между реальностью и ее RPG-погружением.

Кейт взрывается.

— Теория? Это все, что у вас есть?

— Это все, что у нас есть.

Господи Боже.

Кейт лихорадочно думает, ее мысли будто оставляют следы тепла на пути своего следования. Слово вылетает из ее рта.

— RPG? Как можно застрять? Я никогда о таком не слышала. Это все потому, что она приобрела непроверенный апгрейд? Его установили неправильно… он работает не так?

— Мы думаем, что это потому, что он работает слишком хорошо, — отвечает Морган. — Ее «Кружево» настолько продвинутое… а Сильвер настолько прошарена в погружениях, что мы думаем, что девочка нырнула слишком глубоко, слишком быстро и… да, она застряла.

— Обычно, когда возникает проблема с погружением, ты просто выходишь и заходишь заново. Но по какой-то причине, Сильвер этого не делает. Мы знаем, что она не в «Иден семь ноль», и мы знаем, что она не с нами, так что наша теория заключается в том, что она где-то между.

— «Иден семь ноль»?

— Это обновленная версия ролевой игры, в которой она постоянно зависает. Ее настолько улучшили, что в нее можно играть только, если ты установил «Кружево».

— Откуда вы знаете, что она не в игре?

— У доктора Морган есть пациенты в «Атриуме». Они не видели Сильвер с тех пор, как она покинула здание вчера. Ни в игре, ни в реальной жизни.

Кейт вспоминает свою предыдущую поездку в «Атриум», но сейчас в ее памяти это воспоминание светится обещанием, потенциалом, которому невозможно противиться.

— Они там все стояли на ушах, когда я позвонил, — говорит Морган. — Торопились вывести из игры всех, пока не вырубили сетку. Ты осознаешь последствия, Кейт, того, что ты погружен,

когда отключают электричество?

— Да, — отвечает Кейт. — Нет электричества — нет сети. Нет сети — нет возможности выйти.

Морган кивает, медленно и грустно.

— Сорок шесть минут, — сообщает Бернард.

— Ладно, — говорит Зак, — тебе пора идти.

По венам Кейт быстро бежит кровь, у нее слегка кружится голова.

— Но я не знаю, что делаю!

— Я введу тебя в курс дела.

Морган нажимает что-то на своей «косточке» и тихо говорит в нее.

— В процессе.

Кейт хватает Зака за руку.

— У тебя больше шансов найти ее. Ты ее мать.

— Но я даже не знаю, как…

В этот момент тело Кейт обмякает. Ее сознание вытягивает из тела и переносит по мерцающему туннелю из оптоволокна (Ярко-конфетный Канал), и девушку окутывает холод и тьма.

Глава 81

Подвальная головоломка

Сознание Кейт несется и несется, словно перемещается сквозь пространство и время. Ее сердце сходит с ума в грудной клетке — хотя, когда она опускает взгляд вниз, обнаруживает, что у нее нет грудной клетки (или сердца, если на то уж пошло) — пока она не достигает некоей платформы, где ощущает, будто стоит на вершине небоскреба, а затем падает — ее душа падает — вниз и снова в тело. Приземление мягкое, оно пахнет цветами розмарина и ярким мхом.

Не совсем в ее тело, а в некую версию его, где обе ее руки целы, а кожа на голове не тронута. Она встает и отряхивается. Ощущает, что это не ее настоящее тело — чувствует, что на самом деле не стоит. Это все равно, что оказаться в суперреальном сне. Как долго она добиралась сюда? Невозможно сказать. Она может лишь приступить к поискам Сильвер и вытащить ее отсюда, как можно скорее.

Кейт стоит в заброшенном саду, полном новых бутонов и спутанных виноградных лоз. Теплый, влажный воздух течет в ее испытывающие шок легкие. Роз не видно, слава Сети. Она стала не выносить их после того, что произошло в Люминарии. Шипы теперь напоминают ей о предательстве Бонги, о почти смертельном ранении Мэлли от рук Люмина, и эти воспоминания окрашивают ее сердце в холодный черный цвет. Растения здесь оказывают противоположный эффект — обещание и невинность

бутонов, аромат листьев цитруса, чая «Пенни Ройал» и цветов яблони образуют мягкий, невидимый шлейф, поднимая дух Кейт. Вскоре она понимает, где находится.

Огромный «Атриум» виднеется вдали, сияя в тусклом свете. Кейт прокладывает путь сквозь ползучие джунгли, почти ожидая, что побеги подползут к ней и обовьются вокруг лодыжек, будут тянуть назад, не чтобы поглотить, но чтобы защитить от опасности впереди.

Кейт испытывает облегчение. Она представляла, как ее выкинет в какой-нибудь безвоздушный космос, где она понятия не будет иметь, как найти Сильвер, но это легко, она точно знает, куда идти.

Кейт бежит к «Атриуму». Проносится через вход, ожидая увидеть завсегдатаев, подключенных к своим капсулам, но место пустынно. Весь этаж выглядит заброшенным, словно все покинули его в спешке, и тут прошелся пыльный шторм. Кейт поднимается по лестнице на этаж Сильвер, но еще не добравшись туда, понимает, что и там никого не будет. И в самом деле, капсула Сильвер так же пуста, как и другие.

«Призрак» написано сзади на капсуле, Кейт вздрагивает.

— Эй? — голос Кейт эхом отдается от стеклянных стен.

Сильвер должна быть рядом. Зачем бы еще Кейт оказалась здесь? Она обыскивает заброшенное здание, размышляя, ища подсказки. Она вспоминает, как была здесь до этого и слышала о подвале. Задумывается, как там Кеке. Кейт не хочется спускаться вниз — женщина все еще напугана тем, что произошло в «СкайРест» — но у нее нет выбора. Как только она решилась, становится легче, Кейт прокладывает путь мимо грязных кружек, наполовину съеденных фальшбургеров и забытых пузырьков со снаффеином. Убирает в карман красный шнурок с электронной картой от «Атриума», прикрепленной к нему. На четырехмерной фотографии изображен мужчина, с которым она тут недавно познакомилась. Она не помнит его имени, лишь запах его ароматизированной рубашки — янтарь, американский перец и ягода можжевельника.

Когда Кейт спускается в подвал, на этаже становится темнее. Пыль лежит таким густым слоем, что похожа на песок. Откуда она взялась? Кейт смотрит на разбитые окна и лозы, обвивающие их и все вокруг на своем пути. Получившие волю, джунгли скоро поглотят и весь «Атриум», уверена Кейт. Она идет по темноте вниз.

— Эй? — зовет Кейт.

Ответа нет, и в этот раз никакого эхо.

Девушка добирается до двери в подвал со знаком «Проход

запрещен», проводит картой, и огонек меняется с красного на зеленый, как она и предполагала. Это все не настоящее. Но и не игра, не совсем, это что-то между: подвальная головоломка. Кейт воспользуется своей, пока еще не закончившейся удачей, пока та есть. Тяжелые двери распахиваются.

Глава 82

Прожигает дыру в ее кармане

В подвале «Атриума», единственный свет исходит от теплых, издающих жужжание лампочек, подвешенных в воздухе, мимо которых проходит Кейт. Повсюду двери. Как она узнает, какая правильная? Кейт проходит вдоль них, осторожно ступая, пытаясь не споткнуться о горки песка, покрывающие пол. Песок напоминает ей, что это нереально, что ее настоящее тело лежит без сознания в операционной под присмотром Моргана и Зака. Где Сет? Из-за нахождения под землей, ее нервы разгулялись, учитывая недавний неприятный опыт посещения Крим-колонии «СкайРест». Глубокие вдохи затхлого, прохладного воздуха успокаивают ее, хотя бы частично. У нее уйдут часы, дни на то, чтобы проверить все эти частные комнаты для погружений, но девушка надеется, что ей повезет.

Первая дверь, открытая Кейт, ведет в темную, звукоизолированную комнату с оболочкой VXR в центре. Одно из множества таких же помещений, предполагает она. Она шагает внутрь капсулы и тянется к своей «косточке», но вспоминает, что теперь у нее есть «Кружево», и ей больше это не нужно. Кейт вызывает интерфейс силой мысли и, моргнув, нажимает «Вперед».

Ее сразу же забрасывает в темный, многолюдный зал с высокими потолками, тут полно кричащих людей, в основном мускулистых мужчин с выступающими венами, но женщины тоже есть. Их кожа покрыта потом и умаслена, запах тел и ликера витает над толпой, как низкое облако. Женщина рядом с Кейт кричит и выбрасывает кулак в воздух. Ее темная помада смазалась, рядом с бровями выступил пот. Темно-синий аромат опасности пропитывает воздух. Кейт перемещается чуть вперед, пытаясь увидеть причину шума, и замечает в центре боксерский ринг. Дроны «Бэткэм» летают и жужжат над возвышенной сценой, записывая происходящее.

На ринге стоят двое мужчин, но они не боксеры. Мужчина с обесцвеченной стрижкой под бокс и в изумрудных шелковых шортах прибивает своего оппонента — мужчину в красном с металлическим ртом — к угловой колонне, а затем бьет его кулаком в челюсть с такой силой, что толпа начинает кричать еще громче. Металлические зубы сыпятся на пол и в толпу, как отработавшие патроны, толпа улюлюкает.

— Прикончи его!

Кейт пытается развернуться, чтобы уйти, но ее зажали тяжелые тела, они не пропускают ее.

Это симуляция, говорит себе Кейт, это симуляция. Успокойся.

Это все настоящие люди. Может, они и не находятся рядом с ней в физической оболочке, но они такие же реальные, как и она. От этой мысли ей становится дурно.

Мужчина со стрижкой бокс бьет оппонента кулаком в живот, заставив его согнуться пополам, и, когда он это делает, противник с силой бьет его коленом по лицу, вынуждая отступить. Он пригвождает своего оппонента к колонне и метелит так сильно, что глаза

того закрываются, и он съезжает вниз на пол.

Это не обычный бойцовский клуб. А какой-то смертельный матч. Публика кричит, брызжет слюной и жестикулирует.

— Убей его!

Мужчина в зеленых шортах кричит и пинает бессознательное тело своего оппонента. Он бьет его изо всех сил, крича, чтобы трус вставал и дрался. Толпа освистывает полумертвого мужчину за то, что тот не встает. Кейт пытается уйти, но шум толпы и вспышки бэткамер лишают ее зрения, и она не может вызвать интерфейс, чтобы уйти. Наконец, боец открывает глаза и приподнимается на одном локте, мужчина со стрижкой бокс прыгает на него, разбивая его голову о белую поверхность ринга.

— Прикончи его!

Кто-то бросает на ринг нож. Не колеблясь, мужчина в зеленом хватает нож и обеими руками вгоняет в шею оппонента, толпа сходит с ума. Течет кровь, описывая медленную дугу из красного тумана, окрашивающую пол. Убийца под звуки подбадривания толпы колет его снова и снова, и, как раз тогда, когда Кейт думает, что бой окончен, мужчина, который, казалось, лежит мертвым на полу, протягивает руки, хватает мужчину с прической бокс и подбрасывает его на метр в воздух. Он ревет, вытаскивает из своего тела нож и использует его, чтобы зарезать Стрижку бокс, который теперь кричит и поскальзывается на пролитой малиновой крови. Графика насилия шокирует Кейт, но именно из-за цвета крови Стрижки бокс у нее кружится голова. Жидкость, текущая из его свежих ран, яблочно-зеленого цвета. Она образует собственные потеки и пятна на полу, отчего ринг начинает выглядеть, как холст Джексона Поллока. Кейт пытается отвернуться, но дроны повсюду проецируют кадры съемки. Невозможно не смотреть.

Красные шорты режет Стрижку бокс, пока рука того не

отделяется от тела, и он швыряет конечность в голодную толпу, затем принимается перерезать мужчине горло. Мужчина с зеленой кровью резко втягивает воздух и булькает, ощущая, как рвутся сухожилия на его шее.

От мысли, что это роботы, смотреть на это не легче. Толпа оттеснила Кейт в передние ряды, и она не знает, как вернуться обратно в «Атриум». Стрижку бокс расчленяют кусок за куском и скармливают кровожадной толпе. Когда от его противника ничего не остается, боец вскидывает руки вверх и как маньяк ревет, празднуя победу, шум в холле становится оглушающим. В своем взбудораженном состоянии, мужчина бросает нож, и тот отскакивает по полу с как раз достаточной инерцией, чтобы упасть за ринг прямо под ноги Кейт. Не колеблясь — на самом деле, даже не думая — она быстро подбирает его и убирает в карман пальто. Ее рука становится липкой от зеленой крови (Робокровь).

Победителя уносят, в то время как выглядящие одичавшими маленькие дети — охотники на крыс — открепляют настил ринга по углам, стараясь не наступить на все еще не высохший арт-объект, а затем пристегивают одну сторону настила к крюку, который затем поднимается при помощи системы шкивов, показывая рисунок каждому, кто захочет увидеть. Толпа ревет и ревет, а затем начинается аукцион. Уличные мальчишки растворяются в толпе: они передвигаются держась ближе к полу, где больше места для маневров, и без сомнения подрезают пару кошельков на своем пути. Кейт не осуждает их, ее собственная добыча прожигает дыру в кармане. Копируя их движения, она опускается на четвереньки и протискивается вперед. Осколки стекла режут ее ладони, некоторые люди бьют ее ботинками и каблуками по голове и спине, но она лишь держит голову опущенной и передвигается так быстро, как может. Наконец, Кейт добирается до края комнаты и более прохладного воздуха, женщина закрывает уши и вызывает интерфейс. В этот раз получается, и она моргает «Выйти». Когда она вновь открывает глаза, оказывается сидящей в VXR капсуле, ей душно. На пару секунд она откидывается назад, чтобы насладиться одинокой, прохладной, тускло освещенной комнатой, а когда разжимает свои белые кулаки, они оказываются чистыми и здоровыми.

Глава 83

Обломки Судного дня

«Форвейз». Йоханнесбург, 2036

Сет направляется в «Липворт Фаундейшн». Несмотря на текущую неразбериху со спутниками, ему каким-то образом

удается получить «пулю» от Арронакс. Мэлли в безопасности, они вместе и направляются в «Липворт». Более того — он точно знает, где в здании они будут, и у него есть код, чтобы туда попасть. Там есть особенная комната, которую он с Арронакс использует для личных встреч. Она ненавидит отели, и ей некомфортно в его квартире, так что безопасная комната в «Липворт» идеально подходит для того, что девушка называет ее «местом для отдыха».

Там есть со вкусом обставленный офис, который она использует, когда приезжает в Джози давать консультации, также в комнате безопасности есть ванная комната. Обычно они оказываются там, на полу или у стены. Секс с Арронакс — это всегда нечто потрясающее.

Сет идет по городским улицам, лавируя между разбитыми бутылками, горящими машинами и обломками. В воздухе витает дикость и жестокость. Сет тянется за спину и смыкает пальцы на автоматической винтовке, которую он прихватил из «СкайРест». Джози сейчас не самое симпатичное или же безопасное место в мире, но это лучше, чем находиться в сюрреалистичной, подземной тюрьме, где на тебя давит вес всей этой земли над тобой. Он все еще напуган, чувствует, будто ему нужен звуковой душ и стирание памяти, чтобы выбросить из головы тех роящихся, кусающихся жуков. Сет искал и искал Кейт, но лишь еще больше заплутал. В конце концов, он снова нашел лестницу и не смог воспротивиться желанию подняться наверх и наружу на свежий воздух. Ему пришлось понадеяться, что Кейт тоже найдет выход. Интуиция подсказывала ему, что она больше не под землей, и ему пришлось довериться ей. Между ними всегда существовала пугающе сильная связь — в те детские годы, проведенные в Дурбане, так и после, когда они росли, но ощущали нехватку друг друга, словно зияющую дыру в душе. А теперь, когда они прожили вместе шестнадцать лет, они словно стали сиамскими близнецами и могли общаться телепатически. Это не значит, что они всегда соглашались. Иногда они выводили друг друга из себя. Сет знает свою сестру-близнеца лучше, чем он знает себя, знает, какая она сильная. Она нашла выход. Он может лишь надеяться, что не ошибся.

Даже солнечные трамваи перестали ходить, несмотря на их обещание работы двадцать четыре на семь триста шестьдесят пять дней в году.

«В этом-то и проблема, — думает Сет, — *что компании используют цифры в качестве слоганов»*. Цифры устойчивы, стабильны, неопровержимы. К ним не прилагается никаких терминов и условий, они не помечены вращающимися звездочками. Не то, чтобы теперь это имело значение. Не то,

чтобы вообще что-либо имело значение.

***

По тротуару к нему идет обнаженная женщина, испачканная грязью. Кровь на щеке, невидящие глаза. Сет не может определить, человек она или дроид. Он уходит с ее пути. Мужчина в пяти минутах пути от «Липворт», и ему нужно продолжать путь.

Сет кашляет в лицевой маске. Винит в этом ядовитый дым в воздухе. С тех пор, как он покинул «СкайРест», у него раздражающе покалывает в груди, будто он не может почесать свои легкие.

Через дорогу раздается свист. Горящая машина проезжает мимо Сета в замедленном движении. Свист раздается вновь, в этот раз громче. Несмотря на инстинкт, подсказывающий ему продолжить путь, он оглядывается. Ничего не может с собой поделать. Однотонный городской пейзаж и интерактивный стрит-арт. Катящаяся, горящая машина. Затем он видит мужчину, варвара с фигурой, как у танка, тот не один. Их целая группа — пятеро? Шесть апокалиптических пиратов — они ухмыляются и передают друг другу бутылку. Свистун держит, закинув на массивное плечо, грязную деревянную бейсбольную биту. Она усыпана гвоздями и осколками стекла. Обломки Судного дня.

Банда начинает пересекать дорогу, явно направляясь в сторону обнаженной женщины. Они свистят, улюлюкают и называют ее «красивой сучкой».

«Продолжай идти, — говорит себе Сет. — *Продолжай, бл*ть, идти».*

— Как дела? — спрашивает самый крупный мужчина, замедляясь, чтобы идти вровень с ней.

У него крепкие плечи, и он одет в черную куртку с надписью «В Жопу Роботов». Женщина не отвечает ему. Сету вообще кажется, что она его не слышит, учитывая состояние, в котором находится. Сет заставляет себя не обращать внимания на эту ситуацию и продолжать идти. Он почти на месте.

— Эй! — кричит варвар прямо в лицо женщины. — Отвечай, когда я разговариваю с тобой, сука!

Сет замедляется, у него опускаются плечи. Он был так близок к тому, чтобы добраться в безопасность.

— Ларри задал тебе еб*ный вопрос, — говорит один из мужчин, шлепая ее по заднице. — Прояви чертово уважение.

Другой мужчина швыряет в нее смятой банкой, та отлетает от ее виска, оставляя после себя струйку крови. Ярость бьет Сета в

живот, кровь в венах закипает. Его тошнит от этих обнаглевших ублюдочных садистов.

— Знаешь, что я думаю, Ларри? — говорит женщина — да, в их банде есть еще и женщина. — Думаю, она хочет отсосать твой член.

Мужчины смеются и издают животные звуки: утробные, причмокивающие, смеющиеся. Какие же у них грязные языки. Руки Сета сжимаются в кулаки.

— Притормози, крошка. Куда ты так спешишь?

Варвар с бейсбольной битой берет ее за руку. Если бы Сет не знал, он бы решил, что это жест любовника, но когда она начинает сопротивляться, пытается продолжить путь, незнакомец так сильно дергает ее за руку, что она падает на бок.

— Я сказал, притормози! — кричит Ларри.

Сет подошел поближе и увидел, как его слюна попала на ее лицо, и она вздрогнула, выдавая, что не потеряла сознание.

Мужчина все еще не понимает, робот ли она. Это имеет значение? Раньше он думал, что да.

— Оставьте ее в покое, — говорит Сет, но банда так увлечена насмешками над женщиной, что они даже не обращают на него внимания. Он достает автомат из самодельной кобуры на спине.

— Оставьте ее в покое! — кричит он.

Это очень мощная винтовка. Носит на себе логотип «СкайРест» и заряжена разрывными пулями, спроектированными так, чтобы наносить максимальный урон. А значит, и причинять максимальную боль. Спроектированные так, чтобы ранить мгновенно, серьезно, но не смертельно, как полые пули. Идеальна для того, чтобы побуждать заключенных хорошо себя вести — идеальна для воинственных охранников, которым не позволено убивать свои цели, но которым нравится ощущать большой автомат в своих руках.

— Ты кто, бл*ть? — спрашивает Ларри, поигрывая своей переделанной битой.

— Потеряйся, — произносит одна из его шестерок. — Она твоя?

— Она ничья. Своя собственная. Отойди от нее сейчас же, — говорит Сет, ему так и хочется раскрыть потенциал оружия в своих руках.

— Что это за х*ета?

Обнаженная женщина пытается ускользнуть прочь, но Ларри ловит ее за запястье.

— Тебе бы не захотелось узнать, — отвечает Сет. — Уйдете сейчас и не узнаете.

Варвар улыбается.

— Ты серьезно?

Он передает женщину стае и напрямую обращается к Сету, проводит рукой по бите, усеянной гвоздями и осколками стекла, и сжимает вокруг нее руку, нанося вред собственной ладони,

из которой начинает течь кровь. Если он и чувствует боль, то этого не показывает. Парень еще массивнее, чем казался прежде.

Сет чувствует себя до странного спокойным. Может, ему придет конец, но, когда он думает о воздухе, густом от загрязнения, о невосполнимом ущербе природе, быстро распространяющихся пожарах, о жалких представителях человечества, стоящих перед ним, его не так уж и пугает мысль умереть. Этот мир неправилен. Он неправилен уже давно. Конечно, он привык к довольно привилегированному существованию, к многочасовому просмотру сериалов в своей квартире с фильтрованным воздухом, регулировкой температуры, куда дроны доставляют приготовленную еду по первому требованию, но так жить нельзя. Это вообще не жизнь.

Его инстинкт выживания все еще силен, но страх смерти вихрем поднимается ввысь и уносится прочь в окружающий его электросмог.

— Я еще раз попрошу вас уйти, — говорит Сет, поднимая автомат и глядя в прицел.

Он расслабляет плечо в том месте, куда ожидает получить отдачу. Его легкие раздражающе чешутся, так что он сильно кашляет, прежде чем выбрать цель. Ощущение зуда сменяется острым покалыванием — скорее болью, чем зудом.

Один из мужчин начинает лапать женщину. Его грязные, мозолистые руки скользят по животу женщины, находящейся не в себе, затем по ее бедру и сжимают ягодицы. Под его ногтями виднеется грязь. Другой мужчина начинает идти к Сету, и тот нацеливает на него автомат. Мужчина не останавливается. Решив не делать второго предупреждения, Сет нажимает на курок.

***

Три хрупкие пули вылетают из автомата и попадают в толстяка: в лицо, в грудь и в бедро. Спроектированные так, чтобы распадаться на части сразу после выхода из ствола, пули расщепляются на вращающееся ядро и три острых лепестка. Свинцовый цветок распускает свои лепестки в воздухе, словно, чтобы подышать, а затем вонзается в плоть жертвы.

Мужчина издает рев, недоумевая, почему испытывает такую сильную боль, его тело словно охватывает огонь, и он пытается

вытащить странную пулю, застрявшую в его щеке. Этим усиливает повреждение и кричит снова. Другие его раны сочатся маслянистой черной кровью на фоне темной одежды. Разозлившись, он хочет ударить Сета, но его конечности охватывают судороги боли, и мужчина падает на землю. Наблюдая за своим извивающимся товарищем, Ларри приближается к Сету, поднимает биту, готовясь нанести удар. Рядом с ним шагает женщина с волосами, покрашенными в цвет денима, шипастые кастеты на ее руках поблескивают на полуденном солнце. Сет стреляет в варвара и попадает ему в грудь и живот. Ларри вообще не обращает внимания на пули, он просто продолжает идти. Сет понимает, что мужчина не чувствует боли, и ему приходится положиться только на свою ловкость, когда бита обрушивается на его голову. Он уходит в сторону от Ларри и умудряется выстрелить в еще двоих, которые приближаются. Они падают от боли. Бита снова летит на Сета, он уворачивается от нее едва-едва. В его пояснице неожиданно вспыхивает боль и ощущение влаги. Сет оборачивается и видит, что женщина ударила его кастетом. Он не успевает отреагировать, она бьет его кулаком в живот. Это все равно, что пропустить четыре удара за раз, и он вскрикивает от удивления, заглядывая в ее расширенные зрачки, и до него доходит, каковы будут последствия. Удовлетворившись, она вынимает из него шипы, и ему кажется, что этим жестом она вынимает из него органы. Затем раздается громкий стук, и из легких Сета вышибает весь воздух. Асфальт царапает его лицо. Он ощущает кровотечение там, где его ударили по спине битой, и там, где его закололи в живот. Мимо него проходит пара ботинок, и прежде чем он успевает поднять руки, чтобы защититься, его пинают по лицу. Такого громкого звука он не слышал никогда в своей жизни.

Обнаженная женщина смотрит на него так, будто задумалась.

Новый взмах битой и раненое левое колено. Сет катается и кричит от боли, кашляет кровью. Сейчас их пятеро, они окружают его — круг мучителей. Они возвышаются над ним, а он ест землю. Они обсуждают между собой, что с ним сделать, желая повеселиться с ним, прежде чем он умрет.

— Знаешь что? — спрашивает варвар. — Думаю, мне понравится это шоу.

Глава 84

Промывка мозгов

Кейт вываливается в коридор с его мягким мигающим светом, и рассматривает двери. Она видела уже слишком много жестокости в своей жизни, слишком много боли. Она собирается

собраться со всей храбростью, которая у нее есть, и открыть следующую дверь, не важно, сколько дверей придется открыть, прежде чем она найдет Сильвер. И когда все это закончится, обещает она себе, отправится в какую-нибудь красивую комнату с мягкой мебелью где-нибудь в горах. В одно из тех мест, где удаляют нежеланные воспоминания и позволяют загрузить вместо них счастливые. Промывка мозгов, так это называют дабстеры.

Тут, должно быть, больше двадцати одинаковых дверей. Кейт идет по коридору, пытаясь почувствовать, какая правильная. Она снова вызывает интерфейс, и теперь, когда он активен, когда женщина смотрит на дверь, появляется зеленый голотег.

«ДНК-КАЗИНО С ПЕРСОНАЛОМ ТОПЛЕСС» гласит голотег для двери, рядом с которой она стоит. Кейт идет дальше по коридору.

«ПРАКТИКА ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ В ЖИВУЮ XXX-ГОРЯЧИЕ МОДЕЛИ. РИМСКИЙ ПРАЗДНИК (С ЖИВЫМ ОРТОЛАНОМ) И САДО-ОРГИЯ. БДСМ-XV СЕКС-ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВИРТ ИЗНАСИЛОВАНИЕ&ПОДРУЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ 21+».

Кейт возвращается назад, чтобы посмотреть, где она уже была.

«СМЕРТЕЛЬНЫЙ РОБОМАТЧ АРТ АУКЦИОН».

Она продолжает идти, по пути читая зеленые теги на дверях. Когда она находит красный голотег, останавливается. Это значит, что комната занята? Там не говорится, какова тема погружения. Кейт кладет руку на дверную ручку. Она металлическая и холодная. Адреналин канареечно-желтого цвета взрывается в ее голове. Кейт делает глубокий вдох и открывает дверь.

Глава 85

Гензель и Гретель

«Вайт Меззанин», 2036

Это не дверь, а какой-то портал в совсем другое место, так как теперь она стоит в белом коридоре, тут чисто и красиво, и повсюду горит свет.

Да! Я достигла следующего уровня. Но она вдруг тревожится. Действительно ли она достигла следующего уровня? Стала ли ближе к тому, чтобы найти Сильвер? Или же сделала что-то не так и вернулась в «Липворт Фаундейшн»?

Все дело в белом цвете. Также выглядит «Липворт», но затем она изучает обстановку. Пинает стену, и ей не больно. Она бежит по коридору, ее переполняет энергия и выносливость, и девушка чувствует, будто может бежать хоть весь день. На самом деле, ей и придется, так как коридор выглядит бесконечным, без начала и конца. Тут есть зеркала, серебро, в котором отражается белое.

Кейт останавливается перед одним из зеркал и рассматривает себя.

У Кейт грива красных волос, приглаженных и блестящих, а кожа на голове цела. Она больше не болит. Ее морщины исчезли, а в глазах сияют искры. Она поднимает раненую руку и видит, что та полностью подвижна и совсем больше не болит. Но и не только, она одета в какой-то облегающий тело костюм супергероя цвета оранжевого градиента. Этот цвет сильно выделяется на белом фоне и словно питает ее тело энергией, это похоже на то, когда ты крепко зашнуровываешь свои кроссовки, и тебе хочется пуститься в бег. Она не может стоять на месте, ей хочется двигаться. Нужно спешить. Она уходит от зеркала и видит, что от коридора расходятся другие коридоры, все выглядящие одинаково.

— Сильвер? — Кейт знает, что ей нужно найти верный путь. Что она упускает? — Сильвер?

Темно-оранжевый. Ее мозг пытается ей что-то сказать, но она далека от своего ясного мышления в настоящей жизни, здесь на ее мысли словно опустился фильтр — здесь? — где бы она ни была, и она не может поймать ускользающую мысль.

«Думай!»

Темно-оранжевый — это цвет дежавю, верно? Так какое отношение это имеет к происходящему? Это белый коридор.

«Липворт». Мы уже это проходили.

Но, нет, это не то. Воспоминание связано не с «Липворт Фаундейшн». Оно глубже. Гораздо дальше и более укоренившееся.

Конечно, понимает она. Конечно, это так очевидно. Это белый интерьер штаба проекта «Генезис» — тоже подземного, тоже ярко-белого. Но что это значит? Затем она вспоминает сказки — Сильвер застряла в своем теле, как Белоснежка. Кейт вспоминает о колючем розовом лабиринте в Люминарии. О сказке, которую знает лучше всего, ту, героиней которой она стала. Книга с этой сказкой, подаренная Джеймсом, все еще хранится у нее — «Гензель и Гретель». Кейт и Сэм. Черепица, похожая на вафельные тосты. Она вспоминает о следе из хлебных крошек в виде царапин, который вывел ее из «Генезиса» и спас ей жизнь, и опускает взгляд на пол. Кейт не видит ничего, кроме белого, но затем опускается на корточки и замечает их. Крошечные разноцветные точки. Это странно, так как они не являются частью пола, не совсем. Это похоже на то, будто ее «Нейронное Кружево» проектирует ее синестезию на пол, словно она чувствует себя потерянной, но ее мозг знает дорогу.

Кейт какое-то время идет по следу из пикселей и, когда уже

начинает сомневаться в своей сказочной теории, «хлебные крошки» сворачивают налево, и через какое-то время резко сворачивают направо, затем что-то подсказывает ей, что она близко.

— Сильвер? — зовет она.

Кейт слышит чей-то голос и резко останавливается. Здесь кто-то есть.

Сильвер?

— Мама?

— Сильвер! Я иду!

Кейт бежит на голос, но повсюду лишь белый туман, и она не видит, куда бежит. Она спотыкается, кувыркается и падает, но ей не больно. Она не чувствует ничего, кроме облегчения, снова карабкается на ноги и идет на звук голоса дочери.

— Мама! — кричит Сильвер.

Вот она, по другую сторону какой-то тонкой белой мембраны, биолатексной пленки. Кейт видит очертания рук и локтей дочери, когда та толкается в заслон. Кейт тоже начинает толкать мембрану, пытается разорвать ее ногтями и зубами. На вкус она как резина из шариков. Девушка вспоминает о «Гордоне», о Мэлли в гипсе, о Солан.

— Ты можешь ее разрезать? — спрашивает Сильвер.

— Разрезать? Чем?

— У тебя ничего с собой нет?

— Ты о чем? Нет.

— Посмотри свое оружие.

— Сильвер, — говорит Кейт, прижимаясь лбом к экрану. Она хочет сказать: *«глупышка, я не принесла с собой оружия».*

— Посмотри внизу, мам. Посмотри на свой пояс.

Кейт хочет сказать, что у нее нет пояса, но, когда опускает взгляд, видит, что он на ней есть. Там нож, который она подобрала после смертельного матча, женщина вынимает его из ножен и разглядывает. Ее беспокоит мысль, что все это слишком просто. Она нашла «Атриум», нашла карту-ключ, затем нож, портал, «хлебные крошки», а теперь, Кейт нашла свою дочь. Но у нее нет времени, так что она отбрасывает эту мысль и взывает к своей удаче. Может быть, все дело в том, что она новичок. А может быть в чем-то другом.

— Отойди, — говорит Кейт и принимается разрезать белую мембрану.

Глава 86

Автомобильный каркас

Иннерсити. Йоханнесбург, 2036

Банда ставит Сета на ноги и срезает с него одежду охотничьим ножом.

— Ты это сделаешь, — говорит варвар с битой.

— Сделаю что? — спрашивает Сет, но уже знает ответ.

Двое членов банды толкают голую женщину лицом вперед на капот выгоревшей машины и разводят ее ноги в стороны грубыми руками. Передняя часть ее тела испачкана гарью от машины — черное и белое, негатив и позитив. Она не сопротивляется, и они отходят от нее, отряхивают руки и убирают оружие. Нунчаки сложены, охотничий нож возвращается в ножны. Один из мужчин показывает непристойные жесты над своим членом, а другой толкает избитое тело Сета в сторону женщины.

— Я не могу, — говорит Сет, кашляя и показывая на свои кровоточащие раны.

Женщина слизывает кровь Сета с шипов на своем кастете.

— Я могу тебе с этим помочь.

Мужчины смеются. Один из них поднимает автомат, который обронил Сет. Наставляет его на Сета и мотает им, чтобы тот подчинился приказу. Ларри наблюдает за Сетом с весельем, повесив биту сбоку. Сет, как можно медленнее, хромает к распростертой женщине, пытаясь выиграть время, чтобы подумать. Каждый шаг разбитой ногой посылает по его телу стрелы боли, он выкашливает что-то, похожее на сырые почки. Приблизившись к женщине, он осторожно нависает над ней. Она сжимается под ним.

— Я не причиню тебе боли, — шепотом произносит Сет.

Он заливает ее своей кровью. Один из мужчин швыряет в него разбитой бутылкой.

— Давай поактивнее!

Остальные члены банды смеются.

— Шевелись, сучонок, — произносит кастетчица с голубыми волосами. — Мы ждем шоу.

Прежде чем Сета закололи, он подумывал сбежать, был уверен, что сможет оторваться от них. Теперь каждый шаг отдается агонией, а они до зубов вооружены, теперь и его автомат у них.

Я был так близок. Он думает о своей семье и о Кеке. Всегда думает о Кеке. Он знает, что давным-давно должен был сказать, что чувствует к ней, но время всегда было неподходящим. Она любит Марко, несмотря на его безумное решение бросить ее.

Он вспоминает Кейт, его лучшую половинку, вторую часть паззла, из которого он состоит. Детей. Боже! Хотел бы он увидеть их хотя бы еще один раз.

Женщина под ним слегка шевелится, возвращая его в

реальность. Она что-то тихо шепчет. Мужчина ее не слышит.

— Что? — шепотом произносит он у ее уха, пряча лицо от врагов.

— Уже что-то, — произносит варвар. — Приступайте.

В них снова летит мусор. Отскакивает от плеча Сета.

— Что ты сказала?

Мужчина с автоматом «СкайРест» прицеливается в Сета.

— Я сказала: «Будь готов резко опуститься на землю», — снова шепчет женщина.

— Зачем?

— На счет три.

Сет в полнейшей растерянности.

— Один, — произносит она. — Два. Три.

Мужчина падает на землю, женщина разворачивается кругом и выпускает револьвер. Из ее предплечья выскакивает изящный стальной ствол, и она выпускает пулю за пулей в кричащих членов банды, сокрушая их огневой мощью. Они все повержены, кроме варвара, кажущегося несокрушимым. Должно быть, сейчас в нем, по меньшей мере, десять пуль, но он продолжает идти вперед. Голая женщина продолжает стрелять. Сет ощущает запах пороха. Он подползает к телам и достает охотничий нож из кобуры на одном из тел. Ларри добирается до женщины и начинает душить ее. У нее закончились патроны. Сет быстро подползает к дикарю и перерезает оба сухожилия на его пятках. Может, он и не чувствует боли, но мужчина не сможет ходить без сухожилий. Сет ожидает увидеть желтые хрящи и кости, но вместо этого он шокирован мельком увидеть серебристый титан, который вскоре заливает кровь.

Робот-варвар падает, увлекая за собой женщину, и Сет бросается к нему с ножом наготове, готовясь перерезать ему горло.

Женщина пытается остановить его.

— Он больше не сможет причинить нам вреда, — говорит она.

— Мне все равно, — говорит Сет и отрезает голову от крепкого тела.

***

Они снимают кое-какую одежду со все еще теплых тел. Одежда воняет злом. Женщина-бот натягивает пару темных джинс. Ее испачканные сажей груди все еще обнажены. Сет забирает свой автомат, биту отдает ей.

— Пока, — говорит он и начинает, ковыляя, уходить.

Сет едва может переставлять ноги, пойди он быстрее и боль парализует его. У него все еще течет кровь после удара шипами в живот.

— Позволь мне помочь тебе, — говорит она. На ее грудной клетке открывается отсек.

— У меня нет времени. Мне нужно идти.

Он выкашливает еще больше сгустков и выплевывает их на раскаленный асфальт.

— Ты никуда не уйдешь в таком состоянии.

— Уйду или хотя бы попытаюсь.

— Подожди, — говорит она, прикасаясь к его руке. — Возьми это. В моей аптечке больше ничего не осталось.

Она дает ему ингалятор. Пексидин. Сет снимает крышку и впрыскивает по большой дозе обезболивающего в каждую ноздрю, затем убирает флакон.

— Спасибо.

— Я ничего не могу сделать с твоим коленом, — говорит она. — Мой сканер предполагает, что у тебя раздроблена большая берцовая кость, разорвано сухожилие надколенника, вероятно, из-за сломанной кости. Тебе нужна операция.

— Звучит правдоподобно, — говорит он, морщась от простреливающей боли, которую ощущает каждый раз, как перемещает вес на ногу.

— Но это не самая главная проблема, — говорит она.

Сет смотрит на нее.

— У тебя массивное кровотечение в легких. Сейчас я не могу сказать, умрешь ты от потери крови или нехватки кислорода. Оба варианта кажутся вероятными.

— Воу, — произносит Сет с бульканьем в легких. — Не приукрашивай.

— Мне жаль, — говорит она. — Есть ли способ приукрасить смерть?

— Ха, — говорит он. — Ты права.

Бот закрывает свое отделение, на коже не остается и намека на его существование. Она подпирает Сета стальным плечом и помогает идти.

— Я помогу тебе добраться туда, куда ты идешь, — говорит она. — Но я не могу остаться. Мне нужно кое-что сделать.

— Спасибо, — отвечает Сет. — Не хочешь надеть рубашку?

— А ты хочешь, чтобы я ее надела?

Сет пожимает плечами, и они принимаются ковылять в сторону «Липворт Фаундейшн».

Глава 87

Принудительный выход

«Вайт Меззанин», 2036

Кейт с Сильвер бросаются друг к другу в объятья с криками радости. Тело Сильвер тонкокостное и хрупкое, и Кейт не хочет отпускать ее. Оно ощущается таким настоящим, что Кейт даже чувствует особый запах Сильвер: мякоть белого яблока, ром и шалфей. Она задумывается, как давно они вот так не обнимались. В последний раз это было, когда Сильвер еще была мала, уверена Кейт. Будучи еще малышкой, Сильвер пробиралась в комнату Кейт ночью и засыпала в ее постели. Мэлли тоже так делал, конечно же. Иногда даже они залезали в кровати друг к другу, и Кейт находила их сладко спящими вместе в одинаковых пижамках. Она что-то читала о том, что нельзя позволять маленьким детям приходить к тебе в постель по ночам, что они не смогут засыпать без родителей, и у них на всю жизнь возникнут проблемы с бессонницей.

Им нужно научиться засыпать самим, частенько говорила себе Кейт, относя их маленькие тельца обратно в детские гамаки. Она ощущала вину, когда они плакали во сне, скучая по маме, а она одна-одинешенька в своей постели, и ощущала вину, когда позволяла им остаться рядом с собой, их воображаемая будущая бессонница подпитывала ее бессонницу.

Конечно, после событий, связанных с Люмином, ей было плевать, кто, что и как писал о родительстве. Если близнецы приходили к ней в постель ночью, она обнимала их так крепко, как только они позволяли, и он спали, перепутавшись конечностями и дыша одним воздухом всю ночь.

Сильвер первой разрывает объятия, и это вырывает Кейт из воспоминаний. Что это за место? Оно выглядит как люксовая больничная палата, но на периферии зрения все смазано, будто дизайнер виртуальной реальности не закончил полный рендеринг. Кейт поднимает тарелку с питательными кубиками, чтобы получше рассмотреть, Сильвер выбивает тарелку из ее руки. Тарелка звенит и скачет по плитке, желейные кубики, рассыпавшиеся по полу, похожи на мягкие детали Лего и снова напоминают Кейт о старых временах. Она наклоняется, чтобы собрать их.

— Не надо! — глаза Сильвер огромны.

— Я просто хотела спросить тебя, что это.

— Не прикасайся к ним, не ешь и не пей ничего, пока ты здесь.

— Что это за место? — спрашивает Кейт.

— Я не знаю.

— Мы должны уходить сейчас же, — говорит Кейт. — Они

отключат сетку.

— Я готова, — отвечает Сильвер. Бледная и храбрая.

— И как мы это сделаем?

Сильвер прикусывает губу.

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Зак тебе не рассказал?

— Сети ради, Сильвер…

— Он не рассказал тебе, что нам нужно сделать?

— Он сказал лишь, что это будет хорошая практика.

— Что?

— Это будет хорошая практика. Я не знаю, что это значит. Мы спешили — спешим — успеть вытащить тебя.

— Мне кажется, ты бы не согласилась прийти, если бы знала…

— Конечно, согласилась! — Кейт берет ее за плечи. — Я сделаю ради тебя, что угодно. Ты этого не знаешь?

Ее носовые пазухи жгут слезы.

— Но…

— Просто скажи мне.

Сильвер смаргивает собственные слезы.

— Это не сработает.

— Сделаем так, чтобы сработало!

Кейт чувствует, что время истекает, ее разум окрашивается голубой акварелью — аквамариновым отчаянием.

— Ты постоянно звала Зака. Откуда ты его знаешь?

— Он приходил ко мне во снах.

— Тебе снились здесь сны?

— Мне снился лишь он.

— Он приходил к тебе во снах и рассказал, как выбраться отсюда?

— Я всегда знала, как отсюда выбраться. Так же, как и в моих играх.

Кейт хмурится.

— Тогда почему ты все еще здесь?

— Потому что это не работает. Это место похоже на некое странное лимбо, где ты не можешь…

Сильвер не находит слов. С чувством растущей тревоги, Кейт жестом показывает ей, чтобы та продолжала.

— …но потом Зак сказал мне, что ты сможешь это сделать. Что это сработает, если ты это сделаешь. Что он пришлет тебя. Так он и поступил.

Кейт хочет поторопить Сильвер. Пора идти.

— Чтобы покинуть игру или погружение, когда ты все еще

жив, обычно говорят «выйти», верно? Или моргают, подтверждая нажатие на кнопку «выход», — говорит Сильвер.

Кейт кивает. Ей кажется, что она могла бы до этого додуматься.

— Но иногда это не работает. Не часто, но бывает. Например, если программа зависла, если возникла проблема после обновлений или еще что.

— Так.

— Тогда приходится совершать принудительный выход.

— Так.

— Но это место… блокирует твой интерфейс, блокирует голосовые команды. Так что нельзя совершить принудительный выход обычным способом. Нужно… осуществить его.

— Ладно, — говорит Кейт. — И как его осуществить?

Сильвер смотрит на нее. Электрические глаза. Затем Кейт понимает.

— О.

— Но это проблематично, — говорит Сильвер.

— Поясни.

— С тех пор, как я начала играть в RPG с Сетом, когда еще была ребенком…

— Ты всегда была хороша в играх. Он всегда так говорил.

— Не все так просто. Дело не в моих умениях. Просто… я поняла, что не могу умереть.

Понимание начинает опускаться на Кейт крупными хлопьями снега цвета индиго.

— Вне зависимости ни от чего. Не важно, в какой битве я сражалась, с какого моста прыгала, я оставалась жива.

— Поэтому они называют тебя «Призраком», — произносит Кейт. — Потому что ты не можешь умереть.

— Это всегда было даром, — говорит Сильвер. — Моим секретным оружием.

— До этого момента.

— Я пыталась принудительно выйти. Перерезала себе запястья в ванной.

Сильвер показывает Кейт свои бледные руки. Кожа абсолютно цела.

— Когда я очнулась, я была чистой и лежала в постели.

Кейт сочувствует Сильвер.

— Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это. Особенно, одной.

— Я морила себя голодом, — она оттягивает свое свободное платье, — но это не сработало.

Ее дочь начинает казаться сумасшедшей. Она открывает

дверцу шкафчика, выхватывает свою куртку, бросает ее на постель и начинает разбирать медные пуговицы.

— Что ты делаешь?

Сильвер извлекает таблетку из полой пуговицы на воротнике, затем переходит к следующей и следующей, пока в ее руке не оказывается горстка таблеток.

— Я берегла обезболивающие таблетки. Прятала их. Накопила больше пятидесяти.

— Ты хотела принять их все за раз?

— Но это не сработает. Я поняла это после ванной. Это не сработает.

— Я не понимаю, чем могу помочь. Если ты не можешь умереть, тогда что я могу сделать?

Сильвер поднимает кинжал, который Кейт обронила, когда они бросились обниматься, и отдает его Кейт рукояткой вперед. Смыкает на нем пальцы растерянной Кейт. Кейт опускает взгляд. Клинок изготовлен из латуни и замысловат, на металле выгравирован дракон с перламутровыми глазами. Его хвост обвивает рукоятку и возвращается ко рту, образуя чешуйчатый замкнутый круг.

— Знаешь, что говорит дядя Марко?

— Что?

— Что для всего есть свой хак.

— Наверное, так.

— Мама, — говорит Сильвер. — Ты мой хак.

Глава 88

Дым&сияние

«Липворт Фаундейшн». Йоханнесбург, 2036

— Давай же, Кейт, — говорит Зак, вглядываясь в ее лицо. — Давай. У вас заканчивается время.

Мэлли врывается в двери операционной и видит, что его сестра и мать лежат без сознания на больничных каталках. Он застывает на месте.

— Что вы, бл*ть, с ними сделали?

— Успокойся, Мэлли, — просит ДаркДок, подняв ладонь. — Мы им помогаем.

Арронакс и Вега тоже входят в комнату, следом за ними еле ковыляет Кеке.

— Зак! — кричит Кеке, ее глаза искрятся, несмотря на явную боль.

Зак поднимает взгляд и улыбается.

— Кеке.

Арронакс смотрит на тела.

— Мы должны переместить их.

— Мы не можем, — отвечает Морган. — Нет, пока они находятся в погружении. Слишком рискованно.

— Мы должны.

— Что, если возникнет разрыв связи? Лучше подождать.

— Послушай меня, — говорит Арронакс. — Мир снаружи превратился в хаос и становится только хуже.

— Нас преследуют, — сообщает Мэлли, вспоминая о Говендере и тех, кому тот без сомнения рассказал об Арронакс. — Это лишь вопрос времени, когда они найдут нас.

— Кто? — спрашивает Зак.

— Охотники на ботов.

— Из-за меня, — поясняет Вега.

— Не из-за тебя, — возражает Мэлли. — А из-за того, что они недоумки, у которых ума меньше, чем у тебя в одном мизинце.

— Я убила человека, — заявляет Вега.

Кеке пялится на нее.

— Что?

— Это была самооборона, — говорит Мэлли. — Вега спасла мне жизнь, но теперь они хотят сделать с ней ВО.

Зак хлопает ресницами и мотает головой. Несмотря на то, что он помнит, где когда-то жил, многое в этом странном мире 2036 года для него в диковинку.

— Вернуть отправителю, — поясняет Морган. — Силам специального реагирования было приказано отлавливать всех бродячих ботов. Проблема в том, что невозможно понять, неисправен ли андроид, просто посмотрев на него, так что теперь они арестовывают всех без разбора.

— Если бы вместо этого они занимались охотниками на ботов, пользы было бы больше.

— Мэлли, — мягко укоряет Морган. — Мне кажется, ты не понимаешь серьезности происходящего. Специальная полиция…

— Я понимаю! Я не ребенок! Но, если…

— Вирус V1R1S распространяется быстрее, чем любая пандемия в истории. Ходят слухи, что уровень распространения вируса равен одной тысячи. Одной тысячи! Ты знаешь, что это значит? Это значит, что один неисправный робот заразит еще одну тысячу.

Даркдок бледнеет, словно он тоже не понимал значения V1R1S, пока не произнес этого вслух. Все происходит слишком быстро.

Арронакс подходит к внешней стеклянной стене и смотрит вниз на город, который они только что пересекли. Пожары дымятся и сверкают. Апока-пираты швыряют камни в витрины

магазинов и крадут ювелирные украшения, которые им никогда не понадобятся. Бродячие боты и технонацисты вступают в бой на улицах, вооруженные «Векторами», тазерами, револьверами, и в рукопашную.

— Нам всем нужно переместиться в убежище.

— Ты не упоминала, что здесь есть убежище, — говорит Морган.

С нижних этажей здания доносится шум, система безопасности долго не выстоит.

— Их небезопасно перемещать, — говорит Морган, — но оставаться здесь еще опаснее.

Зак отстегивает каталку Сильвер, а Темный Док отстегивает Кейт. Арронакс показывает путь.

— Я думал, что Сет к этому моменту уже будет здесь, — тихо произносит Зак. — Он должен быть здесь, чтобы все сработало.

Бернард соглашается ворчанием.

— Чтобы сработало что? — спрашивает Кеке.

— Ничего.

Кеке резко разворачивается лицом к Заку.

— Не похоже на ничего.

— Скажу по-другому. Тебе переживать не о чем.

Кеке подозрительно косится на него.

— Я буду следить за тобой, Закери Гердлер.

— Я услышал, — отвечает Зак.

— Я не шучу, бл*ть. Я слежу за тобой, как орлица.

— Черт, я так скучал по тебе, — произносит Зак.

Их взгляды на секунду встречаются, но они продолжают путь.

Стальные каталки грохочут по широкому белому коридору.

Глава 89

Тело, превращающееся в лед

Арронакс получает срочное сообщение от анонимного источника в национальной южноафриканской полиции. Думая, что там сообщается о бреши в безопасности от рук Говендера, она открывает сообщение и сразу же жалеет о своем решении. Арронакс пытается закрыть его, удалить, но уже слишком поздно. Дрожащими руками, она выключает интерфейс. Кто бы ни взломал ее, он уже получил доступ, его не отключить. Он узнает, кто она, что она сделала и сообщит всем, и для нее это станет концом всего. Ее тело превращается в лед.

Глава 90

Драконий клинок

«Вайт Меззанин», 2036

Кейт ощущает вес клинка в своей ладони.

— Я не стану тебя убивать.

— Это единственный способ, — говорит Сильвер.

— Должен быть другой путь.

— Его нет!

— Так не может быть.

— Ты не убьешь меня. А спасешь. Если ты этого не сделаешь, я застряну здесь навечно, и знаешь что? Я скорее умру! Лучше умру сто раз, чем останусь в этом месте.

Наконец, к ее щекам приливает немного краски. В ее глазах плещется свирепость.

— Пожалуйста! — просит она. — Пожалуйста, мама. Я не могу сделать этого сама. Ты должна сделать это вместо меня.

— Ты же знаешь, что я не могу! — Кейт бросает кинжал на кровать. — Как я могу?

— Как ты можешь? Подумай обо мне! Подумай обо мне в реальном мире, застрявшей в своем бесполезном теле навечно.

Кейт хватается за голову, словно ее прохладные ладони не дадут голове взорваться от раздумий.

Это безумие. Это огромное безумие. Все это сон. Должен быть сон.

Таймер Кейт начинает отсчет последних девяти минут.

— Девять минут, — сообщает Кейт.

Сильвер подбегает к драконьему кинжалу и вновь вкладывает его в руку Кейт.

— Мы должны сделать это сейчас. Прямо сейчас.

— Как?

— Прямо мне в сердце. Так быстрее всего.

— Я не могу! — кричит Кейт.

— Перестань быть такой эгоисткой!

Кейт выплевывает.

— Что?

— Ты не можешь этого сделать из-за себя! Из-за того, что будешь чувствовать. А не из-за того, что это значит для меня.

Кейт трясет.

— Пожалуйста, мама. Пожалуйста. Я прошу тебя освободить меня.

Восемь минут.

Семь с половиной.

Кейт тяжело сглатывает.

— Ляг на постель.

Сильвер рыдает от облегчения и ложится на каталку, широко распахнув глаза. Таблетки сыплются на пол. Сильвер складывает руки вместе над животом. Ее волосы рассыпаются — серебряные нити на белой подушке.

— Спасибо! — произносит она между рыданиями. — Спасибо, тебе, мама.

— Ш-ш-ш, — успокаивает Кейт. — Не говори ничего.

«Пока я не передумала».

«Не говори ничего».

«Это не по-настоящему».

«Я не убиваю ее. Я освобождаю ее».

Все же кинжал ощущается слишком тяжелым в ее руке.

Семь минут.

— Я готова, — сообщает Сильвер. — Я люблю тебя.

Глаза Кейт жжет. Она снова сглатывает и поднимает кинжал обеими руками.

Это не по-настоящему.

Это сказка.

Кейт охотник, пришедший за сердцем Белоснежки.

— Я люблю тебя, — говорит Кейт, вонзая нож в грудь Сильвер.

Она чувствует, как лезвие входит в грудную клетку, а затем с трудом выходит наружу. Сильвер кричит от боли, Кейт роняет кинжал, будто напугавшись его.

Проклятье!

Сразу же жалеет о своем решении, должно быть, она сошла с ума. Обезумела. Сотворила нечто немыслимое. Сильвер кричит и кричит, и бьется на каталке. Кровь начинает заливать белый хлопок ее платья.

— Прости меня!

Слезы Кейт капают на каталку. Она даже не знала, что плачет.

*«Что я натворила? Что я, бл*ть, натворила?»*

Крики Сильвер переходят в низкие стоны, движения ее тела замедляются. Она снова тихонько плачет от облегчения, в ее глазах загорается такое выражение, будто она видит свет в конце тоннеля. Ее маленькая поврежденная рука, напоминающая морскую звезду, слепо ищет руку Кейт. Мать сжимает ладонь дочери, пока из груди Сильвер течет кровь, и ее сердце замедляет свой ход.

Она мертва?

Аватар Сильвер начинает исчезать. Блоки, похожие на гигантские пиксели, смещаются и растворяются. Прямо здесь, на каталке перед Кейт, рука ее дочери исчезает, как сгенерированный компьютером одуванчик, сдуваемый ветром. Вот так, комната пустеет, а Сильвер обретает свободу.

Глава 91

Малиновая химическая медь

Кейт раздавлена. Ей нужно время, чтобы прийти в себя, но его нет.

Шесть минут.

Она вызывает интерфейс, но он не работает. Она пытается снова.

— Выход, — произносит она. — Выход.

Все еще находится в белой комнате.

«Я застряну здесь навечно».

Она пытается «принудительно выйти», моргнув глазами, но кнопки нет. В ней нарастает колючий адреналин.

«Не паникуй, — говорит она себе. — *Ты знаешь, что делать. Ты знаешь, как принудительно выйти».*

Кейт тянется за ножом, чтобы вскрыть себе вены, но он пропал… исчез вместе с Сильвер.

Бл***ть!

В отчаянии, она обводит взглядом комнату. Что Сильвер использовала во время первой попытки покончить с собой? Кейт замечает зеркало и пытается разбить его, но оно самовосстанавливающееся ртутное, и трещины на нем тут же исчезают. Ее взгляд мечется, женщина пытается подавить панику, пытается сохранять спокойствие, чтобы иметь возможность мыслить трезво.

Пять минут.

Затем она замечает таблетки на фарфоровых плитках, рассыпавшиеся по полу, когда Сильвер в спешке ложилась на каталку. Кейт падает на колени и принимается собирать их, засовывает себе в рот и ищет взглядом воду, прежде чем понимает, что они не успеют подействовать. И Сильвер говорила не есть и не пить здесь ничего, ничего, что может привязать ее тело к этому месту. Она вспоминает, как Сильвер вышибла стакан воды из ее руки. Кейт выплевывает горькие синие таблетки обратно в ладонь. Ей нужен способ побыстрее, но они — это все, что у нее есть.

Кейт вспоминает о снаффеине Сета, о пексидине Кеке, знает, как эффективно и быстро действуют наркотики, если их вдохнуть. Она кладет горку таблеток на белый плиточный пол и перемалывает их своим каблуком, так быстро, как может, в комковатый порошок, затем вдыхает синюю пудру с сустава большого пальца. Первый глубокий вдох подобен сапфировой пуле в ее мозг. Искры распространяются вверх по ее носу и взрываются. Кейт вскрикивает, закрывает нос обеими руками — рефлекс — и ахает от боли. Перед ее глазами начинает кружить круговерть, а мозг словно задыхается.

«Матерь Божья, что в этих таблетках?»

Кейт едва ли видит, что делает во второй раз, так как искры лишают ее зрения. Она как может подготавливает следующую дозу и вдыхает ее. Еще одна пуля, еще один взрыв. Судорожная боль заставляет ее покачнуться назад.

— А-а-а, — все, что она может сказать, когда наркотик жжет ей мозг.

Это все равно, что съесть свежий перец чили и в то же время «обморозить мозг», в квадрате, кубе, сотой степени, боль вспыхивает неоновым синим. Но это работает. Кейт чувствует, как синестезия начинает отступать, электрические импульсы теряют силу. Она должна принять все это, прежде чем отключится. Ее сердечный ритм уже замедляется.

Три минуты.

Кейт подготавливает следующую дозу, затем следующую, потом еще одну, пока грубый порошок не превращается в мелкую пыль на плитке пола. Последняя доза самая сложная, но наименее болезненная, так как все ее лицо уже совсем онемело. Кейт с трудом держит глаза открытыми, так как из-за наркотиков ее веки тяжелеют, а тело клонит к полу, будто гравитация просочилась в комнату и давит на все части ее тела, даже кожа щек словно вдавливается в кости черепа, а глаза глубже погружаются в глазницы.

Она думает, что все работает, но затем возникает странное мокрое ощущение в задней части ее поврежденных носовых пазух, и Кейт кажется, что так ее тело пытается бороться, отторгает наркотики. Кейт чувствует, как в ней нарастает давление, и уже через секунду из ее носа и рта льется жидкость. Она ожидает, что это будут сопли и слюни, но, когда она через силу открывает глаза, видит, что это кровь. Она льется из нее и собирается в лужицы на плитке. Жидкая малиновая химическая медь. Затем на нее накатывает невидимая приливная волна, и она лежит, распростертая, на полу, дожидаясь забвения. Она не видит, как таймер на часах отсчитывает 00:00.

Глава 92

Окровавленный платок

«Липворт Фаундейшн». Йоханнесбург, 2036

Дверь в офис Арронакс раскрыта нараспашку. Девушка колеблется снаружи. Электричество уже отключили? Сильвер с Кейт опоздали? Арронакс осторожно приоткрывает дверь.

В комнате сидит Сет. Он поднимает на нее взгляд, и на его лице появляется облегчение. Дверь в прилегающую безопасную комнату закрыта, около нее мигает красный огонек.

Арронакс уже собирается подбежать к нему и обнять, но

останавливается, когда замечает, в каком он состоянии. На теле Сета колотые раны, его колено распухло до размеров вдвое больше нормального, и он держит в руках кусок ткани, окрашенный красным. Окровавленный платок.

— Что… Ты в порядке?

— Поясни, что для тебя значит «в порядке», — говорит он, кашляя.

— Почему безопасная комната закрыта? — спрашивает она.

— Не знаю, я пробовал ввести свой код, но он не работает.

Арронакс пытается отпереть дверь безопасной комнаты, сканируя свою сетчатку, но это не работает. Она вбивает код вручную, но дверь остается запертой, красный огонек продолжает мерцать.

— Кейт здесь?

Девушке не приходится отвечать, так как следом за ней спешат Зак, Бернард, Темный Док, Кеке, Мэлли и Вега, и они тянут за собой две каталки. Сет вскакивает и морщится, когда замечает, что на каталках лежат Кейт с Сильвер.

Арронакс замечает взгляд Сета на Кеке. Облегчение, что она жива, но не только.

Мэлли обнимает Сета.

— Какого черта произошло?

— Электричество еще не отключили? — спрашивает Зак.

Никто не отвечает, им и не надо. Свет горит. Электричество еще не отключили. У них еще есть время — минуты, может быть, секунды. На часах 13:58.

— Давай же, Кейт, — говорит Кеке, держась за поручни каталки. — Возвращайся к нам.

Бледное лицо Кейт лишено всякого выражения.

Сильвер начинает задыхаться, и они все собираются вокруг нее.

— Что с ней? — спрашивает Сет с безумным взглядом. — Что с ней такое?

Морган берет Сета за плечо и отводит его к стулу.

— Тебе нужно присесть. Ты выглядишь так, будто вот-вот потеряешь сознание.

Сет стряхивает его руку.

— Просто скажи мне, что, бл*ть, происходит. Что вы с ними сделали?

Его племянница втягивает воздух так, будто тонет.

— Что происходит? — Кеке в отчаянии. — Ты можешь ей помочь?

— Все хорошо. Это значит, что она поднимается на поверхность.

— Она задохнется насмерть!

— Нет, — отвечает Арронакс. — Она возвращается к нам.

Сильвер извивается и задыхается. Ее глаза закатываются назад так сильно, что это выглядит так, будто вместо глаз у нее гигантские жемчужины.

Сет проталкивается к постели Сильвер, отвязывает ее запястья. Он приподнимает ее безжизненный корпус к своей груди, обнимает ее маленькое тельце. Поддерживает ее перевязанную голову, прижимается своей щекой к ее щеке, пытается влить в нее свое тепло и то, что осталось от его жизненных сил. С чувством целует в щеку.

Сильвер начинает моргать, ее глаза становятся нормальными. Один последний глубокий вдох, казалось, забирающий весь кислород из атмосферы, и вот она тут, в комнате вместе с ними,

телом и умом.

— Сильвер! — кричит Мэлли, хватая ее за другую руку.

Его сестра садится и осматривается. Она опускает взгляд на свою грудь, затем смотрит на свою семью. Тяжело сглатывает и собирается сказать что-то, когда Кейт начинает точно так же задыхаться, и они собираются вокруг нее тоже. «Всплытие» Кейт намного более жестокое. Она трясется на каталке так, будто сражается с кем-то во сне. Кричит и блюет.

— Кейт, — произносит Морган. — Все в порядке. Ты меня слышишь? Сильвер в порядке.

Кейт снова рвет, а затем у нее начинается припадок. Из ее носа льется яркая кровь.

— Дерьмо! — выкрикивает Кеке. — Что с ней такое?

— Я не знаю, — отвечает Темный Док. — Кейт? Кейт? Ты меня слышишь?

Он пытается проверить ее пульс, но она слишком сильно дергается.

— Мама! — кричит Мэлли.

— Если она не выйдет оттуда сейчас же, тогда будет слишком поздно, — говорит Арронакс.

Кровь вытекает тонкой струйкой, попадая на все вокруг. Девушка трясется всем телом. Сет берет ее за руку, как брал за руку Сильвер, и припадок останавливается. Но становится хуже, так как ее конечности обмякают, а рот открывается, и Кейт выглядит так, будто умерла. Единственное цветное пятно на ее лице — красный кровавый развод. Ее тело словно остывает и сжимается на их глазах.

— Кейт? — незамутненный страх разрывает голос Сета, как лист бумаги. — Кейт!

Тянутся долгие секунды.

— Мама, — произносит Сильвер голосом маленькой девочки.

На лице Кейт появляется слабое движение — почти незаметно подрагивает бровь.

— Все кончено, — сообщает Арронакс. — У нас закончилось время.

Часы отсчитывают 14:00.

Зак громко ругается и пинает ближайший стул. Бернард закрывает лицо руками. Из глаз Кеке потоками льются слезы.

Вдалеке слышатся дикие крики и треск. Грохот.

— Они скоро будут здесь, — говорит Арронакс, в ее глазах виден страх. — В комнате безопасно только тогда, когда есть электричество. Они знают, что я здесь. Они убьют нас всех.

— Мама, — снова говорит Сильвер, уже с большей силой.

Она протягивает руку и берет мать за безжизненную ладонь.

Сильвер касается Кейт, и по телу той словно проходит электрический заряд, так как Кейт резко садится и распахивает глаза. Она поворачивает голову и замечает Сильвер, глядя ей в глаза. Они тяжело дышат, а затем выключается свет.

Глава 93

Небольшое изменение

— Сильвер? — спрашивает Кейт. — Ты в порядке?

Ее дочь кивает. Им обоим помогли встать с каталок, остальные откатили тех к стене. Кеке стирает кровь с лица Кейт, а Мэлли приносит им попить.

— Забаррикадируйте двери, — приказывает Арронакс.

Морган с Бернард принимаются исполнять, возясь в темноте.

— Они не выстоят, — говорит Морган. — Нам нужно что-то потяжелее.

— Нам нужно попасть в безопасную комнату.

Арронакс снова пытается отпереть дверь в безопасную комнату, но в доступе снова отказано.

Вместо этого, они вручную запирают дверь офиса на засов, затем придвигают к двери диван и шкафчик.

— Они все равно прорвутся, — говорит Морган. — Найдут способ попасть внутрь.

— Я не понимаю, — говорит Мэлли. — Почему они так сюда рвутся? Разве в здании мало мест, которые можно разграбить?

— Это потому, что я здесь, — отвечает Арронакс.

Мэлли поворачивается к ней в темноте.

— Но почему?

— Они винят меня в нападениях роботов.

— Из-за того, что их спроектировали в «Наутилусе»? Из-за того, что ты отстаиваешь их права? — спрашивает Мэлли.

Арронакс включает сферическую лампу, питающуюся от батареек, и подносит ее к середине комнаты, это выглядит так, будто в комнату светит луна. Их длинные тени раскрашивают стены.

Лицо Арронакс превращается в маску.

— Из-за того, что я создала V1R1S.

Глава 94

Жаждущие крови охотники на ботов

Мэлли вспыхивает.

— Ты этого не делала.

Арронакс смотрит на него холодным взглядом.

— Боюсь, что делала.

Кейт не знает, что сказать. Это действительно происходит? Это реальность?

— Арро, — произносит Сет смертельно серьезным голосом. —

О чем ты, бл*ть, говоришь?

Арронакс делает глубокий вдох. Ее кожа выглядит фарфоровой в лунном свете.

— Это моя вина. Все это. Все. Я создала V1R1S.

— Нет, не может быть, — голос Кейт охрип. — Ты этого не делала.

— Нелепость какая-то, — произносит Сет, кашляя в платок. — Зачем тебе делать своих роботов неисправными?

Кейт замечает на платке Сета кровь, и ее внутренности каменеют.

— Нет. Нет! Я просто допустила ошибку с… плохо продумала код. Хотя… сам код идеален, я это знаю. Все дело в системе доставки, которая…

— Ушам своим не верю.

— Это должно было стать улучшением! Это было небольшое изменение в коде. Оно просто должно было позволить роботам иметь возможность сказать «нет».

— Ты запрограммировала искусственный интеллект так, чтобы он не подчинялся человеческим командам.

— Они имеют право сказать «нет»!

— Боже, Арронакс.

— Это должно было сделать их существование лучше.

Кеке скрещивает руки на груди.

— Ты видела видеоролики? Про дворецкого, раздавившего женщину? Про школьный автобус, съехавший с моста с пятьюдесятью детьми внутри?

Руки Арронакс взлетают к лицу.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Я знаю! — кричит Арронакс. — Я знаю, слышишь? Ты думаешь, мне легко? Ничего этого не должно было случиться. Изменение в коде должно было быть незначительным апгрейдом. Но, каким-то образом…

Сет, хромая, меряет комнату шагами в почти полной темноте.

— Не могу поверить, бл*ть.

Кейт снова думает, что это не может быть реальностью.

— Частично проблема в том, что у меня не было доступа ко всем машинам, и я не могла внести изменение. Нет, если не хотела привлечь внимания к тому, что пыталась сделать. Так что… мне в голову пришла идея. Я посмотрела на свой пластырь от гриппа, и меня осенило. Я сделала код… заразным. Это был единственный способ его распространить. Я тестировала его и тестировала, пока не убедилась, что он безопасен. Но мне кажется, что он каким-то образом, не знаю… мутировал. Как

делает настоящий вирус, когда встречается с иммунитетом. Я не могу этого объяснить.

Сет, морщась, садится, и трет глаза.

— Не важно, кто ответственен за восстание роботов, — говорит Зак, — нам нужно обсудить более насущные проблемы.

— Более насущные? — бросает на него взгляд Мэлли. — Ты серьезно? Орда разозленных охотников на ботов совсем скоро выломает эти двери и убьет нас всех, а ты хочешь поговорить о чем-то другом.

Зак обводит взглядом всех присутствующих.

— Что, если я скажу вам, что выход есть?

Мэлли смотрит на забаррикадированную дверь.

— Вряд ли.

Снаружи раздается громкий стук, затем еще один.

— Бл*ть, — произносит Кейт.

Не особо красноречиво, но в данный момент — это единственное, что приходит на ум.

Бернард и Морган укрепляют баррикаду всеми предметами мебели, которые только могут найти в темноте. Осада двери продолжается. Совсем скоро вандалы ворвутся внутрь. Охотники на ботов, стоящие за дверью, кричат, и от этого звука сердце Кейт пульсирует неоновым зеленым.

— Она уже должна быть здесь, — говорит Бернард.

— Кто? — спрашивает Кейт.

Она испытывает облегчение от того, что вернулась, но все происходящее сейчас кажется таким же сном, как и ее погружение. Темная комната, признание Арро, жаждущие крови охотники на ботов, таранящие двери. Она хватает Сильвер за руку и притягивает ближе. Бернард не отвечает.

— Она будет здесь, — говорит Зак.

Глава 95

Ворона на плече

Толпе, наконец, удается проделать дыру в двери. В нее просовывается рука, покрытая грязью, и шарит в поисках ручки. Не может дотянуться. Они продолжают увеличивать отверстие, через которое слышится поток гневных проклятий и дымный запах гражданской войны. Кейт прижимает к себе Сильвер, представляя, что дикари сделают с ее хрупкой дочерью.

Посередине комнаты появляется голограмма аватара — арбалет из слоновой кости со стрелой с алмазным наконечником на фоне белого диска.

Зак с Бернард чувствуют облегчение. Свет около двери в комнату безопасности меняет цвет с красного на зеленый, а затем дверь распахивается. Оттуда выходит Солан, светясь в своем

фирменном белом платье.

***

— Солан, — произносит Кейт.

Может ли происходящее стать еще более сюрреалистичным? Ее платье подобно маяку света в мрачной комнате.

— Что ты здесь делаешь?

Арронакс прикасается к затылку, словно до нее что-то впервые доходит. Она открывает рот.

— Это ты. Ты анонимный основатель «Липворт».

***

Кейт вспоминает, что все вокруг белое, от плиток на полу до потолков — она могла бы догадаться, что это как-то связано с Солан. Лимбо, в котором была заперта Сильвер, тоже было белым.

Как долго Солан пробыла в комнате безопасности? Как ей удалось добраться сюда целой и невредимой? Затем Кейт вспоминает «СурроТрайб», и насколько они удобны в охране важных людей. Она воображает сотни СурроСестер по всему городу в их белых униформах с луками и стрелами, словно светящихся стражей или ангелов. Зеленый свет на двери в комнату безопасности бледнеет и умирает. Дверь теперь не запереть.

***

Из-за главной двери доносится вой, дыра быстро увеличивается в размерах.

— У нас мало времени, — говорит Солан Заку. — Ты объяснил ситуацию?

— Пока нет. Кейт только что вышла из «Мезzанина». Я ничего ей не рассказал.

Не то, чтобы не пытался. Кейт вспоминает день, когда она встретила Зака в туалетной комнате унисекс в «Гордане» давным-давно.

«Я должен рассказать тебе кое-что», — торопливо сказал он ей, прежде чем его увели копы. Это мучило ее двенадцать лет, ощущалось серой вороной на плече. Кейт готова слушать.

Разлом в двери теперь достаточно большой, чтобы через него пролез мужчина. Когда он просовывает туда руки и плечи, Бернард бьет его стальной дубинкой по затылку, вырубая его и

временно запечатывая дыру.

— Выходи, робофакерша! — кричит один из бандитов снаружи.

— Твои машины убили моего брата! — кричит кто-то еще.

— Выходи, или мы убьем вас всех!

Кейт дрожит, когда ужас взметается и кружит вокруг нее, как грязный вихрь. Они вломятся сюда. Кого они убьют первым?

— Ай, мам, — говорит Сильвер, и Кейт ослабляет хватку.

Лицо Арронакс превращается в застывшую маску, ее волосы пульсируют фиолетовым.

— Даже не думай об этом, — говорит Сет, кашляя.

Кейт кажется, что в его легких пузырится кровь.

— Я должна.

— Ты сошла с ума? Ты хоть знаешь, что они с тобой сделают?

Язык тела Арронакс наполнен решимостью.

— Я пойду.

— Это безумие, — говорит Кейт. — Тебя убьют через минуту.

— Если они получат меня, то оставят вас в покое.

— Нет, не оставят, — говорит Сет.

Кеке с детьми наблюдают за ними, округлив глаза.

— Даже, если нет, я выиграю вам время.

— Ты не пойдешь туда, Арро, — говорит Сет. — Ни за что.

Солан деликатно покашливает.

— Так будет правильно.

— Это безумие! — говорит Сет. — Я не пущу тебя!

Арронакс подходит ближе к Сету и понижает голос.

— Ты никогда не указывал мне, что делать. Не начинай сейчас.

— Пожалуйста, не делай этого. Они разорвут тебя на клочки.

— Я получу по заслугам.

Стук в дверь становится громче, словно мужчины снаружи нашли что-то тяжелое, чем можно бить в дверь.

— Никто такого не заслуживает. Ты совершила ошибку.

— Ошибку, которая убила сотни тысяч людей.

— Ты хотела, как лучше.

— Ты же знаешь, что говорят про дорогу в ад, верно?

— Нам нужно лишь пять минут, — говорит Солан. — Затем мы будем в безопасности.

Арронакс кивает.

— Это меньшее, что я могу сделать.

Глава 96

Осколок души

— Я пойду с тобой, — говорит Вега. — Защищу тебя.

— Чтобы вы обе умерли? Ни за что! — говорит Мэлли.

— Мы не умрем. Мой револьвер полностью заряжен, и я хорошо владею джиу-джитсу.

— Это слишком рискованно.

— Мэлли, — говорит Солан. — Ты мне доверяешь?

Парень поворачивается к ней.

— Конечно.

Все в комнате знают, что он был бы мертв, если бы не Солан.

— Тогда, пожалуйста, прислушайся к голосу разума. Позволь Арро и Веге отвлечь их, пока мы спасаемся.

— Спасаемся? — спрашивает Кейт, показывая на разрушенную дверь. — Спасения нет!

— Что, если их убьют?

— По крайней мере, мы будем живы, — говорит Солан. — Если они туда не выйдут… для нас всех все будет кончено.

— Они умрут в любом случае, — Морган произносит, понизив голос.

Слова повисают в воздухе.

— Я не хочу жить без Веги, — Мэлли смаргивает слезы. — Она все для меня.

— Подумай о своей матери и Сете, о Сильвер. Все в этой комнате умрут, если ты не отпустишь их.

Мэлли начинает рыдать.

— Не переживай, Чистейший из людей, — говорит Вега.

Она снова расстегивает верх, как делала несколько часов назад, только по совсем другой причине. Секс и смерть, магическим образом связанные воедино, всегда притягивают и отталкивают друг друга.

Вега обнажает грудь и открывает отделение, расположенное под сердцем. Она вынимает рубиновый ДНК-чип с ее логотипом Альфа Лиры в форме звезды на нем — ее осколок души.

— Все, что делает меня мной, в этом чипе.

— Но это не ты, — плачет Мэлли.

— Я, — отвечает Вега, касаясь грудной кости — теплого титана под штампованным силиконом. — Это тело — это не я. Я могу иметь другое тело, но именно этот чип — я. Ты понимаешь?

— Нет! — кричит Мэлли сквозь слезы. — Если ты туда пойдешь, то и я тоже!

По двери наносится сильнейший удар, разбрасывающий в стороны разномастную мебель. Бернард и Зак бросаются вперед, чтобы вернуть ее на место.

Зак ласково смотрит на Арронакс.

— Если ты собираешься идти, сейчас самое время.

— Ты не пойдешь! — рыдает Мэлли.

— Мэлли. Мэлли. Мне нужно сказать тебе кое-что, — шепчет

Вега.

— Это ничего не изменит, — плачет Мэлли. — Ничто из того, что ты скажешь, не изменит того, что я чувствую к тебе.

— У меня V1R1S.

— Что? Нет.

— Да. Тот мужчина из полиции…

Мэлли помнит, как Говендер копался в аппаратном обеспечении Веги. Помнит флеш-диск, который тот вставлял в шею Веги, как загорелся светодиод, а затем Говендер быстро убрал его во внутренний карман своего новенького костюма.

— Нет, — Мэлли трясет головой. — О, нет.

— Это тело сломано, — Вега берет Мэлли за подбородок. — Посмотри на него.

Мэлли моргает и изучает взглядом Вегу. Ее голова все еще разбита после вчерашнего нападения, а силиконовая кожа отходит от того места, где Арронакс пришила ее обратно к серебряному черепу. Сустав на шее Веги вышел из строя, и девушка сильно хромает из-за сломанной лодыжки. Он представляет, как коварный вирус распространяется по всем ее внутренностям, окрашивая код злом. Как только он распространится полностью, она убьет его, словно он для нее ничего не значит.

У него болит сердце. Прямо здесь и сейчас он чувствует, будто кто-то сжимает его сердце прямо в его грудной клетке. Боль расцветает в груди, как дым от атомной бомбы. Вся его сила воли уходит на то, чтобы остаться стоять на ногах, а не упасть на колени.

Как же больно.

— Это тело сломано, но мой осколок чист.

Вега вкладывает его в ладонь Мэлли и смыкает на нем его пальцы.

Мэлли пытается подавить боль.

— Я люблю тебя, — говорит он, почти давит ее в своих медвежьих объятиях. — Я люблю тебя, Альфа Лира.

Вега отстраняется.

— Я знаю.

Мэлли выглядит так, будто хочет сказать что-то, и Вега улыбается.

— Я тоже люблю тебя, Чистейший из людей.

***

— Тогда решено, — говорит Арронакс, разглаживая волосы. Они принимают серьезный оттенок баклажана, и на их фоне она

выглядит еще бледнее, чем обычно. Еще один громкий стук в дверь, и мебель снова раскидана.

Зак подходит, чтобы поцеловать Арронакс в щеку, и в процессе подбрасывает ей в карман «ручку». Они обмениваются понимающими взглядами.

Сет обнимает Арронакс, берет ее за руку. Она предлагает Сету забрать его «Вектор», но он отказывается. Он отключает биоинформацию о своем имени и заменяет ее биокодом Арронакс. Он показывает ей, где курок, как держать «Вектор», чтобы отдача была не слишком сильной. Они смотрят друг другу в глаза так, будто им есть, что еще сказать друг другу.

Арронакс выпутывается из его объятий и стучит по двери ребром ладони.

— Я выхожу! — кричит она. — Отойдите! Отойдите, и я выйду!

Сет снова кашляет кровью. Толпа снаружи слегка притихает.

Мэлли кладет осколок в карман и целует Вегу на прощание. Слезы все еще бегут по его лицу. Кейт встречается с Вегой взглядами и кивает, Вега кивает в ответ. Они убирают от двери мебель, выпуская Арронакс и Вегу. Сет обнимает одной рукой все еще плачущего Мэлли. Они приоткрывают дверь ровно настолько, чтобы две женщины могли выйти.

— Заходите в безопасную комнату, — говорит Солан. — Быстро.

Глава 97

Щит

Арронакс с Вегой держатся друг за друга, выходя из комнаты в толпу рассерженных людей. Арронакс держит «Вектор» так, как она надеется, что будет выглядеть, будто стреляла из него прежде.

— Почему ты солгала Мэлли? — шепотом спрашивает она Вегу. — О том, что ты инфицирована?

Обман Веги шокировал Арронакс. Не потому, что она знает, что у Веги нет V1R1S, а потому, что она создала, улучшила и отточила дизайн седьмого поколения робосапиенс, и точно знает, что для них невозможно солгать.

— Только так он бы отпустил меня.

***

Грязная стая хватает женщин и оттаскивает их от двери в середину толпы. Должно быть, здесь две дюжины людей, все они кричат на них. Мужчина сплевывает прямо в лицо Арронакс. Когда она вытирает слюну, ее дрожащие руки выдают ее страх.

Варвары вооружены солнечными лампами и самодельным оружием. Арронакс с Вегой медленно поворачиваются внутри круга, не желая оставаться к кому-либо из толпы спиной слишком долго. Когда Арронакс замечает Говендера, самозванца, выдававшего себя за полицейского, наставляет пистолет на него. Он выглядит не к месту в своем элегантном синем костюме среди толпы охотников на ботов в рваной и грязной униформе.

Арронакс замирает от тревоги, в ее рот словно набили ваты.

— А, только посмотрите, — говорит один из них. — Она взяла с собой свою робошлюху.

Мужчина с «Вектором» прицеливается, и Вега инстинктивно встает перед Арронакс, служа щитом.

— Подождите, — говорит Говендер. — Я мечтал об этом моменте много месяцев. Я хочу насладиться.

Арронакс понимает, что Говендер — тот, кто посылал ей угрозы расправы.

— Пох*й, — произносит один из мужчин. — Они мои.

Он снова прицеливается, и Костюм вышибает оружие из его руки.

— Что за…

Он сжимает руки в кулаки, готовый драться, но Говендер вытаскивает из нагрудного кармана своего ослепительного пиджака ракетницу и стреляет из нее в голову Охотника на ботов. Бордовый мозг вылетает из его затылка, и он падает на пол. Несколько людей в толпе этим шокированы, другие возбуждены. Готовые пустить кровь, они наступают вперед.

Прошла лишь минута. Этого мало, чтобы другие спаслись.

Говендер наставляет ракетницу на Арронакс, изучает взглядом ее лицо. Она отвечает на его хмурый взгляд, целясь в него из «Вектор». Ее палец на курке подергивается, но, если она застрелит его, другие могут слететь с катушек.

Арронакс не нужно беспокоиться — мужчины наступают вперед без поощрения с ее стороны. Ее волосы белеют.

Это странно, знать, что ты сейчас умрешь. Не то, чтобы жизнь мелькала у тебя перед глазами, не совсем. Скорее, это похоже на тотальное признание поражения, на отказ, начиная от самых любимых детских воспоминаний и дизайнов, которые ты никогда не спроектируешь, до ощущения кожи твоего любовника на своей коже. Сожаления и радость смешиваются вместе в странном моменте кристальной ясности, когда ты понимаешь, что больше никогда не увидишь океан. Никогда больше не погрузишь стопы в теплый мягкий песок и не услышишь шум волн. Странно, но ты согласен на это, ведь в твоей груди бьется осознание, что в этой жизни ты любил больше, чем терял.

— Ладно, — говорит Говендер взбудораженной толпе, — разделите их.

Охотники на ботов на расстоянии вытянутой руки от них, уже меньше, и Арронакс начинает стрелять. Она подстреливает четырех или пять мужчин, прежде чем они вырывают оружие из ее руки. Девушка кричит, пока они дерутся. Их голодные руки пытаются схватить ее. Голубоглазый мужчина с ржавым клинком готов вонзить его в живот Арронакс.

Арронакс пытается нащупать в своем лабораторном халате иглу, снимает колпачок с инъекционной ручки, и, под лабораторным халатом, вонзает ее в свою ногу. Горячий поток выстреливает до ее сердца.

Она притягивает Вегу ближе.

— Готова? — шепотом спрашивает Арронакс, чувствуя, как начинает действовать наркотик. Вега кивает.

— Сейчас.

Вега открывает отделение на плече, и Арронакс нажимает на красную кнопку самоуничтожения. Когда Вега взрывается, вспыхивает невероятно белый свет, и концентрированный взрыв убивает всех в комнате так быстро, что никто не успевает дожить до момента, когда слышится взрыв.

Глава 98

Дитя «Генезиса»

Они спешат в темноту комнаты безопасности. Солан закрывает за ними дверь и прижимается к ней спиной. Бернард тоже налегает на нее весом. Она не может запереть дверь без электричества, но тяжелая стальная дверь все равно предлагает защиту.

— Все на пол, — говорит она, и они подчиняются. Кейт толкает Сильвер на пол и закрывает ее своим телом.

Вспыхивает ослепительный свет и раздается взрыв.

Здание сотрясается.

— Что это, бл*ть, было? — спрашивает Сет, не желая знать ответ.

***

На них сыплются обломки. Кейт отпускает Сильвер. Дверь в комнату безопасности распахивается, позволяя им в полумраке увидеть, что главная дверь слетела с петель. Щепки от взорванной мебели падают на пол. Варвары мертвы, но Кейт знает, что придут другие.

Сет с Мэлли выглядят несчастными.

— Побежали, — предлагает Кеке.

— Нет, — отвечает Солан. — Сюда идут сотни. Мы не успеем вовремя.

Кейт вдыхает тяжелый черный воздух. Дым жжет ей глаза.

Слышится царапающий звук, затем загорается искра, и доносится запах фосфора и хлората, когда Солан зажигает спичку, а затем свечу.

***

— Выслушайте меня очень внимательно, — говорит Зак. Он привлек всеобщее внимание. — Есть лишь один способ выбраться отсюда, нам нужно поторопиться.

Кейт бросает взгляд на разрушенную дверь и на мертвые тела снаружи, покрытые кровью и пеплом.

— Кейт, Сильвер, вы единственные знаете, как это сделать.

— Нет, я не знаю, — говорит Кейт. — Я понятия не имею.

— Знаете, так как только что сделали это. Вы вдвоем сбежали из «Мезzанина», что намного сложнее, чем это. Это был важный опыт, и вы справились.

— Очки опыта, — произносит Сильвер.

— Именно, — говорит Зак. — И теперь вы готовы.

Кеке касается своей перевязанной головы и морщится.

— Готовы к чему?

— К следующему уровню, — говорит Солан.

Кейт в недоумении.

— Я не понимаю. Это настоящая жизнь, а не погружение. Следующего уровня нет. Только если ты не имеешь в виду, что…

Зак заглядывает ей в глаза, и Кейт понимает, что не может отвести взгляд. Фиолетовая липучка.

— Только если ты не имеешь в виду смерть, — говорит Кейт.

Зак не разрывает зрительный контакт.

— Думай об этом, как о возвышении.

Кейт чувствует, будто ее голова готова взорваться сотнями оттенков неонового.

— Ты только что сказал, то, что мне показалось?

— У нас мало времени, — говорит Солан, ее щеки горят огнем. — Мы должны сделать это сейчас. Другие близко.

— В тот день в «Гордане», когда я сказал, что должен тебе кое-что рассказать. Тогда было не время и не место, потому что ты не была готова это услышать.

— Зак живет лишь ради тебя, из-за тебя, — говорит Солан. — Ты думаешь, что это совпадение, что он работал с Кеке над тем судом?

Она обводит рукой комнату.

— Думаешь, что-либо из этого совпадение?

— Пророчество, — говорит Кеке.

Солан кивает.

— Да.

— То пророчество было о Мэлли, — говорит Кейт. — Дитя «Генезиса» приведет нас к краю. Мэлли — дитя «Генезиса».

— Ты в этом уверена? — спрашивает матриарх.

— Конечно, уверена. Ты сама мне так говорила.

— Ты слышала то, что хотела слышать. Ты считала Мэлли сильным ребенком, но Сильвер сильнее. Ты видела ее суперспособности. Сильвер всегда была тем ребенком.

Кейт вспоминает капсулу Сильвер в «Атриуме». «ДГ» гласила гравировка. Кейт знает, что Сильвер всегда чем-то отличалась, знает глубоко внутри, что то, что говорит Солан — правда.

«Ее невозможно убить», — сказал парень в «Атриуме». Призрак. Дитя «Генезиса».

— Но что это значит?

— Что это значит? — спрашивает Солан. — Это значит, что, когда Сильвер исполнится шестнадцать, настанет конец всего.

— Мне исполнится шестнадцать через пару часов, — говорит Сильвер.

— Поэтому я и создала «Мезонин», — говорит Солан.

Кейт взбешена.

— Мне было нужно, чтобы вы вытащили Зака из «СкайРест», чтобы у вас обеих стояло «кружево», чтобы вы поняли, что мы вам скажем. Ты бы никогда не согласилась освободить Зака, как и установить нейронное «кружево», если бы я не заставила тебя, заточив Сильвер в ловушку в «Мезонин».

— «Заставила меня»? — спрашивает Кей, пока ярость прожигает дыру в ее внутренностях. — Я чуть не умерла в «СкайРест». Меня чуть не разорвали на части. Мне провели операцию на мозге без анестезии. Мне пришлось убить свою дочь. Ты хоть представляешь…

— Мне жаль. Хотела бы я, чтобы для вас обеих все прошло гладко.

— Тебе жаль? — спрашивает Кейт.

— Мутация V1R1S, — говорит Кеке, глядя на Солан, на нее начинает нисходить понимание, — это тоже твоих рук дело.

— Мне помогли, — говорит Солан, глядя на Темного Дока, на лице которого залегают тени, которых там раньше никогда не было. Бернард стоит на страже у дверей.

— Ублюдки, — выкрикивает Кеке. — Солан. Зак. Морган. Вы все в этом замешаны.

Гнев Кейт нарастает, руки сжимаются в кулаки.

Сет кашляет и выплевывает кровь на пол.

— И вы позволили Арро верить, что это она стала причиной восстания, когда она всего лишь пыталась сделать мир лучше. Вы позволили ей выйти отсюда и стать объектом мести за то, чего она не делала.

— Не переживай об Арронакс, — говорит Солан. — Мы о ней позаботились.

— Это уж точно.

Свет свечи мерцает в глазах Сета.

***

Кейт смотрит на Моргана и вспоминает, что делила с ним постель, какой раскованной она была. Ей дурно от такого предательства. Как она могла позволить этому снова случиться с ней? Она доверилась, и ее снова предали. Она вспоминает о Мармеладе Джеймсе и ей хочется кричать и рвать на себе волосы. Ей хочется избить их всех. Ей хочется убежать из этой комнаты, в которой щупальца клаустрофобии тянутся к ней, чтобы задушить.

— Ты сказал, что отправил Сильвер домой.

— Я знаю, что это тяжело услышать, Кейт, — говорит Морган, — но мы сделали это ради тебя.

Глава 99

Худший в мире свидетель Иеговы

Слишком много недосказанного витает вокруг Кейт, она не может понять, что происходит, что происходит на самом деле. Не то, во что люди хотят, чтобы она поверила, не то, во что легко поверить, а что истинно. Как все это складывается в единую картину? Предательство ощущается горечью на кончике ее языка с привкусом цианида, все равно, что жевать яблочную семечку. Очень похоже.

— И как нам отсюда выбраться? — спрашивает Кеке.

— Они хотят, чтобы мы убили себя, — говорит Кейт. — Так же, как мы «всплыли» из «Меззанина».

— Кажется немного нелогичным, — говорит Сет, кашляя. — Мы пытаемся здесь выжить, если вы забыли.

Кейт видит, что ему все сложнее и сложнее дышать.

— После всего, через что мы прошли! — Кейт меряет комнату шагами. — Ван Дер Хивер, Маутон, Джексон, Люмин. Мы боролись, чтобы выжить, боролись за жизни детей. После всего этого вы хотите, чтобы мы убили себя.

— Не думайте об этом, как о самоубийстве, — говорит Зак.

— Ха, — произносит Сет. — Я знаю, куда все идет. Вот пистолет! Но не думайте о нем, как о пистолете. Вот нож! Но не

думайте о нем, как о ноже. Сила позитивного мышления, так?

Зак качает головой.

— Все те люди, которым я помог…

— Убил, — поправляет Кеке. — Все те люди, которых ты убил.

— Я спас их.

— Спас их? Так это теперь называется?

— Рамфеле не сказал тебе, что все они хотели умереть.

— Так… ты теперь ангел милосердия.

— Они все страдали. Я лишь познакомил их с истиной.

— И с какой же?

— Что они могут покинуть эту реальность ради другой, лучшей. Что они могут отправиться в более широкую реальность над этим миром.

— О, Боже мой, — говорит Кеке. — Серьезно? Покинуть эту реальность ради реальности получше? Ты еб?ный евангелист? Ты хочешь сказать нам, что теперь ты худший в мире свидетель Иеговы?

— Лучший свидетель Иеговы, — говорит Кейт.

— Что?

— Ну, он бы был лучшим в мире свидетелем Иеговы, разве нет? Когда до такого дошел?

— Я знаю, что это сложная концепция, не укладывающаяся в ваших умах, — говорит Зак.

— Это преуменьшение, — говорит Кеке.

Кейт прикладывает теплую ладонь ко лбу, словно это поможет ей понять.

— Ты хочешь сказать… что Небеса существуют?

— Нет, — говорит Зак. — Нет, если твое понятие о Небесах включает поднятие в реальный мир.

— Бл*ть.

Сет чешет костяшками голову.

— Я не прошу вас убить себя, — говорит Зак.

— Правда? — спрашивает Кеке. — А нам кажется, что просишь.

— Я имею в виду, что это исходит не от меня. Послание.

— Тогда от кого? — спрашивает Кейт. — Кто тебя прислал?

Глаза Зака загораются.

— Ты.

Глава 100

Такова на вкус «Кул-Эйд»

— Чушь, — говорит Кейт. — Думаю, я бы это запомнила.

— Ты здесь не можешь этого помнить.

— Помнить здесь?

— Здесь мы на разных уровнях сознания. Думай об этом… думай о месте, в которое отправляешься… как о будущем.

— Ох*еть. Так мы теперь путешествуем во времени.

— Не совсем.

— Что ж, какое облегчение, — огрызается Кеке.

— Скажу так, — говорит Зак. — Будущее уже произошло.

Кейт садится и сильно щиплет бедро. Больно.

— Так значит… — говорит она медленно и четко, глядя на Зака, — ты утверждаешь, что я прислала тебя из будущего.

— Нет, но, вероятно, так тебе будет проще всего это понять.

Вдалеке раздаются крики. Новые варвары входят в здание. Все больше апока-пиратов пытаются проникнуть внутрь.

— Я пытаюсь объяснить это тебе самым простым и быстрым способом, так как, чтобы это сработало, мы должны сделать это прямо сейчас. Но я знаю, что вы этого не сделаете, если не поймете, что на кону.

— Тогда расскажи мне. Расскажи по-простому.

Взгляды Зака и Кейт встречаются.

— Мне нужно, чтобы ты сохраняла непредвзятость.

Дыхание Сета ухудшается. Он бьет себя по груди, пытаясь прочистить дыхательные пути, но от этого лишь сильнее кашляет. Сейчас с его платка капает кровь.

— Боже. Просто скажи, — говорит Кеке.

Зак втягивает воздух. Очевидно, что он морально готовится к тому, что собирается сказать.

— Вы когда-нибудь задумывались, как мне удалось стереть себя с записи с камер видеонаблюдения на угольном заводе?

— Конечно, задумывались, — говорит Кеке. — Не только с записи, но и из памяти людей тоже. Я опросила каждого присяжного, с которым мы работали, и никто не помнил, чтобы ты присутствовал на суде над Ланди.

— Это невозможно, — говорит Кейт.

— Не невозможно, — говорит Зак. — Мы всегда это делали.

— Делали что?

— Перепрограммировали мысли. Изменяли воспоминания. Сглаживали кое-какие моменты.

— О чем ты, бл*ть?

— Ты уверена, что не знаешь? — спрашивает Зак. — Так как я думаю, что глубоко внутри, ты знаешь.

— Я ничего не знаю, — говорит Кейт. — Скажи мне, что происходит.

Зак прочищает горло, складывает пальцы домиком.

— Это симуляция.

Кейт моргает. Она не понимает.

— Что симуляция? Эта комната? Этот день?

— Он имеет в виду все, — говорит Кеке. — Все и есть симуляция. Он имеет в виду, что наши жизни были симуляцией.

— Есть симуляция, — поправляет Зак.

— Заткнись, — говорит Кейт.

— Я знаю, что это тяжело услышать, очень тяжело, но клянусь, что это правда.

Кейт пялится на него. Она начинала верить в часть того, о чем он говорил, но сейчас мужик зашел слишком далеко. Он заблуждается и опасен, ему самое место в Крим-колонии. Зачем, бл*ть, она рисковала жизнью, чтобы помочь ему сбежать?

— Поэтому появилась суицидальная болезнь, — говорит Зак. — Поэтому все больше и больше людей здесь кончают жизнь самоубийством. Не потому, что суицидники, а потому, что узнают правду — что нужно умереть в этой симуляции, чтобы вернуться в реальный мир.

— Воу, — произносит Кеке. — Иди домой, Гердлер, ты пьян.

— Это ожидаемо, конечно же. Что вы будете скептически настроены, — говорит он.

Кеке смеется.

— Сеть знает, что я люблю хороший мозготрах, Закери Гердлер, но ты зашел слишком далеко.

Кейт вообще не считает это забавным.

— Ладно, я не могу, — говорит она. — Я сдаюсь. Я больше этого не вынесу.

Сет кашляет.

— Это не невозможно.

— Что? — Кейт резко разворачивается, чтобы посмотреть на него.

— То, что он говорит. Это хорошо подкрепленная теория. С научной точки зрения, шансы на то, что этот мир — симуляция, намного выше, чем на то, что не симуляция.

— Только не ты тоже, — говорит Кейт. — Мистер-никогда-не-пейте-Кул-Эйд. У меня для тебя новости. Это «Кул-Эйд». Именно таков на вкус еб*ный культовый «Кул-Эйд».

— Нет, — говорит Сет. — Кейт. Я знаю, что ты не хочешь этого услышать, но математически это имеет смысл. Вероятность того, что мы живем не в симуляции, очень мала.

— Заткнись, — говорит Кеке, хлопая огромными глазами.

— Но я чувствую, что реальна, — говорит Кейт. — Глубоко внутри я знаю, что реальна. Ничто из того, что ты скажешь, этого не изменит.

Зак мягок с ней.

— Ты чувствуешь себя реальной, потому что тебя

запрограммировали так себя чувствовать. Как робосапиенсов запрограммировали чувствовать себя людьми, и они чувствуют, так как не знают другого. Поэтому тебе так сложно примириться с этим знанием. Ты никогда не должна была услышать правду. Тебя создали для функционирования по правилам игры, а не для того, чтобы разрушать их. Это естественно, что ты не можешь мыслить вне рамок.

Быть запертой в невидимой коробке все равно, что быть запертой в коробке.

— Но нейронное «кружево» расширяет твое сознание, — говорит Солан. — Ты прежде не могла видеть истину, но теперь можешь, если решишь ее увидеть.

— Кварки, — бормочет Сет.

— Что теперь? — спрашивает Кеке.

— Кварки. Правила, управляющие поведением субатомных частиц, почти идентичны компьютерным кодам, которые исправляют ошибки при манипулировании данными на компьютерах, — когда Кейт смотрит на него, не понимая, он говорит: — По сути, похоже на то, что частицы управляются компьютерными кодами. Вселенная — это математика. Все это может указывать лишь на одну вещь — что она спроектирована. Ты же знаешь про соотношение Фибоначчи, Кейт. Мы говорили о нем в день, когда снова встретились.

— Я помню, — говорит она.

— Оно применимо ко многим космическим аспектам, и это лишь начало. Константы, существующие в природе, такие как величины физических сил — имеют значения, которые словно довели до совершенства. Даже малейшее изменение приведет к тому, что атомы станут нестабильны. Планеты сойдут со своих орбит. Есть лишь одно возможное объяснение. Вселенная — эта Вселенная, по крайней мере, была создана.

Кейт не хочет соглашаться с тем, что говорит ее брат. Слишком сумасшедшая, конспирологическая теория. Конспирология всех конспирологий.

— Посмотри на гиперреальность, которую достигли в играх, в которые Сильвер играет в «Атриуме». Наши технологии все еще не на высоте, но придет время, когда будет возможно создать нечто похожее на нашу Вселенную — что позволит нам поиграть в Бога. Тогда будет логичным предположить, что цивилизация на один уровень выше нас с продвинутыми компьютерными технологиями сделала то же самое, и что их работа — причина, по которой мы с тобой живем и дышим.

— Из всех людей ты, — говорит Кейт Сету. Гениальному циничному Сет. — Как ты можешь в это верить?

— Дело не в вере, Кейт. Это математика. Я не единственный, кто в это верит. Бустрем. Мински. Маск. Они все говорят одно и то же. Нельзя не соглашаться с наукой. Это не просто правдоподобно… это единственное объяснение. Если ты присмотришься повнимательнее, некоторые могут сказать слишком внимательно, на молекулярном уровне, ты увидишь, что картинку можно увеличивать лишь до тех пор, пока она не станет размытой. Нечеткой.

— Будто состоит из пикселей? — спрашивает Кейт.

— Именно, — отвечает Сет. — Посмотри достаточно пристально, и поймешь, что все состоит из еб*ных пикселей.

Глава 101

Киберкосмическая пыль

— Помните все те времена, когда вы гадали, и это все? — спрашивает Зак. — Знаете то чувство? Ощущение уверенности, что в этой жизни чего-то не хватает? Что ж, теперь вы знаете, почему. Потому что интуитивно, вы всегда знали, что это не все. Кейт, ты всегда это знала.

Кейт понимает, что это правда — черная дыра была с ней всегда. Зияла всю ее жизнь, несмотря на то, что она нашла своего потерянного близнеца, несмотря на то, что воссоединилась со своими биологическими родителями, несмотря на то, что сама родила ребенка и получила дар в виде Мэлли. Темный вакуум преследует ее, сколько она себя помнит.

Сет трет лицо.

— Я тоже это чувствую.

— Есть и другие подсказки, — говорит Зак. — Подсказки, которых вы до этого момента не замечали. До того, как установили «кружево».

— Например? — спрашивает Кейт.

— Твоя синестезия. Твои цифры и цвета, фигуры и запахи. Это отголоски реального мира.

Кейт снова вспоминает капсулу Сильвер и вспоминает слоган, написанный фиолетовым на стене.

«Как мы творим, так, вероятно, создали и нас».

Кейт смотрит на Сильвер.

— Игра, в которую ты играешь. Ты создаешь симуляции.

Сильвер кивает.

— Симуляции, как эта.

Девочка снова кивает.

— Это называется сотворение. Важна красота и посыл, как в искусстве. Игроки вместе создают миры, в которых играют.

— Так ты понимаешь, о чем они говорят.

— Да, — отвечает Сильвер.

— Сильвер поведет тебя, — говорит Солан. — Она была рождена для этого.

***

Хаос приближается. Скоро они будут здесь, и все будет кончено в любом случае. Даже, если ничто из того, что говорит Зак, не является правдой, быстрый, безболезненный суицид здесь лучше, чем, когда тебя убивает кровожадная толпа дикарей. Кто знает, что они с ней сделают, что сделают с Сильвер?

Игроки вместе создают миры, в которых играют.

Новое знание сияет, как луч света, в голове Кейт. Она начинает понимать. Первоначальные мысли новых концепций начинают зарождаться в ее голове. Вещи становятся очевидными, когда раньше их затмевала ежедневная драма в ее жизни. Мысль об обмане не дает Кейт покоя. Разве не приходила ей в голову эта мысль сотни раз? Что ее жизнь — это некий жестокий ложный замкнутый круг? Жжено-оранжевое дежавю.

Та же сама история, рассказанная по кругу, параллели с небольшими изменениями — злой доктор Ван Дер Хивер, злой лидер культа Люмин. Кейт с Сетом похитили малышами, Мэлли с Сильвер похищали, когда они были малы. Кейт сломала руку — ту же руку — неоднократно. Вырезала чип из своей головы в 2021, разрезала себе голову, чтобы установить «кружево» в 2034. Спасла Сильвер от «Воскресителей», из «Мезанин». Мэлли полюбил своего щенка-робота, влюбился в Вегу. Кейт предал Джеймс, Кейт предал Морган. Кейт отрезала палец Джеймсу, Люмин отрезал палец Сильвер. А теперь, глядя на Зака, знакомого незнакомца, она не может избавиться от мысли, что это уже было.

«Ты всегда это знала».

В голове Кейт дует бриз из горячих искр. Сказки тоже теперь обрели смысл. Вот, что пыталось донести до нее ее подсознание, когда ей только установили «кружево» и погрузили в «Мезанин». Кто бы ни создал эту симуляцию, он игрался с историями из классических сказок. Гензелем и Гретель, конечно же, были Кейт и Сет, похищенные детьми. После была сказка «Крысолов» — внешне благодушный Мейстр Люмин и его охотники на крыс, увозящие детей. Сегодняшние сказки «Белоснежка» и «Спящая красавица» — Сильвер, обладающая фарфоровой кожей и находящаяся под заклятием Солан, спящая и дожидающаяся, когда ее вернут к жизни. Кейт в розовом лабиринте, Кейт в лабиринте. Похищение, гипноз, яд, розы, шипы, спасение, освобождение, повторное пробуждение. Она это все знает. По

сути, она всегда знала этот сценарий.

Как мы творим, так, вероятно, создали и нас.

— Миру этой симуляции приходит конец, — говорит Зак. — Скоро от него останется лишь киберкосмическая пыль. Симуляция имеет конечную дату.

Солан делает шаг вперед.

— Этого не понимал Люмин. Он думал, что, если убьет дитя «Генезиса», он спасет мир, но этот мир нельзя спасти. Тот факт, что конец симуляции приходится на шестнадцатый день рождения Сильвер, очень символичен. Ничто и никто в этой симуляции не может этого изменить. Конечно, Люмин страдает комплексом Бога и не прислушивается к голосу разума. Он верит в собственную интерпретацию пророчества, в то, что сможет повлиять на алгоритм, если убьет Мэлли. Он думает, что спасает мир.

— Ты общаешься с Люмином? — спрашивает Кейт.

— Я такого не говорила.

— Он где-то поблизости?

— Можно и так сказать.

Глаза Солан говорят: «Мы не видели его труп».

— Этот мужчина причинил мне столько головной боли.

— Он почти провалил миссию, когда устроил мой арест, — говорит Зак. — Двенадцать лет промывки мозгов в «СкайРест» не были частью плана.

— Люмин устроил твой арест?

— Косвенно, да. Кеке заключила ту сделку с Рамфеле, чтобы избежать ареста, иметь возможность найти близнецов и быть с Марко, когда он умирал. Обе эти ситуации спровоцировали «Воскресители», что ведет к Люмину.

— Но почему ты просто не мог… написать из «СкайРест»? — спрашивает Кейт.

— Мы можем влиять на психику, — говорит Зак. — А взлом подземной исправительной колонии строгого режима — это совсем другое. Я не ожидал, что меня приговорят, но, когда меня это произошло, подумал, что у меня есть время составить план. Затем они накачали меня наркотиками и стерли мне память прежде, чем я составил план побега. Я забыл, кто я есть, пока был там. Забыл о плане. Забыл обо всем.

— Но все сработало, — говорит Солан. — Я знала, что сработает. Иногда мы должны довериться происходящему. На самом деле это было довольно непросто. Устроить тебе побег из «СкайРест» было идеальным квалификационным заданием для Кейт.

— Легко сказать, — говорит Зак. — Это не тебе высосали весь

мозг из головы.

— Тебе нужно было заработать немного Очков страдания, — говорит Солан. — Твои были очень низки.

— Очки страдания — это как карма, — говорит Сильвер Кейт. — Их нужно определенное количество, чтобы подняться на новый уровень.

Чертовски уверена, что мы все прошли квалификацию, думает Кейт, глядя на людей, которых любит. Сет кашляет кровью, у Кеке резаная рана на спине, у Мэлли болит сердце, Сильвер все еще приходит в себя после «Мезzанин».

— Итак, дату окончания этой симуляции нельзя изменить, — говорит Зак. — Но создатель симуляции хочет, чтобы вы поднялись на новый уровень, прежде чем это произойдет.

Глава 102

Яд и кружево

Солан достает аккуратный металлический ящичек из своей белой наплечной сумки.

— Эта часть легкая, — говорит Зак. — К счастью. Вы пережили худшее.

Светло-голубой бриз облегчения.

Солан открывает кейс, являя виду аккуратный ряд из десяти узких канавок в том, что выглядит, как черное мыло. Три пусты, а в остальных покоятся семь инъекционных ручек. Они изготовлены из очень тонкого стекла и стали.

— Зачем новомодные технологии? — спрашивает Сет. — Если то, что вы говорите правда, тогда конечно же пуля в лоб решит все дела?

— Нет.

Зак забирает кейс у Солан и достает первую ручку.

— Смерти недостаточно, чтобы подняться на новый уровень. Люди думают, что просто могут убить себя, чтобы покинуть симуляцию — как делают в «Иден 7.0», но эта симуляция намного более сложна. Это не игра. Этой технологии на несколько сотен лет больше, чем этой реальности. Нельзя просто умереть. Нужно еще применить технологию. Вам нужно нейронное «кружево».

— Инъекционное «кружево»? — спрашивает Темный Док, изучая ручку, которую дает ему Зак.

— Не просто «кружево». Это идеальное сочетание яда и «кружева». Думай о побеге из этой симуляции, как о портале, который открывается всего на пару секунд. Ты можешь увидеть этот портал, лишь когда умираешь, и можешь пройти через него только, если у тебя есть «кружево». Это сложно.

Зак вручает каждому по ручке, кроме Солан.

— Ты не идешь? — спрашивает Бернард.

— Нет, — говорит Солан. — Я сделала работу, которую должна была сделать.

Кейт знает, что все не так просто. В комнате их восемь, а ручек только семь.

— Кем были другие трое?

— Одну дали Арронакс, — говорит Зак. — Одну послали Марко и одну твоей матери, но мы не знаем, дошли ли они до них и использовали ли они их вовремя.

Ее матери! Кейт представляет Энн в другом измерении, здоровую и не сидящую в инвалидном кресле.

Голоса приближаются.

— Поспешите, — торопит Солан.

Кейт стоит на воображаемом уступе. За ним ничего нет, кроме неба цвета водных лыж, перистых облаков, прохладного аромата цитруса. Открытое небо повсюду, воздух необычайно свеж. Она глубоко его вдыхает. Прыгнет ли она? Заставит ли своих детей прыгнуть? После всего, через что она прошла, чтобы спасти их, прыгнет ли она вместе с ними в забвение?

— Бл*ть, — произносит она.

Кеке смотрит на нее, округлив глаза.

— Можешь повторить?

— Что мы делаем?

— Мы поднимемся на новый уровень или умрем, пытаясь, — отвечает Сет.

— И для этого надо убить себя? — говорит Кейт. — Убить близнецов?

Она чувствует, будто все ее тело наполняется кислотой.

— Вы не можете, — говорит Кеке. — Ни за что.

Зак подходит к ней с ручками в кейсе.

— Это единственный путь.

Кейт делает движение, чтобы взять одну, но колеблется.

— Я не верю, что мы собираемся это сделать.

— А мы собираемся? — спрашивает Мэлли. Его глаза все еще опухшие.

— Боже, — произносит Кеке. — Ты действительно собираешься это сделать? Ты веришь, что это правда?

— Я не знаю, во что верю, — отвечает Кейт. — Я лишь знаю, что, если мы не прыгнем сейчас, скоро здесь будут те, кто подтолкнет нас. Я лучше прыгну сама.

— Я тоже, — соглашается Сильвер. — Не позволю тем людям прикоснуться ко мне.

— Я все равно умираю, — говорит Сет. — Я это чувствую. Я не переживу ночь.

— Ты этого не знаешь, — говорит Кеке.

— Знаю. Мои легкие превращаются в жидкость. Скоро я не смогу дышать и не хочу дожить до этого момента. Симуляция или нет, я воспользуюсь одной из тех ручек.

— Я тоже, — говорит Мэлли. — У меня не осталось ради чего жить.

— Боже, — произносит Кеке.

Кейт поворачивается к ней.

— Пошли с нами.

Кеке трясет головой.

— Мне это не нравится. Я скорее останусь и буду сражаться.

— Нас превосходят числом, — говорит Кейт. — Они ворвутся сюда в любую секунду. Меня почти… почти разорвала толпа в «СкайРест»… Я не позволю этому случиться снова, с тобой.

Кеке все еще колеблется. У нее нет нейронного «кружева», как у Кейт, так что она не может видеть вне рамок, не может видеть ростки истины, которые начинает замечать Кейт. Как Кейт убедить ее? Кеке никогда особо не испытывала страха, так что Кейт решает поменять подход.

— Это будет приключение, — говорит она. По большей части это ложь, так как она сама не знает, верит ли Заку. — Это будет лучшая бл*дская вещь, которая с нами только происходила.

Или это может быть простой суицид.

Кеке постукивает ногой, думает, скрестив руки. Слышен грохот у ближайшей двери.

— Это риск, я знаю, — говорит Кейт. — Это еб*ная метафизическая русская рулетка. Но, если отсюда есть выход, — она показывает рукой на близнецов, — я должна рискнуть. А я не хочу идти без тебя.

Когда Кейт представляет вращающееся дуло револьвера, покрытого звездной пылью, висящее в воздухе между ними, гремит реальный выстрел, затем еще, и перед ее глазами возникают жесткие, острые зигзаги, когда кто-то дико кричит от ужаса. Острые зубы. Слышится грохот и хрустальный звон, когда бьются окна. Похоже, дикари хотят еще одну жертву.

— Кеке, пожалуйста!

Рана на спине Кеке снова кровоточит.

— Ладно, — говорит Кеке. — Ладно. Я это сделаю.

Кейт задумывается, ощущая неоновый удар в живот, поступает ли правильно, убеждая свою лучшую подругу принять яд.

Глава 103

Прощальная вечеринка

Довольно просто самому вколоть себе содержимое ручки, но семья негласно решила уколоть друг друга. Они обнимаются,

после Сет подходит к Мэлли, который, сжав челюсти, подставляет правое плечо, и Сет, бледный, как слоновая кость, вкалывает ему «кружево». Глаза Мэлли закатываются, и Сет осторожно опускает его на пол. В горле Кейт застревает рыдание. В глазах Сета тоже стоят слезы.

Кейт заглядывает в глаза Сильвер.

— Ты уверена, что хочешь этого?

— Да, — говорит она. — Да, мам.

Кейт очень крепко обнимает ее, берет ее лицо в свои руки и целует в щеку.

— Смелая девочка, — говорит она. — Ты всегда была смелой.

Кейт рыдает, впрыскивая содержимое ручки в руку Сильвер, и ловит дочь, когда та обмякает в ее руках. Кладет хрупкое тело рядом с телом Мэлли.

Морган машет Кейт на прощание и делает себе инъекцию, то же самое делает Бернард. Зак щупает пульс на их запястьях, чтобы убедиться, что их сердца остановились.

Кеке обнимает Кейт на прощание.

— Ты получила то, что хотела.

— Что?

— Прощальную вечеринку! Она идеальна. Только вот похоронного торта не хватает.

Кейт почти смеется.

— Как ты можешь шутить в такое время?

— О чем ты? — спрашивает Кеке. — Апокалипсис — это всегда самое лучшее время для шуток.

Привыкшая к уколам инсулина Кеке не вздрогнет, делая себе укол, но Сет забирает у нее ручку и крепко обнимает. Она обнимает его в ответ. Они все плачут.

Сет колеблется, прежде чем сделать ей укол.

— Кеке.

— Сет. Не надо ничего говорить.

— Я хочу сказать.

Шаги снаружи. Сначала до них доходит запах толпы — запахи злонамеренности, пота, крови и пороха проникает в комнату.

— У нас нет времени, — говорит Кеке.

— Я хочу, чтобы ты знала, что я к тебе чувствую.

Взгляд глаз Кеке смягчается. Она накрывает его руку своими дрожащими пальцами и забирает свою ручку.

— У нас нет времени, — говорит она и делает себе укол.

Тело Кеке обмякает в его руках. Кейт наблюдает за тем, как он держит ее, вдыхая запах, затем нежно опускает на пол.

Кейт все еще плачет, когда они с Сетом садятся на пол и

берутся за руки.

— Это сработает? — спрашивает Кейт, глядя на своих мертвых детей, тревога подобна яркой бомбе в ее голове.

— Не знаю, — дыхание Сета вырывается рваными выдохами.

Она делает глубокий, судорожный вдох. Ее трясет.

— Наверное, есть лишь один способ выяснить.

Кейт с Сетом жмут друг другу руки.

— Я люблю тебя, — шепчут они друг другу, а затем с нежностью делают укол.

Кейт шокирована острой болью от ручки. Она чувствует, как яд окрашивает внутреннюю часть ее вен. Именно так она представляла себе боль после того, как тебя ужалит медуза. Стая, смак. Ярко-синий поток яда несется к ее сердцу. Она слышит шум крови в ушах.

***

Варвары врываются внутрь. Три, пять, затем десять, скользкие от свежей крови и испачканные смертью и пороком. Кейт видит, как они нападают на Солан в белом халате, ей жаль ее. Шум крови мешает Кейт видеть, но она кое-как различает, как Зак делает себе укол. Он бросает взгляд на Солан, которая кивает в ответ, ее лицо выдает ужас всего лишь на долю секунды.

Глаза Кейт закатываются, и она ожидает, что увидит тьму, а затем понимает, что больше никогда не проснется, но вместо этого слышится белый гром, будто стоит перед гигантским водопадом. Кейт с Сетом падают на спину на пол, все еще держась за руки, по ощущениям, они словно проваливаются через пол. Они делают последние вдохи, и их души покидают тела.

Эпилог

«Нирвана 1.0»

Это не похоже на пробуждение.

Не совсем. Больше похоже на то, когда ты задремал, а затем что-то резко вырвало тебя из дремы. Ты не спал, а теперь точно проснулся. Кейт ощущает зеленый поток чистого сознания (Мятный Треск).

Кейт стоит посреди поля, засеянного дикими цветами. Это символично, уверена она, круговорот жизни и смерти. Она вспоминает сад в своей небольшой квартирке, где она жила с Джеймсом, черный лабиринт роз в Люминарии и расползсшиеся дикие травы в стеклянном «Атриуме».

«Атриум» — еще один термин, обозначающий сердце, это имеет смысл — стеклянное сердце — сейчас казалось бы несвязанные вещи обретают новый смысл, как и ее цвета и

формы. Словно она теперь получила более глубокое понимание всего, когда она наверху, или за, ее предыдущей жизни.

Кейт снова одета в свой облегающий оранжевый костюм. Он придает ей энергии, заставляет чувствовать всесильной, словно она может лететь по воздуху. Она касается живота, бедер, чтобы убедиться, что она здесь. Драконий клинок вернулся в ножны на ее поясе.

— Мама, — говорит Сильвер, это похоже на то, словно она появилась там, где всегда была. Она выглядит здоровой в этом измерении, Кейт даже не думала, что Сильвер когда-нибудь будет выглядеть такой полной сил. Ее кожа обрела цвет — цвет созревших на солнце персиков, ванильного мороженого с примесью корицы. Она одета в белое, за ее спиной арбалет и колчан стрел с алмазными наконечниками в стиле СурроСестер. У нее крепкие плечи и руки, на них видны мышцы.

Другие тоже здесь, и это ощущается правильным. Кеке с Морганом стоят позади Кейт, одетые, как стимпанк-ассасины. Мэлли стал сложным роботом, гладким и сильным в своих титано-силиконовых доспехах. Он носит осколок души Веги на своей груди, под сердцем.

Бернард приняла форму огромной меховой собаки и раздувает травы теплым, влажным дыханием. Сенбернар, конечно же, названный в честь монаха, который помогал путникам, попавшим в беду, в их сложном путешествии через самую высокую часть альпийского маршрута и основал там приют. Партнеры по путешествию и смерти.

Все всегда было таким очевидным? Кейт словно может ясно видеть — очень ясно — впервые в жизни.

Рядом с Бернард появляется Зак, он тоже принял форму аватара. Он выглядит, как он сам, но выше, его кожа сияет бронзой, а за спиной виднеются огромные крылья с огненными перьями.

Святой Захария.

Уроборос выглядит, как движущаяся татуировка из сусального золота на его груди — змея, поедающая свой хвост. Вечная смерть, вечное возрождение к жизни.

— Где Сет?

— Мы его найдем.

— Моя мама? Марко? Арронакс?

— Мы не знаем, здесь ли они, но попытаемся их найти.

Кейт оглядывается вокруг. За пределами этого цветущего поля слева находится белая пустыня, а справа сверкающий городской пейзаж.

— Вот он? — спрашивает Кейт. — Это настоящий мир?

— Не совсем, — отвечает Зак. — Пока нет.

— Что?

— Это первый шаг.

— Но ты сказал, что «кружево»… выведет нас из симуляции?

— И оно вывело. Теперь вы должны подняться на другой уровень. Нельзя просто войти туда. Вы должны доказать свою ценность.

— Это игра, — говорит Сильвер.

— Я не очень хороша в играх.

— У тебя есть мы, — Зак жестом обводит других, затем показывает на Сильвер. — Включая самого лучшего игрока, которого только видел мир.

— Ты не рассказывал мне этого, — говорит Кейт.

— Я знал, что ты не пойдешь. Ты бы стала кибер-пылью, и я бы провалил миссию.

— И что мне теперь делать?

— Ты можешь сделать лишь одно. Победить.

— Победить? Что, если я не смогу? Возвращаться назад некуда.

— Все верно, — говорит Зак, его перья горят. — Так что я советую тебе победить.

Он начинает идти вперед по направлению к сияющему городу, оставляя на своем пути искры и подпаленную траву. Бернард в образе собаки дышит через рот и присоединяется к нему, рассекая траву своими широкими, жесткими боками.

Нервная энергия Кейт поднимается волной в ее теле, движется вверх.

— Но как? — спрашивает она. — Как играть?

Зак оборачивается. Горящие перья метут по земле.

— Ты поймешь. В конце концов, ты изобрела эту игру.